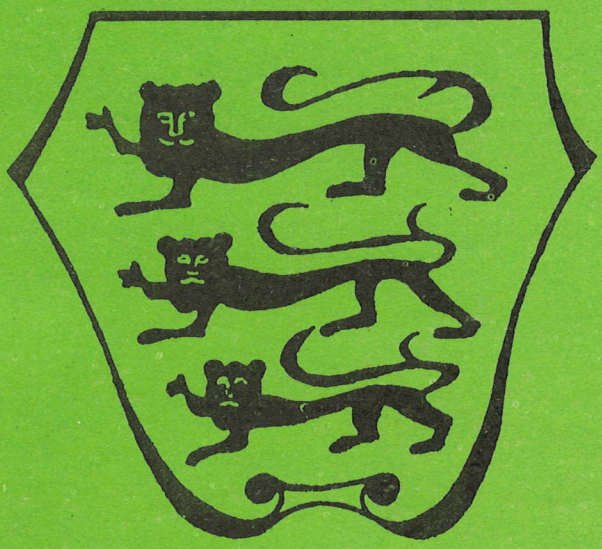
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ГОРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ПРОБЛЕМЫ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА И ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В АНГЛИИ

Межвузовский сборник

Горький 1980

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ГОРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ПРОБЛЕМЫ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА И ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В АНГЛИИ

Межвузовский сборник

Издание ГГУ
Горький 1980

Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Межвузовский сборник, изд. ГГУ, 1980, с. 115.

Сборник содержит материалы, выявляющие методологические и историко-теоретические вопросы разложения феодальной формации и становления буржуазного общества в Англии: взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на английскую колониальную политику этой эпохи в Ирландии, анализ конкретных форм возникновения капиталистического уклада в экономике Англии, новых форм торговых связей, внешнеторговых аспектов генезиса капитализма. Исследуются международные аспекты Реформации в стране, истоки буржуазной индепендентской идеологии, формирование буржуазной концепции исторической науки в трудах Ф. Бэкона.

Материалы сборника подготовлены историками Горьковского, Московского, Белорусского, Мордовского, Северо-Осетинского, Ивановского университетов, других вузов страны.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, всех интересующихся историей Англии.

Темплан ГГУ, 1980 г., п. 545.

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Воробьева Е. Д., Золотов В. И. (ответств. секретарь), канд. ист. наук Исаенко А. В., докт. ист. наук Кузнецов Е. В. (ответств. редактор), докт. ист. наук Сапрыкин Ю. М., канд. ист. наук Телегина Э. П., докт. ист. наук Штокмар В. В.

© Горьковский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 1980 г.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА ОБ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ИРЛАНДИИ В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ (1660—1688)

Э. П. Телегина

Разрабатывая основы теории национального вопроса и определяя стратегию и тактику рабочего класса по отношению к национально-освободительному движению, основоположники марксизма неоднократно обращались к истории Ирландии, которую Ф. Энгельс назвал «первой английской колонией»[1]. Особенно интенсивно они изучали ее в 60-е годы XIX в., когда возникла необходимость выработать позицию Международного товарищества рабочих в свете активизировавшейся борьбы ирландского народа. В этот период появились основные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса по ирландскому вопросу[2], он нашел также значительное отражение в их переписке.

Советские историки внимательно изучали это наследие как в специальных историографических исследованиях, где анализируется общая концепция ирландской истории, сформулированная К. Марксом и Ф. Энгельсом[3], так и в конкретно-исторических трудах. Опираясь на проведенный основоположниками марксизма анализ, исследователи раскрывают важнейшие проблемы истории этой страны. Большое внимание уделялось ими древней истории Ирландии[4], колониальному закабалению Зеленого острова[5] в средние века[6] и, особенно, в период английской буржуазной революции[7], национально-освободительной борьбе ирландского народа[8].

Крупными достижениями советской историографии являются обоснование причин интереса К. Маркса и Ф. Энгельса к ирландской истории, раскрытие их творческой лаборатории по ее изучению, а также выявление научно-методологических принципов, с которыми основоположники марксизма подходили к исследованию прошлого первой английской колонии. Советские ученые показали, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали историю Ирландии, как историю колониальной страны, в тесной связи с развитием капитализма в Англии; они также обратили внимание на выдвинутый основоположниками марксизма тезис об обратном влиянии

ирландских событий на историческое развитие метрополии. Советские историки проявили серьезный интерес к периодизации истории Ирландии К. Марксом и Ф. Энгельсом, их анализу беспощадных методов колониальной политики англичан в этой стране, классового характера национально-освободительной борьбы ирландского народа на различных этапах его истории. Важное значение для исследователей ирландской истории имела также оценка классиками марксизма антинародной религиозной политики англичан, насаждавших в Ирландии протестантизм и использовавших Реформацию в качестве одного из предлогов для земельных конфискаций.

Рамки статьи не позволяют нам охарактеризовать подробно бесценное богатство идей К. Маркса и Ф. Энгельса в области конкретных проблем ирландской истории, выявленное советскими историками и ставшее методологической основой их исследований[9]. Однако, на наш взгляд, есть возможность расширить известные представления о концепции ирландской истории в трудах основоположников марксизма, рассмотрев их взгляды на историю Зеленого острова в последней трети XVII в. Задача состоит в том, чтобы раскрыть научное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса в области изучения английской колониальной политики в Ирландии в конкретно-историческом исследовании этой проблемы.

Статья написана на основании как вышеназванных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященных ирландской истории, так и их работ, содержащих оценку реставрации Стюартов и переворота 1688 г .в Англии. Большая группа последних относится к периоду буржуазных революций 1848—1849 гг. в Европе (К. Маркс. «Монтескье LVI»; К. Маркс и Ф. Энгельс. «Рецензия на памфлет Гизо «Почему удалась английская революция?»; Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии» и др.[10]). Анализируя характер, особенности и итоги этих революций, основоположники марксизма сравнивали их с историческими предшественницами и неоднократно обращались к анализу социального и политического развития Англии, порожденного революцией XVII века. Были использованы нами и произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, созданные ими в разные годы в связи со специальным интересом к истории Англии, передовой капиталистической страны, где противоречия между пролетариатом и буржуазией достигли к середине XIX в. наибольшей остроты (К. Маркс. «Британская конституция», 1855[11]; его же. «Пальмерстон и английская олигархия», 1855 г.; Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии», 1845 г.[12] и др.). В них, раскрывая характер политического строя Англии, как пережившего себя компромисса между господствовавшей во всех сферах буржуазной и официально

правящей земельной аристократией, авторы делают важные замечания по истории его формирования.

Большую ценность для нашего исследования имеет и теоретическая работа Ф. Энгельса «Введение к английскому изданию развития социализма от утопии к науке» (1892)[13], написанная с целью пропаганды марксизма и защиты его от ревизионизма. Здесь, показывая сущность открытого К. Марксом материалистического понимания истории, Ф. Энгельс делает интересные исторические экскурсы в английскую историю XVII века.

В английской и ирландской буржуазной историографии распространен тезис об экономическом процветании Ирландии в период реставрации Стюартов[14].

В своих исследованиях буржуазные историки XIX и XX вв. (Д. Фроуд, Г. О′ Брайен, Д. Огг, Р. Денлоп, Х. Уоррен и др.) ставят под сомнение наличие колониального грабежа этой страны в 1660—1688 гг.

Основоположники марксизма, изучая на основе документов историю английского господства в Ирландии при поздних Стюартах, вскрыли колониальный характер политики метрополии; ее грабительскую сущность они видели прежде всего в аграрной политике английского правительства этого времени. «Заметки к истории ирландских конфискаций» и «Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII вв.» Ф. Энгельса содержат богатый фактический материал и многочисленные замечания автора, убеждающие в этом.

Особое внимание следует обратить на саму структуру «Заметок к ирландским конфискациям», имеющую методологическое значение. Общеизвестным фактом является то, что ни при Карле II, ни при его брате Якове II в Ирландии не проводилось массовых конфискаций земли, подобных тем, какие были осуществлены при Елизавете, Якове I или при Кромвеле; напротив, какая-то часть земли была возвращена ими дореволюционным владельцам. И, несмотря на это, Энгельс счел необходимым выделить особый параграф, посвященный конфискациям Карла II[15]. Выделением специального параграфа он как бы старался подчеркнуть единство и преемственность колониальной политики Карла II и его предшественников. Тем самым Энгельс вскрыл подлинный смысл аграрной политики поздних Стюартов, заключавшейся в закреплении предшествующих конфикаций.

В той же работе Энгельс приводит таблицы, показывающие значительный перевес английского замлевладения над ирландским при Карле II[16]. Подход автора к составлению этих таблиц также важен в методологическом плане, ибо он построен на подсчете земельной площади, удержанной англичанами из конфискаций, осуществленных во время республи-

ки, а не возвращенной некоторым категориям населения Ирландии законами Реставрации.

Тезис о колониальном содержании земельной плитики поздних Стюартов, ставший методологической основой для исследования исторических документов, находит в них конкретное подтверждение. Не подлежит сомнению проанглийский характер «Акта об устроении» 1660 г. и «Объяснительного акта» 1665 г., в первых строках утвердивших ограбление ирландского народа, совершенное при Кромвеле. Нет сомнения в том, что в той мере, в какой они были осуществлены на практике, они защитили английское землевладение в Ирландии[17].

Отчетливо проступает в трудах основоположников марксизма и убеждение в колониальном характере ирландской торгово-промышленной политики англичан периода Реставрации. В «Записках по истории Ирландии XVII и XVIII вв.» Энгельс приводит конкретные факты по этому вопросу. Он подчеркивает при этом, что грабительские законы о торговле и промышленности принимались тогда исключительно английским, а не ирландским парламентом, который умышленно не созывался правительством в течение последних двадцати шести лет Реставрации[18]. В качестве наиболее ущербных для ирландской экономики мер Энгельс называет Навигационный акт, и акты, запрещавшие разведение в Ирландии табака и ввоз в Англию ирландского скота.

В «Наброске непроизнесенной речи по ирландскому вопросу» К. Маркса и в «Выписках по ирландской истории XVII—XVIII вв.» Ф. Энгельса содержится также положение, имеющее важное методологическое значение для изучения английской экономической политики в Ирландии этого периода. Конец XVII — начало XVIII вв. Маркс и Энгельс считали хронологической вехой, открывающей, по их мнению, ее новый этап. Существенным признаком экономической политики данного периода является смена основных форм эксплуатации, примененных Англией в своей первой колонии. Вместо земельного грабежа, являвшегося главным средством ограбления ирландцев до середины XVII в., на первый план выступает экономическое закабаление Ирландии, при котором главную роль в эксплуатации страны начинает играть торгово-промышленная политика. В специальном разделе «Наброска непроизнесенной речи», озаглавленном «Изменение характера английского господства», К. Маркс пишет: «Прежняя английская политика: поселение вместо выселенных ирландцев англичан (при Елизавете), круглоголовых (при Кромвеле). Со времени Анны[19] для экономической политики XVIII в. характерны лишь протекционистские меры, принимаемые против ее собственной английской колонии»[20].

Мнение Энгельса о новом этапе колониальной политики Англии в Ирландии согласуется с выводом Маркса с тем лишь отличием, что его начало он связывает с правлением Вильгельма III[21]. Новые черты в английской колониальной политике, обнаруженные Марксом и Энгельсом для конца XVII — начала XVIII вв., были естественным следствием интенсивного развития капитализма и формирования буржуазного государства в Англии того времени. На основании периодизации основоположников марксизма исследователь вправе предположить, что первые признаки явления, окончательно оформившегося на грани XVII и XVIII вв., появились несколько раньше как непосредственный результат английской буржуазной революции.

Специальное изучение этого вопроса убеждает нас, что уже в последней трети XVII в. английское государство применяло экономические методы эксплуатации Ирландии, которая уже тогда начала приобретать значение крупного поставщика сырья для легкой промышленности и продовольствия для растущего городского населения Англии. Именно в этот период начала закладываться основа уродливого экономического развития первой английской колонии, ее превращения в аграрно-сырьевой придаток метрополии[22]. Правда, при последних Стюартах политика, ограничивавшая развитие промышленности и торговли Ирландии в интересах английской буржуазии, не была последовательной. Одной из причин этого был уровень экономического развития Англии: аграрная страна, промышленность которой находилась на мануфактурной стадии, не испытывала в то время нужды в ирландской сельскохозяйственной продукции и поэтому английское правительство разрешало свободную торговлю со странами континента некоторыми товарами регулярно, а другими — периодически. Непоследовательному проведению экономической политики способствовал также двойственный характер режима Реставрации с точки зрения его классового содержания.

* * *

Знание классовой природы Реставрации является необходимым условием понимания особенностей английского господства в Ирландии в этот период, без него невозможно объективное объяснение аграрной, торгово-промышленной, религиозной политики английских колонизаторов, равно как и политической жизни Зеленого острова. Труды основоположников марксизма помогают нам уяснить особенности этого политического режима, существовавшего в Англии с 1660 по 1688 г. Реставрация Стюартов, по их мнению, не означала восстановления феодального способа производства, а была

лишь изменением политического строя, переходом государственной власти в руки политических представителей старого порядка на почве капиталистических отношений[23]. Государственный строй этого времени К. Маркс и Ф. Энгельс не считали еще конституционной монархией, которая, как они неоднократно писали, сформировалась в Англии лишь после 1688 г.[24] В письме к Энгельсу от 1 августа 1877 г. К. Маркс прямо относит английское государство Карла II и Якова II к типу абсолютной монархии, подобной тем, какие существовали в Англии при Карле I, во Франции при Людовике XIV, а в Пруссии при Фридрихе Вильгельме IV[25].

Возникновение на базе развивавшихся капиталистических отношений политического режима Реставрации, связанного традициями с остатками феодального строя, породило определенную противоречивость и компромисс в политике этой монархии. В произведениях основоположников марксизма имеются указания на отдельные противоречия в экономической политике поздних Стюартов. Так, например, в рецензии на произведение Гизо «Почему удалась английская революция?» они писали о внешней политике Карла II и Якова II, враждебной экономическим интересам английской буржуазии: «...Стюарты ради собственной выгоды и выгоды придворной знати продавали интересы всей английской промышленности и торговли французскому правительству, то есть правительству единственной страны, конкуренция которой была тогда опасна для англичан и во многих отношениях успешной[26]. Вместе с тем, в первом томе «Капитала» К. Маркс отмечал и другую сторону экономической политики того периода, продиктованную интересами буржуазных классов: «Во время реставрации Стюартов земельные собственники провели в законодательном порядке ту узурпацию, которая на континенте совершалась везде без всяких законодательных околичностей. Они уничтожили феодальный строй поземельных отношений[27], т. е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «компенсировали» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право и, наконец, октроировали сельским рабочим в Англии законы о поселении...»[28].

Принцип изучения классовой природы Реставрации, введенный основоположниками марксизма, обязывает историка, стоящего на их методологической позиции, рассматривать английскую колониальную политику в Ирландии через призму классовой борьбы в Англии. Плодотворность этого метода особенно наглядно обнаруживается при изучении аграрных законов в Ирландии.

Буржуазные историки (например, англичане — Г. Смит, Д. Фроуд, Р. Денлоп; ирландцы — М. О' Коннор и Д. Прендергаст, немец М. Бонн и многие другие) в основу анализа этих документов кладут формально-юридические категории, религиозное или национальное деление ирландского населения. Вследствие этого они оказываются не в состоянии научно объяснить внутреннюю противоречивость этих законов, в которых наряду с закреплением кромвелианского устроения провозглашалось возвращение части земель некоторым группам старых собственников. Буржуазная наука оценивает эти законы как «протестантские» или, в лучшем случае, как «проанглийские»[29]; в ней полностью игнорируется их классовый аспект.

Исследование, проведенное с позиций исторического материализма, за религиозной и юридической терминологией актов обнаруживает их классовый смысл. Они закрепляли землевладение английской буржуазии и нового дворянства, созданного в Ирландии английской буржуазной революцией. Вместе с тем, они предусматривали реставрацию поместий роялистски настроенной англо-ирландской знати. Это была колониальная знать английского происхождения (потомки первых завоевателей Ирландии), феодальная по классовой природе. Она была естественным союзником остатков феодального дворянства в Англии, и Карл II видел в ней надежную социальную опору своей власти не только в Ирландии, но и в Англии.

Аграрные акты Реставрации не возвращали конфискованные земли широким слоям ирландского народа, в частности, крестьянам. Эти законы на колониальной почве отражали сложившийся тогда в Англии классовый компромисс между буржуазным обществом и остатками феодального дворянства. Следует отметить, что этот компромисс не был равным: он был более выгоден буржуазным кругам. Свидетельством этому служат многочисленные условия актов «Об устроении» и «Объяснительного», особенно первоочередное признание законности землевладения авантюристов[30] и солдат, обязательность их предварительной компенсации в случае возвращения земель прежним владельцам и др[31].

Исходя из представления о влиянии классовой борьбы на государственную политику, историк-марксист обязан исследовать также практическое воплощение аграрных законов в Ирландии. При этом обнаруживается стремление Карла II и Якова II действовать в обход парламентского законодательства в интересах придворной камарильи и англо-ирландской феодальной знати, т. е. стремление сделать компромисс более выгодным феодальным слоям общества. Используя ирландскую администрацию и находившиеся под ее контролем

«Суды по претензиям», призванные осуществлять аграрные законы, Стюарты небезуспешно укрепляли социальную базу своей монархии в Ирландии, которую они надеялись использовать для борьбы с буржуазной оппозицией в Англии[32].

* * *

Основоположники марксизма неоднократно обращали внимание на теснейшую связь английской и ирландской истории, на существенное, а иногда и решающее влияние ирландских событий на экономическую, социальную и политическую жизнь в Англии. Так, например, в письме к Людвигу Кугельману от 29 ноября 1869 г., написанному в связи с определением позиции английского пролетариата по отношению к национально-освободительной борьбе ирландского народа, К. Маркс делает вывод о необходимости ее поддержки во имя классовых интересов английских рабочих: «Первое условие освобождения пролетариата в Англии — низвержение английской земельной олигархии — остается неосуществимым, так как нельзя сокрушить ее позиции в самой Англии, пока она сохраняет за собой свои сильно укрепленные форпосты в Ирландии»[33]. И далее в том же письме, продолжая мысль о значительной роли Ирландии в истории английского общества, Маркс указывает на событие, относящееся к XVII в.: «В самом деле, — пишет он, — ведь республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию»[34].

Советские историки, опираясь на выводы К. Маркса и Ф. Энгельса о зависимости английской истории от ирландской, сделали ценные наблюдения над конкретным проявлением этой обратной связи на разных этапах господства англичан на Зеленом острове. Так, В. Ф. Семенов показал, что формирование английского лендлордизма, сыгравшего огромную роль во всей последующей истории Англии, может быть рассмотрено как последствие массовой экспроприации земель у ирландцев при Елизавете и насаждения в колонии крупного английского землевладения[35]. Ю.М. Сапрыкин, анализируя ирландское восстание против английского господства в середине XVII в., пришел к интересным выводам о большом влиянии событий в Ирландии на возникновение английской буржуазной революции и на ее ход[36]. В. М. Лавровский и М. А. Барг, опираясь на мысль К. Маркса о роли Ирландии в судьбе английской республики, раскрыли ее конкретное содержание, показав значение ирландского похода Кромвеля для перерождения республиканской армии из силы, олицетворявшей народную струю революции и являвшейся творцом и оплотом республики 1649 г., в армию колонизаторов, развращенную грабежами и обещаниями наград за счет завоеванных территорий. Это подготовило неизбежную гибель республики[37].

Историк, занимающийся изучением английской колониальной политики в Ирландии в период реставрации Стюартов, должен, учитывая концепцию основоположников марксизма и конкретные достижения советской исторической науки, продолжить исследование и выяснить, не сыграла ли ирландская политика Стюартов определенную роль в возникновении буржуазной оппозиции и переворота 1688 г. в Англии, который, по мнению К. Маркса, был ничем иным, как буржуазной революцией[38].

В рецензии на памфлет Гизо «Почему удалась английская революция?» К. Маркс и Ф. Энгельс называли в качестве главной причины падения Реставрации страх английских землевладельцев и буржуазии перед восстановлением католицизма, которое привело бы к потере новыми владельцами земельной собственности, приобретенной ими в период Реформации[39], а также к упадку торгово-промышленной деятельности[40].

Иными словами, основоположники марксизма отмечали, что в умах людей того времени реставрация католицизма связывалась с последующими изменениями в сфере собственности. Аналогичный вывод К. Маркс делает и в «Наброске доклада по ирландскому вопросу», где, отмечая усиление прокатолических тенденций в политике Якова II, он говорит о растущих надеждах католиков Ирландии на уничтожение грабительского земельного «устроения»[41].

Нет сомнения, что Карл II и Яков II были прежде всего королями Англии и, подобно их предшественникам, рассматривали Ирландию как колонию. Вместе с тем, с первых лет царствования Карл II шел постоянно на уступки англо-ирландской знати. Готовность уступать стала особенно сильной после вступления на престол в 1685 г. Якова II. Католик по религиозному убеждению, этот король много сделал для поддержки своей религии в Ирландии и укрепления там политических позиций англо-ирландской и ирландской католической знати. При нем проводилась интенсивная чистка расквартированной здесь армии от солдат и офицеров протестантского вероисповедания. По данным Абрахама Джернера, ведавшего в Ирландии составлением армейских списков, в сентябре 1686 г. две трети армии состояло из католиков[42]. Во главе военных сил был поставлен католик граф Тирконнель, который с 1687 г. стал наместником Ирландии. Католики были введены в ирландский Тайный совет, суды, в органы городского самоуправления. В страну возвратились духовно-рыцарские ордена; иезуитам было позволено контролировать школы и замещать в них вакансии. Хотя мероприя-

тия Якова II затрагивали главным образом политическую и религиозную сферы и не касались наиболее острого земельного вопроса, они расценивались в Ирландии как предвестники уничтожения аграрных законов, изданных при Кромвеле и Карле II. Живущие в Ирландии англичане со страхом ждали уничтожения «Акта об устроении»[43], и этот страх не был безосновательным. Именно в Ирландии, где массовые земельные конфискации, начиная со второй половины XVI в., прикрывались колонизаторами лозунгом борьбы с католицизмом, где зачастую основанием для обезземеливания ирландцев служила принадлежность к этой религии, религиозная политика Якова II создавала реальную угрозу для буржуазно-дворянской собственности англичан. Не случайно поэтому в окружении Тирконнеля составлялись проекты нового земельного устройства[44], а рядовое население страны рассматривало укрепление католицизма как прямой призыв к отказу от уплаты рент англичанам и к сгону захватчиков с земли.

Опасения за судьбу английского землевладения в колонии распространялись и в Англии, где жило много владельцев ирландских земель. Тревога по этому поводу подогревалась массой бежавших из Ирландии англичан, сеявших панические слухи о подготовке нового восстания ирландцев. Помимо страха за земельные владения, буржуазно-дворянскую оппозицию пугал рост в Ирландии католической армии, которую Яков II мог использовать для борьбы с врагами в самой Англии. Ситуация напоминала ту, которая сложилась накануне буржуазной революции XVII в., когда сформированная Страффордом ирландская армия вызвала яростную атаку противников абсолютизма. В 1688 г. в связи с обострением политической обстановки король приказал приступить к переброске полков из Ирландии в Англию, что укрепило решимость оппозиционеров покончить с правлением Якова II.

* * *

Переворот 1688 г. в Англии имел сильнейший отзвук в Ирландии, где с 1689 г. по 1691 г. шла кровопролитная гражданская война. Она завершилась победой войск Вильгельма III, действовавших в союзе с вооруженными силами проанглийской протестантской партии, и окончательным утверждением английского господства.

В английской и ирландской буржуазной литературе эту войну часто называют «якобитской», т. е. войной в защиту прав Якова II на престол[45]. Иногда в сочинениях буржуазных историков можно встретить определение этой войны, как «ирландской революции», понимаемой в духе либеральной концепции «Славной революции»[46].

В советской исторической литературе ирландские события 1689—1690 гг. не изучались. Между тем, основоположники марксизма дали им вполне определенную и весьма интересную оценку как освободительного движения ирландцев против захватчиков их земли[47], как народной войны[48], как второго ирландского восстания[94]. Это указывает на перспективность изучения так называемой якобитской войны историками-марксистами, проявляющими постоянный интерес к народным движениям и национально-освободительной борьбе против колонизаторов.

* * *

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Хотя советскими историками была в значительной степени изучена и использована концепция основоположников марксизма по ирландской истории XVII в., некоторые аспекты ее остались еще недостаточно раскрытыми. В частности, была мало изучена оценка К. Марксом и Ф. Энгельсом английской колониальной политики в Ирландии в период Реставрации. В отличие от буржуазной историографии, затушевывающей колониальную направленность английской аграрной политики того времени, основоположники марксизма подчеркивали ее грабительский характер по отношению к ирландскому народу. Этот вывод Маркса и Энгельса находит полное подтверждение при специальном рассмотрении этой проблемы. Аналогичный смысл основоположники марксизма усматривали и в ограничительных торгово-промышленных законах Реставрации, которые в это время приобретали значение рычага, превращавшего Ирландию в аграрно-сырьевой придаток, а также в рынок сбыта изделий английской промышленности. Проведенный К. Марксом и Ф. Энгельсом анализ классового характера режима Реставрации как компромисса между буржуазным и остатками феодального класса дает ключ к пониманию имевшихся в ирландской аграрной политике противоречий. Грабительская по отношению к ирландскому народу, эта политика отражала на колониальной почве сложившийся в Англии классовый компромисс, следствием которого являлось, с одной стороны, закрепление землевладения, созданного в период республики и протектората, а с другой — возвращение части конфискованных земель англо-ирландской феодальной знати. Положение Маркса и Энгельса о создании в результате колониального подчинения Ирландии Англией взаимосвязи исторического развития обеих стран позволяет сделать обоснованный вывод о влиянии ирландской политики поздних Стюартов на возникновение предпосылок так называемой Славной революции в Англии.

Исследования К. Маркса и Ф. Энгельса по истории Ирландии конца XVII в. открывают для историка перспективы в изучении так называемой Якобитской войны 1689—1691 гг. как освободительной борьбы ирландского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 43—44.
2. Маркс К. Набросок непроизнесенной речи по ирландскому вопросу. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 459—464; Маркс К. Набросок доклада по ирландскому вопросу в Лондонском коммунистическом просветительском обществе немецких рабочих от 16 декабря 1867 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 465—478; Энгелъс Ф. История Ирландии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с 479—522; Энгельс Ф. Из фрагментов к работе «История Ирландии». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 523—524; Энгельс Ф. Хронология Ирландии. Выписки по истории Ирландии XVII—XVIII вв. Заметки к истории ирландских конфискаций. — Архив Маркса и Энгельса. М., ОГИЗ-Госполитиздат, 1946, т. X, с. 108—263.
3. Гольман Л. И. Исследования Фридриха Энгельса по истории Ирландии: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени кан-та ист. наук. М., 1949.
4. Гольман Л. И. Фридрих Энгельс — исследователь истории древних ирландцев. — СВ. Вып. XIX; М., 1961. Шайтан М. Ирландские эмигранты в средние века. — В сб.: Средневековый быт. Л., 1925; Шкунаев С. В. Раннеирландское общество и его отражение в законах. — ВДИ, 1975. № 2.
5. Так иногда называют Ирландию.
6. Земскова В. А. Колониальное ограбление Ирландии Англией в первой половине XVII в. (1603—1641): Автореф. дисс. на соиск. учен. степени кан-та ист. наук. — М., 1955; Крылова С. Е. К вопросу о причинах ирландского завоевания 1171 г. — В сб.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974, вып. 1; Осипова С. С. Ирландский город и экспансия Англии XII—XV вв. М., 1973; Сапрыкин Ю. М. Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII вв. М., 1958..
7. Архангельский С. И. Аграрное законодательство английской революции 1649—1660. М.-Л., 1940, гл VIII—X; Гольман Л. И. Маркс и Энгельс о колониальном закабалении Ирландии Англией в период английской буржуазной революции. — В сб.: Из истории марксизма. Сб. статей к 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса. М., 1961; Самойло А. С. Ограбление Ирландии Англией в 50-е гг. XVII в. — Уч. зап./Моск. обл. пед. ин-т. 1950, т. 16, вып. 1, с. 57—81.

Осипова Т. С. Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII в.) М., 1962; Сапрыкин Ю. М. Ирландское восстание XVII в. М., 1967.

9. Некоторое представление об этих идеях можно получить в статье Т. С. Осиповой «Труды Ф. Энгельса по истории Ирландии в советской медиевистике». — В сб.: Энгельс и проблемы истории. М., 1970.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с 7.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22.
14. O'Brien G. The Economic History of Ireland in the 17th Century. Dublin and London, 1919; Bruke J. Outlines of the Industrial History of Ireland., s. a.; Dunlop R. Ireland from the Restoration to the Act of Resumption. — In: The Cambridge Modern History, Cam., 1934,

vol. V; Ogg D. England in the Reign of Charles II, Ox., 1956, vol. 11; Froude J. The English in Ireland in the 18 th Century., 1901; Warren H. The History of Ireland from the Earliest Period to the Present Day. L., and N. Y., s. a., vol. II.
15. Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 261—263.
16. Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 261—262.
17. Подробнее см.: Телегина Э. П. Итоги земельного устроения периода Реставрации в ирландском графстве Роскоммон. — В сб.: Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1974, вып. 2, с. 23—40. Ее же. Землевладение в графстве Майо в период Реставрации. — В сб.: Англия XV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1976, вып. 3, с. 27—44 .
18. Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 182.
19. Анна (1665—1714) — английская королева (1702—1714).
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 462.
21. Вильгельм III Оранский (1650—1702) — штатгальтер Голландии, провозглашенный в 1688 г. королем Англии (1688—1702).
22. Подробнее об этом см.: Телегина Э. П. Торговая политика английских колонизаторов в Ирландии в период реставрации Стюартов. — В сб.: Политическая история Англии. — Уч. зап./Горьк. ун-т, 1971, вып. 109, ч. 2, с. 44—55.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 309; т. 30, с. 504.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 619, 624; т. 6, с. 202; т. 11, с. 99—100.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 55.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 218.
27. К. Маркс имеет в виду законодательное закрепление результатов английской буржуазной революции при Карле II.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 734.
29. Dunlop R. Op. cit. — In: The Cambridge Modern History, v. V; O'Connor M. The History of Irish Catholics. Dublin, 1803, Prendergast J. Ireland from the Restoration to the Revolution 1660—1690., 1887; Smith G. L. Ireland Historical and Statistical. 1897, v. 11.
30. Так называли англичан-подписчиков на займ 1642 г., проведенный под обеспечение ирландскими землями.
31. The Statutes at large passed in the Parliaments held in Ireland. Dublin, 1765, vol. II. p. 241—242, 244.
32. См. подробнее: Телегина Э. П. Итоги земельного устроения в гр. Роскоммон. — В сб.: Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма, вып. 1, с. 23—40; ее же. Землевладение в графстве Майо...— В сб.: Англия XV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма, вып. 3. с. 27—44.
33. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 531.
34. Там же, с. 532.
35. Семенов В. Ф. Политика Кромвеля в Ирландии 1649—1650.— ВИ, 1945, № 5—6, с. 95—96.
36. Сапрыкин Ю. М. Ирландское восстание XVII в. ,
37. Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция XVII в. М., 1957.
38. Этот термин употреблен К. Марксом в письме к Фердинанду Лассалю от 11 июня 1861 г. — См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 499.
39. Имеется в виду церковная реформация в Англии, проведенная при короле Генрихе VIII (1509—1547). После закрытия монастырей их огромные имущества были розданы приближенным короля из новой знати и распроданы по низким ценам джентри и буржуазии.
40. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 221—222.
41. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 467—468.

42. Calendar of the Manuscripts of the Marquess of Ormonde. New Ser., L., 1912, v. VII, p. 455 (Далее — Ormonde MSS).
43. Ibid., p. 466, 448, 450, 456, 461; The Correspondence of Henry Hyde, Earl of Clarendon. L., 1828, v. I, p. 514, 533.
44. Ormonde MSS., New Ser., v. VII, p. 461—467.
45. The Course of Irish History. Ed. by Moody T. W., Martin F. X. Cork, 1967, p. 204; Simms J. Jacobite Ireland 1685—1691. L., 1969.
46. Jonson Ed. Ireland in the 18th Century. Dublin, 1974. p. 1—16.
47. Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 187.
48. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 465.
49. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 45, с. 94.

АНГЛИЯ И МИР В КАТО-КАМБРЕЗИ

Ю. Е. Ивонин

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы связи между восстановлением англиканства в начале правления Елизаветы Тюдор и внешней политикой Англии во время переговоров и заключения мира в Като-Камбрези. Синхронность этих событий уже сама по себе наталкивает на мысль об их взаимосвязи. А так как мир в Като-Камбрези был результатом не только международной политики середины XVI в., но и в известном смысле был связан с социально-политической и религиозной борьбой в западноевропейских странах, становится необходимым исследование вопроса о том, в какой степени развитие религиозной политики Елизаветы в первый год ее правления зависело от соотношения сил между основными враждующими международными группировками на континенте в период, когда занимавшие еще господствующее положение силы феодализма ответили «широким фронтальным контрнаступлением» буржуазному развитию[1]. С другой стороны, изучение этой проблемы важно для понимания главных тенденций развития тюдоровского абсолютизма во второй половине XVI в.

Английские буржуазные историки, подчеркивая религиозный индифферентизм Елизаветы, при освещении религиозной политики начала ее правления, как правило, игнорируют факторы классовой борьбы в самой Англии, поверхностно подходят к вопросу о связи восстановления англиканства с международной обстановкой. Д. Блэк, автор обстоятельной монографии о елизаветинском периоде, объясняет недостаточно решительное и непоследовательное восстановление англиканства страхом королевы перед религиозной нетерпимостью римского папы Павла IV и интригами французской монархии, поддерживавшей претензии на английский престол шотландской королевы Марии Стюарт[2]. Большинство английских историков, занимавшихся политической и религиозной историей Англии второй половины XVI в., по существу не внесли ничего нового по сравнению с работой Блэка[3]. Автор специального труда по истории внешней политики тюдоровской Англии Р. Уэрнхэм видит связь между восстановлением ан-

гликанства и заключением мира в Като-Камбрези в том, что Елизавета, опасаясь утверждения в Англии кальвинизма и как следствие — вторжения в страну испанских и французских войск, не решалась провести радикальные реформы в английской церкви и, кроме того, предпочитала политику равновесия сил между католиками и протестантами в европейском масштабе[4]. В более упрощенной форме эта точка зрения повторяется в книге П. Кроусона[5].

Интересный подход к проблеме восстановления англиканства и мира в Като-Камбрези сделал крупнейший знаток елизаветинского периода Д. Нил. Он заметил, что Елизавета ждала заключения мира в Като-Камбрези с тем, чтобы освободить себе руки в проведении основных мероприятий внутренней политики и быть независимой как от католиков, так и от протестантов. Однако Нил, хотя совершенно справедливо полагал, что ни Франция, ни Испания не создадут антианглийский союз, недостаточно учитывал социальную природу политики самой Елизаветы. Кроме этого, он утверждал, что основные изменения в религии начались после англо-шотландского мира 1560 г.[6]

В советской историографии елизаветинский период успешно исследует В. В. Штокмар. В ряде своих работ она весьма убедительно показала внутриполитические причины восстановления англиканства, но внешней политикой Елизаветы специально не занималась[7].

На связь мира в Като-Камбрези с социально-политическими и религиозными конфликтами второй половины XVI в. указывали исследователи других стран. Еще в 1919 г. швейцарский историк Э. Футер заметил, что после заключения мира в Като-Камбрези вследствие начавшейся Нидерландской буржуазной революции Габсбурги так и не смогли одержать победу над Францией[8]. Известный французский ученый А. Озе, в свою очередь, обратил внимание на довольно быстрое завершение после мира в Като-Камбрези Тридентского собора[9]. Но, скажем, современный испанский историк М. Альварес совершенно обходит эту проблему и пытается принизить значение мира в Като-Камбрези на том основании, что в его заключении приняли участие только четыре государства: Франция, Англия, Испания и Савойя[10].

Заключение мира в Като-Камбрези в апреле 1559 г., как известно, было ускорено финансовым кризисом 1557 г., когда Филипп II отказался выплатить Фуггерам долг в 1660809 дукатов, французский король Генрих II — долг лионским и немецким банкирам в 26 млн. ливров[11]. Финансы воюющих сторон были истощены, хотя военные действия продолжались и в 1558 г. Французские историки А. Се, А. Ребийон, Э. Преклен и особенно Ф. Бродель, считая это объяснение недостаточным, выдвинули гипотезу, согласно которой французского и испанского королей толкнуло к заключению мира также растущее реформационное движение в их владениях[12]. В испанских Нидерландах уже давно назревала мощная оппозиция испанскому абсолютизму. Кальвинизм стал здесь впоследствии знаменем буржуазной революции. Во Франции же гугенотское движение, сложное и пестрое по своему социальному составу, было выразителем сепаратистских тенденций южнофранцузского дворянства против централизаторской политики абсолютной монархии. Начиная с 1556 г. в Южной Франции постоянно увеличивалось число пасторов из дворянства и бюргерства, проникавшихся в Женеве кальвинистскими идеями и возвращавшихся во Францию[13]. Французская монархия, начиная с Франциска I, подвергала преследованиям протестантов, видя в них социальную опасность. Так что и с этой точки зрения Генрих II был вынужден пойти на мир с Филиппом II. Но как французский, так и испанский короли добились противоположных первоначальным намерениям результатов: во Франции вскоре же начались гугенотские войны, а в Нидерландах несколько позднее — революция.

Воцарение Елизаветы произошло в очень сложный момент истории Англии. Финансовый кризис и огромный государственный долг были во многом результатом политики Марии и Филиппа II, тормозившей буржуазное развитие страны. Елизавете, безусловно, было необходимо учитывать настроения новой знати, джентри и буржуазии, то есть десятков тысяч владельцев секуляризованных церковных земель, которые опасались утратить их в случае восстановления католической церкви в Англии. Ведь значительная часть новых землевладельцев возникла в результате пожалований и распродажи бывших церковных имений[14]. Именно эти слои определили непрочность реставрации католицизма при Марии Тюдор, восстание Уайэтта и распад унии Англии и Испании. Преследования протестантов, потеря Кале и неудачи в чужой интересам Англии войне с Францией сделали режим Марии еще более ненавистным. Кроме того, имелась претендентка на престол в лице Марии Стюарт, за которой стояла феодально-католическая реакция как внутри страны, так и вне ее[15].

Таким образом, перед Елизаветой встал целый комплекс внутри и внешнеполитических проблем, решить которые она должна была в целях укрепления английского абсолютизма. Все это, безусловно, потребовало осторожности и осмотрительности, проявившихся в первых же шагах самостоятельной политики английской королевы. Елизавета понимала, что в этой чрезвычайно сложной ситуации ей надо действовать

осторожно. Иностранные дипломаты порой не сразу могли догадаться об истинных намерениях Елизаветы. Так как она была незамужней, на повестку дня встал вопрос об ее избраннике. Династические браки и в позднее средневековье продолжали играть важную роль в международных отношениях, будучи средством расширения владений и заключения политических союзов. Поскольку Филипп II проявлял заинтересованность в сохранении Англии в орбите своей политики, то о нем заговорили как о наиболее реальном претенденте. Испанский посол граф де Ферия писал из Лондона Филиппу II 21 ноября 1558 г., что посланники разных государств считают: если Елизавета выберет мужа вне Англии, то ее выбор должен пасть на испанского короля.

Испанский посол все же не совсем ясно представлял себе, какие действия предпримет королева в области религии. В том же письме он сообщал, что хотя еретики (т. е. протестанты — Ю. И.) и радуются воцарению дочери Генриха VIII, молодая королева присутствовала на мессе в соборе Св. Павла после смерти ее сестры. Тут же де Ферия высказал соображение, на котором в дальнейшем стали строиться планы испанской дипломатии: все зависит от брака королевы[16]. В этом, собственно, и заключалась их ошибка: испанцы игнорировали не совсем благоприятное для этого соотношение сил в Англии. Поэтому, получив послание де Ферии, испанский король немедленно отправил инструкцию, как и что нужно сделать для того, чтобы склонить Елизавету к браку с ним (т. е. Филиппом II — Ю. И.)[17]. Елизавета, не желая давать прямого отказа, ответила, что она должна посоветоваться с парламентом по поводу предложения Филиппа II, добавив (чтобы не испугать испанского короля, который был ей нужен для давления на Францию при заключении мира), что он может быть уверен — если она выйдет замуж, то всем предпочтет Филиппа II[18].

Ссылкой на парламент Елизавета преднамеренно снимала с себя ответственность за неизбежный отказ Филиппу II, ибо парламент и правительственные учреждения в это время благодаря усилиям королевы и ее приближенных во главе с Уильямом Сесилем решительно очищались от сторонников Марии. Из состава тайного Совета осталось только три человека: Пемброк, Клинтон и Говард[19]. Подавляющее же большинство членов Тайного Совета происходило из нового дворянства, придерживавшегося протестантской веры[20].

Но эти перемены не означали автоматического восстановления англиканства. Репрессии против католиков Елизавета не хотела начинать ввиду необходимости вести дипломатическую игру с испанским королем: отталкивать его подобными действиями было бы преждевременно. Елизавета еще

надеялась с помощью Филиппа II выторговать Кале на переговорах с французским правительством.

С другой стороны, падение при Генрихе VIII и Эдуарде VI экономической основы католической церкви повлекло за собой и невозможность восстановления ее былой мощи. Этот момент Елизавета, безусловно, должна была учитывать. Опасность реставрации католицизма могла существовать только извне.

Однако Елизавета не хотела идти и на уступки возвратившимся в Англию с континента протестантам-эмигрантам, часть которых прониклась кальвинистскими идеями и требовала немедленного углубления Реформации в Англии. Наиболее решительного из них, Джона Нокса, она все-таки поддерживала, ибо уехав в свою родную Шотландию, он стал там идейным вождем шотландских протестантов, выступивших против Марии Стюарт и тем самым игравших на руку английской королеве[21].

Даже сама коронация Елизаветы 15 января 1559 г. была совершена по римско-католическому обряду: королева дала присягу по обычной формуле, заключавшей в себе обещание охранять католическую церковь. Но тут же Елизавета поцеловала Библию на английском языке, преподнесенную ей корпорацией Сити, и заявила, что для нее это лучший подарок.

В этом акте, как в капле воды, отразилась вся последующая религиозная политика Елизаветы, в которой сочетались как лавирование между протестантами и католиками, так и неуклонное сохранение в неизменном виде англиканства[22]. Такая политика Елизаветы на первых порах вполне отвечала интересам новодворянских и буржуазных элементов. Королева стремилась также к сохранению определенного равновесия между этими слоями и старым дворянством; эта тактика была излюбленным оружием во внутренней политике Генриха VIII.

1 декабря 1558 г. королева и ее советники составили документ под названием: «Замысел изменения религии, который должен быть обсужден в следующем парламенте». В этом документе весьма настойчиво проводится мысль, что для беспрепятственного изменения религии необходимо добиваться мира с Францией, ибо тогда будет заключен и мир с Шотландией[23]. Советники королевы, как мы уже знаем, были главным образом из новой знати. Они стремились как можно скорее восстановить англиканство и в этом смысле, разумеется, оказывали влияние на королеву.

В конце декабря 1558 г. была издана прокламация, предписывающая чтение Евангелия в церквах только на английском языке[24]. В самом начале заседания палаты лордов пер-

вого же елизаветинского парламента лорд-хранитель королевской печати сэр Никлас Бэкон заявил, что королева намерена «наипервейшим делом создать добрые законы, которые объединят народ королевства с помощью единой религии к славе божьей, а также искоренить все злоупотребления, могущие повредить общему благу королевства».[25]

В то же время Елизавета, отнюдь не желавшая изменений в догматах и обрядах, предполагала сохранить реликвии и иконы в церквах, чему решительно противились последовательные протестанты, стремившиеся к углублению Реформации и утверждению в Англии кальвинизма, который находил сторонников в лице наиболее радикально настроенных представителей джентри и буржуазии. С другой стороны, когда духовенству был предложен на рассмотрение текст присяги о признании королевской супрематии, католические епископы составили оппозицию[26]. Все это показало Елизавете, как верно замечает В. В. Штокмар, что «одним изданием акта о верховенстве и секуляризацией нельзя было полностью подчинить себе даже покорившихся и признавших Реформацию представителей духовенства, уже не говоря о нонконформистах»[27]. Поэтому правительству Елизаветы была нужна свобода рук, обрести которую оно могло только после заключения мира с Францией.

Очевидно, Филипп II не совсем понимал политику Елизаветы: он придавал слишком большое значение влиянию ее советников и не учитывал ее собственных настроений[28]. Поэтому он по-прежнему лелеял надежду на брак с ней.

Мир с Францией был настолько необходим, что некоторые английские дипломаты, в частности, Джон Мэсон, рекомендовали правительству не затрагивать вопроса о Кале на переговорах с французской стороной[29]. Впрочем, Елизавета, надеясь на поддержку Филиппа II, не желавшего, естественно, усиления Франции за счет Англии, дала своим послам — графу Арунделу, епископу Илийскому и Уоттону инструкцию — требовать от французского правительства на переговорах о мире возвращения Кале и выплаты долгов 1525, 1527, 1546 гг. на общую сумму 2 000 000 крон[30]. Настойчивость английского правительства в вопросе о Кале вполне объяснима: Кале был главным опорным пунктом в английской торговле шерстью и сукном на континенте. Собственно, ради сохранения Кале во владении Англии Елизавета и вела закулисную игру с Филиппом II. Ею было отправлено посольство к Филиппу II с целью добиться от испанского короля подтверждения прежних договоров против общего врага — Франции и обеспечить английскую сторону информацией о франко-испанских переговорах. Понимая, что Филиппу II необходим сейчас мир с Францией, Елизавета добавляла, что

она нуждается в мире с шотландцами, поддерживавшимися французским правительством[31]. Об этом же королева писала и в инструкции английским комиссарам во Франции[32].

Однако положение на переговорах оставалось трудным для Англии. Послы Елизаветы в полном соответствии с полученными ранее инструкциями соглашались заключить мир с Францией только на условиях возвращения Кале. Поэтому представители Генриха II предложили испанцам продлить перемирие, не включая в него Англию[33]. Филипп II комментировал этот факт в письме к де Ферии с большим сожалением, ибо понимал, что это означает продолжение войны, тогда как ему был крайне необходим мир[34].

Одновременно Елизавета сделала некоторые шаги по пути проведения сепаратных переговоров с Францией. Уоттону была отправлена депеша, предписывавшая тому дать понять французскому королю, что английская королева хочет утвердить дружбу с ним и возобновить прежние договоры с Францией и не замедлит послать к нему специального представителя[35]. Однако вскоре Уоттон написал Елизавете из Брюсселя, что состояние дел более сложное, чем можно было ранее предполагать, ибо французское правительство не хочет идти англичанам на уступки, поддерживает претензии Марии Стюарт на английский престол и преследует протестантов в своей стране. Наконец, заключает Уоттон, оно стремится установить французское господство в Англии, Шотландии и Ирландии[36]. Конечно же, Уоттон несколько преувеличивал опасность, но, безусловно, главным препятствием был вопрос о Кале. Здесь необходимо сказать несколько слов о елизаветинских дипломатах. Переговоры с Францией вели дипломаты, посланные на континент еще при Марии. Но Уоттона, который начал свою карьеру в 30-х гг. при Генрихе VIII и исполнял дипломатические поручения при дворах протестантских князей, трудно заподозрить в симпатиях к католикам. Елизаветинские дипломаты, как правило, происходили из джентри, выдвинулись на королевской службе, и обновление дипломатического корпуса происходило не так быстро, как обновление парламента.

Генрих II, получив предложения Елизаветы, 20 января 1559 г. дал инструкции следующего содержания своему послу в Лондоне Кавальканти. Его главным стремлением является мир: но препона к миру — нежелание английской королевы оставить Кале в руках Франции. Французский король просил напомнить Елизавете, что Кале — исконное французское владение. Поэтому он считал необходимым незамедлительно заключить мир на тех же условиях, что и во времена Эдуарда VI[37].

Между тем не только Филипп II, но и император Ферди-

нанд I поставил вопрос о династическом браке Елизаветы с представителем дома Габсбургов во главу своей внешней политики. Решение этого вопроса могло укрепить пошатнувшиеся позиции Габсбургов. Понимая это, английское правительство всячески стремилось ввести в заблуждение как императора, так и испанского короля. Английский посол при императорском дворе Чэлонер писал, что переговоры о династическом браке Елизаветы и одного из сыновей Фердинанда являются «нашим козырем», ибо император считает, что исход войны между Францией и Испанией будет зависеть от того, чью сторону примет Англия[38].

Существенным элементом западноевропейской политики этого времени были связи протестантских княжеств Германии с Англией и Францией. Аугсбургский религиозный мир 1555 г. сам по себе не уничтожил источника религиозно-политических конфликтов в Германии. Немецкие курфюрсты рассматривались противниками Габсбургов как потенциальные союзники в войнах с ними. В марте 1559 г. в целях укрепления своих позиций в Германии французский король предлагал курфюрстам, особенно Августу Саксонскому, вступить с ним в тесный союз[39].

Стала внимательно присматриваться к протестантским княжествам Германии и английская королева. Ее агенты исправно посылали реляции в Лондон о политической жизни в Германии. Тревожными были известия в декабре 1558 г. Адам Трацигер писал Сесилю, что ходят слухи о формировании лиги против протестантских князей[40]. Неудивительно, что вскоре герцог Саксонский Иоганн Фридрих II обратился к члену Тайного Совета графу Бедфорду с письмом, в котором выражал надежду, что воцарение Елизаветы даст Англии возможность пользоваться истинной, т. е. протестантской религией. А в мае 1559 г., после подписания мира в Като-Камбрези, непосредственно к королеве обратился с подобным же письмом Август Саксонский[41]. Протестантские князья хотели видеть в ней защитницу протестантизма и естественного политического союзника.

Обстановка во время самих переговоров в Като-Камбрези также была чрезвычайно сложной. Возглавлявший испанскую делегацию герцог Альба сразу же по приезде заявил, что Филипп II будет поддерживать англичан с тем же рвением, что и во времена королевы Марии. Представители французского короля в свою очередь говорили, что если английская сторона будет настаивать на возвращении Кале англичанам, они не смогут вести с Англией переговоры. Ситуация осложнялась также тем, что Генрих II требовал проведения переговоров с самой Елизаветой, а испанцы, несмотря на все заверения, все-таки могли пойти на сепаратные пе-

реговоры с Францией[42]. Стремясь предупредить подобный ход с их стороны, английские дипломаты начали обсуждать с ними вопрос о продолжении войны против Франции. Испанцы хотели, естественно, знать, какими силами для этого располагает Елизавета, на что англичане могли ответить только общими фразами и ссылками на то, что королева собирается предпринять военные действия против сторонников Марии Стюарт в Шотландии[43]. Несколько позднее английские представители получили от королевы инструкцию вести переговоры с французами только при посредничестве испанцев, чтобы последние не заключили без ведома Англии сепаратный мир[44]. Все это совпадает с сообщением де Ферии из Лондона, что Елизавета хочет мира, ибо, потеряв Кале, не желает новых потерь[45]. Как видим, дипломатия английского правительства была чрезвычайно сложной и запутанной. Но в ней ясно прослеживается главная тенденция: ведя закулисные переговоры то с испанской, то с французской стороной, пытаясь столкнуть их между собой, оно стремилось как можно больше вырвать у них уступок и получить как можно больше выгод от предполагаемого мира. Но при всех стараниях результаты все же были незначительными.

Совместные действия с испанцами не были, разумеется, односложными и зависели от переговоров о династическом браке испанского короля с Елизаветой, которые вел в Лондоне де Ферия. Уже 20 февраля он с тревогой сообщал Филиппу II, что английская королева заявила ему о своем нежелании выходить замуж. В этом испанский посол видел прежде всего интриги протестантов, которые, как он считал, подозревая, что Елизавета ведет переговоры о браке с Филиппом II, отговаривают ее от этого шага, указывая, что испанский король — противник Реформации, и ссылаясь на пример бракоразводного процесса Генриха VIII и Екатерины Арагонской: мол, такой брак не будет соответствовать национальным интересам Англии[46]. Высокомерный, но не слишком дальновидный граф даже представить себе не мог, что хитрая Елизавета лишь создает видимость уговаривания ее советниками, давно решив про себя, быть или не быть ее браку с Филиппом II. Точно так же Елизавета не торопилась произвести сразу все основные изменения в религии.

Вскоре же де Ферия перешел к активным действиям. Во время беседы с королевой в парке Сент-Джеймс он заявил ей, что она многого лишится, если станет протестанткой. Испанский посол даже решил напомнить Елизавете, что она ему обещала в свое время не принимать титула верховного главы церкви. Елизавета на сей раз решила отчасти раскрыть карты и ответила ему, что будучи протестанткой (де

Ферия пишет — еретичкой), она не может выйти замуж за испанского короля; далее, она будет восстанавливать религию ее отца, хотя и не собирается принимать титул верховного главы церкви[47]. Получив такой ответ, де Ферия советовал Филиппу II побудить папу объявить Елизавету еретичкой и лишить ее королевского титула[48]. Испанский посол, давая совет своему королю, исходил из им же самим созданного ложного мнения, что в Англии сейчас нет людей, которые поддерживали бы политику королевы[49]. Де Ферия ошибался тем более, что Елизавета опиралась на поддержку новодворянских и буржуазных элементов и, потеряв надежду вернуть Кале, ждала заключения мира в Като-Камбрези для того, чтобы спокойно и планомерно проводить начатую Генрихом VII и Генрихом VIII политику национально-государственной интеграции, существенным моментом которой было верховенство королевской власти над церковью.

2 и 3 апреля 1559 г. были, наконец, заключены два мирных договора (2 апреля между Англией и Францией, а 3 апреля между Францией и Испанией), знаменовавших окончание Итальянских войн. Англия отказывалась от прав на Кале за выкуп в 500 000 экю в течение 8 лет. Согласно франко-испанскому договору Франция отказывалась от всяческих притязаний на итальянские земли, возвратив Испании захваченные ею земли в Италии и Нидерландах и сохранив за собой Салуццкий маркизат, Турин, Пинероло, Асти, а также епископства Туль, Мец и Верден в Лотарингии[50]. Като-Камбрезийский мир закрепил господство испанцев в итальянских землях и раздробленность Италии. Французский король, находившийся в день заключения мира в Суассоне, комментируя исход Итальянских войн, писал, что ему ничего больше не оставалось делать, кроме принятия условий этого мира[51].

В тексте франко-испанского договора обращает на себя внимание фраза о том, что единственным желанием обоих государей является «утверждение единства церкви, для которого они будут содействовать работе вселенского собора, необходимого для истинного союза и согласия христианства»[52]. Конечно же, эта фраза была направлена против протестантизма. Действительно, вскоре возобновил свою работу Тридентский собор, закончившийся в 1563 г., который под влиянием иезуитов подтвердил все догматы католицизма и стал важнейшим орудием Контрреформации.

Для Англии позитивный результат Като-Камбрезийского мира состоял в том, что страна могла быть избавлена от непосредственного вмешательства Испании и Франции в ее внутренние дела. В то же время французские короли, оказавшиеся после смерти Генриха II под влиянием Гизов, продолжали усиленно поддерживать претензии их родственницы

и вдовы Франциска II Марии Стюарт на английский трон. Как уже говорилось, английское правительство стояло на стороне шотландских протестантов, выступавших против Марии Стюарт.

С другой стороны, не успокоился и Филипп II. Потерпев неудачу в сватовстве к Елизавете Тюдор и заключив договор о браке с французской принцессой Елизаветой Валуа, он не оставлял надежд на подчинение английской внешней политики интересам если не испанских, так австрийских Габсбургов. Испанский король надеялся с помощью такого чисто феодального средства внешней политики как династический брак определить позицию целой страны в международных делах. Он направил де Ферии инструкцию начать переговоры с английской королевой о браке ее с сыном Фердинанда I[53]. Однако еще до получения этой инструкции де Ферия сообщил испанскому королю неутешительные новости. Во-первых, вести о мире в Като-Камбрези приняты в Англии с удовлетворением, а королева особенно довольна соглашением о браке Филиппа II с французской принцессой. Во-вторых, протестантские епископы в милости у Елизаветы. Кроме того, он писал (хотя и нет оснований полностью доверять этому сообщению), что ярые католики опасались брака Филиппа II, думая, что испанский король оставит их, а крайние протестанты видели в нем угрозу объединения католиков Испании и Франции против Англии[54].

Брак Елизаветы с кем-либо из представителей габсбургского дома ни в коей мере не отвечал интересам тех слоев, на которые опирался тюдоровский абсолютизм, и это прекрасно понимала королева. Кроме того, было ясно, что позиции Англии могли укрепиться только в том случае, если испанская и французская монархии будут сильно отвлечены внутренними конфликтами.

Поэтому одной из важнейших задач для Елизаветы после заключения мира в Като-Камбрези было восстановление англиканства. Внезапная решимость английской королевы даже напугала испанских дипломатов. Де Ферия во время очередной беседы с королевой угрожал ей: если она не изменит своих намерений, то потеряет королевство. Елизавета ведет себя, как дочь Диавола, писал он Филиппу II. Безуспешно пытался испанский посол подкупить протестантских епископов[55].

Испанская монархия боялась, что укрепление протестантизма в Англии окажется примером для протестантов в Нидерландах, давно уже готовых выступить против испанского владычества. В декабре 1559 г. епископ Аррасский писал королю: «Дела в Англии в плохом состоянии, и это королевство идет по пути к гибели, во что оно может вовлечь также

Нидерланды»[56]. Но испанское правительство уже ничего не могло противопоставить политике Елизаветы. В мае 1560 г. английскую королеву безуспешно пытался вернуть в лоно католической церкви происпански настроенный новый папа Пий IV[57].

Но ошиблись и последовательные протестанты. Например, протестант Джуэл в письме к немецкому реформатору Буллингеру от 22 мая 1559 г. оценивал начавшиеся перемены как возвращение времен короля Эдуарда VI. Он даже не усмотрел ничего опасного в том, что королева отказывается от титула главы англиканской церкви, утверждая, что этот титул принадлежит только одному Христу и не может быть присвоен смертным[58]. Последовательные протестанты еще в течение почти десяти лет возлагали надежды на Елизавету в отношении углубления Реформации и лишь к концу 60-х годов стали отходить от англиканства, положив начало пуританскому движению.

Елизавета не приняла титула главы церкви из опасений ненужного взрыва недовольства среди католиков, а также, чтобы избежать выступления против нее римского папы и его давления в этом плане на испанского и французского королей. Поэтому, согласившись 8 мая 1559 г. на проведение в парламенте актов о верховенстве и единообразии веры, она решила стать верховной правительницей церкви; ее ставленник Мэтью Паркер был посвящен в сан архиепископа Кентерберийского только 17 декабря 1559 г.[59]

Немного погодя были опубликованы указания королевы духовенству и мирянам. Первым из них строго предписывалось священнослужителям соблюдать все законы и статуты, касающиеся устройства англиканской церкви и препятствовать любому иностранному вмешательству в ее дела[60]. Далее от них требовалось искоренять суеверия, почитание икон, святынь и чудес. В церковные праздники вводилось чтение молитв «Отче наш», «Верую» и «Десяти заповедей» на английском языке, дабы они были понятны народу[61]. Как и во времена Генриха VIII, в каждой церкви полагалось иметь Библию на английском языке, а также комментарии Эразма Роттердамского к Евангелию. Кроме того, запрещалось проповедовать лицам, не имевшим на то разрешения королевы, архиепископов Кентерберийского и Йоркского, а также местных епископов. Согласно этим же указаниям восстанавливалось употребление английского молитвенника[62].

В качестве приложения к указаниям 1559 г. были изданы статьи, согласно которым месса и догмат пресуществления объявлялись ложными. Елизавета провозглашалась единственной верховной правительницей англиканской церкви. Особо отмечалось, что Слово Божие не запрещает женщинам править государством[63].

19 июня 1559 г. была создана специальная комиссия по расследованию выступлений против англиканской церкви. В состав комиссии вошли Мэтью Паркер (председатель), епископ лондонский Эдмунд Гриндаль, а также ряд ближайших советников королевы[64].

Действия Елизаветы вызвали оппозицию со стороны католического духовенства. В декабре того же года пять католических епископов, лишенных своих епархий за отказ повиноваться новым церковным порядкам, написали королеве письмо с увещеваниями не слушать советников, убеждающих ее придерживаться протестантской ереси. Письмо было зачитано на заседании Тайного Совета, и Елизавета тут же ответила, что история показывает, — римская супрематия есть узурпация[65]. Письмо Елизаветы было, по сути дела, угрозой не только по отношению к непокорным священникам-католикам, но и нонконформистам-мирянам.

Все же начавшие в это время подготавливаться знаменитые 39 статей, полностью восстанавливавшие англиканство, были введены в действие лишь в 1571 г., в разгар религиозных войн во Франции и начавшейся буржуазной революции в Нидерландах, и когда Мария Стюарт была фактически пленницей английской королевы.

Внешняя политика Англии после 1559 г. характеризуется стремлением избежать конфликтов как с Францией, так и с Испанией. Вместе с тем елизаветинское правительство оказывало некоторую помощь протестантам в Шотландии, Франции и Нидерландах, так как их борьба отвлекала испанского и французского королей от Англии. Испанский посол во Франции, приехав в марте 1560 г. в Толедо, рассказывал Филиппу II, что при французском дворе обвиняют Елизавету в подстрекательстве гугенотов к мятежу[66]. Через два с половиной года было заключено соглашение о взаимопомощи между Англией и гугенотской конфедерацией[67], хотя по большей части английская королева оказывала гугенотам моральную поддержку.

Больше активности английская королева проявляла в шотландских делах. Испанский посол в Англии епископ д'Авила в августе 1559 г. доносил Филиппу II, что она намерена и впредь поощрять волнения в Шотландии, а также в Нидерландах, ибо охотно принимает еретиков у себя в стране[68]. По Эдинбургскому миру 6 июля 1560 г. Мария Стюарт и Франциск II отказались от прав на английский трон. Однако это не внесло успокоения в англо-шотландские отношения, ибо теперь усилия английской дипломатии были направлены на укрепление английского влияния в этой стра-

не и на возможное заключение англо-шотландского союза с последующим подчинением Шотландии[69].

Отношение Елизаветы к кальвинистам в Нидерландах, Франции и Шотландии было сложным. Она рассматривала мятеж против королевской власти как посягательство на богом установленный порядок. Но внешнеполитические задачи диктовали свои условия. Недостаток средств и военная слабость Англии по сравнению с ее континентальными противниками не позволяли английской королеве оказывать существенную поддержку протестантам в Западной Европе. Кроме того, Елизавета стремилась максимально ослабить своих врагов и в то же время поставить протестантов в зависимость от своей помощи, оказываемой ею лишь в самые для них критические моменты[70].

Подведем некоторые итоги. Взаимосвязь между восстановлением англиканства и внешней политикой Англии во время заключения мира в Като-Камбрези была весьма существенной. Королева Елизавета, ставившая перед собой задачу в сложных экономических и политических условиях укрепить абсолютистский режим и восстановить англиканскую веру, чего от нее ждали новое дворянство и буржуазия, до и во время переговоров в Като-Камбрези применяла выжидательную тактику. Не раскрывая своих карт и используя заинтересованность Филиппа II в союзе с Англией, она пыталась добиться выгодных для Англии условий мира. Учитывая соотношение социальных и политических сил и осознавая необратимость реформационных процессов в стране, Елизавета сразу же по воцарении на престол взяла курс на восстановление англиканства. Но первые шаги в этом направлении были осторожными. Видя, что как испанская, так и французская монархии вынуждены были пойти на мир, Елизавета и ее правительство готовились именно после заключения мира в Като-Камбрези произвести наиболее важные внутриполитические и реформационные мероприятия, отвечавшие интересам английского абсолютизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чистозвонов А. Н. Историческое место XVI века в процессе генезиса капитализма в Европе. СВ, в. 38. М., 1975, с. 45.
2. Black J. The Reign of Elizabeth. Ox., 1945, p. 21.
3. Rowse A. The England of Elizabeth. L., 1959; Jenkins E. Elizabeth the Great. L. 1965; Dickens A. The English Reformation. L., 1967; Haugaard W. Elizabeth and the English Reformation. Cam., 1968; M., Luke A. Crown for Elizabeth. N. Y. 1970; ejusdem. Gloriana. The Years of Elizabeth I. L. 1974; Johnson P. Elizabeth I. A Study in Power and Intellect. L. 1974; Williams N. The Life and Times of Elizabeth I. L. 1973; W. Jones. The Mid-Tudor Crisis. 1539—1563.
4. Wernham R. Before the Armada. The Growth of English Foreign Policy. 1485—1588. L., 1966, p. 235, 241, 242—243.

5. Crowson P. Tudor Foreign Policy. L. 1973, p. 160.
6. Neale J. Queen Elizabeth. L. 1943, p. 78, 91, 105, ejusdem, Elizabeth I and her Parliaments, v. I. L. 1958, p. 70; ejusdem. Essays in Elizabethan History. L., 1958. p. 116, 130.
7. См. Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI в. Л. 1957; ее же. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962; ее же. Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI в. Сб.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, в. I. Л., 1974, с. 124—134.
8. Fueter E. Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492 bis 1559. Berlin und München, 1919, S. 328.
9. Hauser H. La prépondérance espagnols (1559—1660). Paris. 1940, p. 18.
10. Alvarez M. F. Politica mundial de Carlos V y Felipe II. Madrid. 1966, p. 233.
11. Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger. Jena. 1896, Bd. I, S. 164; Bd. 11, S. 165.
12. Sée H., Rebillon A., Preclin E. Le XVI siécle. P., 1950, p. 97; Braudel. La Méditerranée et le Monde méditerraneen a l'epoque de Philippe II. P., 1949, p. 767.
13. См.: Kingdon R. Geneva and the Coming of the Wars of Religion in France. 1555—1563. Genéve. 1956.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 309.
15. Штокмар В. В. Очерки..., с. 62.
16. Relations politiques des Pays-Bas et de l' Angleterre, sous le régne de Philippe II, publ. par M. le Baron Kervyn de Lettenhove, t. 1. Bruxelles. 1882, p. 295—298.
17. Ibid., p. 327—328.
18. Ibid., p. 406.
19. Pollard A. The History of England from the accesion of Edward VI to the death of Elizabeth (1547—1603). L., 1911, p. 182.
20. Pulman M. The Elizabethan Privy Council in the Fifties-Seventies. Berkeley-Los Angeles. 1971, p. 17—18.
21. О Джоне Ноксе см.: Mackie J. John Knox. L. 1951; Janton P. John Knox (1513—1572). L'homme et l'oeuvre. Clermont-Ferrand. 1967.
22. О религиозной политике Елизаветы см. Потехин А. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550—1603). Казань, 1894 г. См. также Штокмар В. В. Очерки..., с. 60—62, 117—118. Из английских и американских работ, кроме уже упоминавшихся, см.: Trimble W. The Catholic Laity in Elizabethan England. 1558—1603. Cambridge (Mass.). 1964; Cross C. The Royal Supremacy in the Elizabethan Church. L.-N. Y. 1969.
23. Calendar of State Papers, foregin series, of the reign of Elizabeth, 1558—1559, v. 1, ed. by J. Stevenson. L. 1863, N 59.
24. Documentary Annals of the Reformed Church of England, by E. Cardwell, v. 1. Ox., 1839, p. 176—177.
25. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. Coll. by S. D' Ewes. Shannon Ireland. 1973, p. 11 (перепечатано с издания 1682 г.).
26. Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England. P. II. L., 1680, p. 396—397.
27. Штокмар В. В. Очерки..., с. 61.
28. Documents from Simancas, relating to the reign of Elizabeth (1558—1568), ed. by T. Gonsalez and S, Hall L., 1865, p. 39—40.
29. State Papers, N 10.
30. Ibid., N 23.
31. Ibid., N 176.

32. Relations politiques..., p. 323—325
33. Ibid., p. 319—322.
34. Ibid., p. 358—360.
35. Ibid., p. 371; State Papers, N 143.
36. Relations politiques, p. 392—393.
37. State Papers, N 249.
38. Relations politiques, p. 378; State Papers, N 194.
39. Lettres et Memoires d'Etat des roys, princes, ambassadeurs, et autres Ministres, sous les Regnes de Franois premier, Henry II Franois II par G. Ribier, t. II. P., 1666, p. 787—789.
40. State Papers, N 92.
41. Ibid., N 188, 270.
42. Relations politiques, p. 419—436.
43. Ibid., p. 447—449; State Papers, N 373.
44. State Papers, N 394.
45. Relations politiques, p. 440—441.
46. Ibid., p. 437—439, 443.
47. Ibid., p. 475—476.
48. Documents from Simancas, p. 58.
49. Ibid., p. 60. Д. Нил справедливо заметил, что он мало верит сообщениям иностранных послов из Англии, так как никто из них не знал английского языка и поэтому не мог составить точную картину общественного мнения. Neale J. Essays..., p. 133.
50. Corps universelle diplomatique du droit des gens, par J. Dumont, t. V, p. 1. Amsterdam. 1728, p. 31—34, 34—44.
51. Ribier, t. II p. 800—802.
52. Dumont, t. V, p. 1, p. 35.
53. Relations politiques, p. 498—499.
54. Ibid., p. 497.
55. Ibid., p. 511—514, 518—519.
56. Papiers d'Etat du cardinal de Granvelle, t. V. Paris. 1844, p. 666.
57. Documentary Annals, v. I. p. 253—254.
58. State Papers, N 729.
59. Cross C. The Royal Supremacy..., p. 69.
60. Documentary Annals, v. 1, p. 179.
61 Ibid., p. 181.
62. Ibid., p. 181, 182, 183, 195.
63. Ibid., p. 208—209.
64. Ibid., 223—230.
65. The Letters of Queen Elizabeth I, ed. by G. Garrison. L. 1968, p. 30.
66. Documents from Simancas, p. 68.
67. Dumont, t. V, p. 1, p. 94—95.
68. Relations politiques, p. 595.
69. Штокмар В. В. Некоторые условия и дипломатическая подготовка объединения Англии и Шотландии в конце XVI — начале XVII века. Сб.: Англия XIV — XVII вв. Проблемы генезиса капитализма, в. 2, Горький, 1974, с. 109.
70. См. Чистозвонов А. Н. Английская политика по отношению к революционным Нидерландам. СВ. в. V, 1954; Wilson C. Queen Elizabeth and the Revolt of the Netherlands. L., 1970.

ТЕОРИЯ «КОРОЛЕВСКОЙ СУПРЕМАТИИ» В АНГЛИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА 50—70-х ГОДОВ XVI ВЕКА

А. В. Исаенко

В англо-американской исторической литературе господствует мнение, согласно которому основные положения королевской реформации, разработанные в 30-е годы XVI века, непосредственно после отделения английской церкви от Рима и провозглашения ее верховным главой Генриха VIII, впоследствии уже не развивались. Учение о «королевской супрематии» (King's Supremacy), включающее в себя принципы примата государственной власти над церковью, беспрекословного подчинения подданных установленным церковным законам и единообразия в богослужении, якобы «отвечало интересам основной массы сторонников реформации»[1]. Профессор Дублинского и Ноттингемского университетов Д. Вудворт пытается доказать, что английская королевская реформация являлась «квинтэссенцией европейской реформационной мысли», так как в 30-е годы XVI века в ее принципах органически соединились «популярная народная реформация лоллардов, интеллектуальная ересь Лютера и гуманизм»[2]. Поэтому в дальнейшем религиозно-политическая мысль в Англии представляла своеобразный «единый поток», а все мыслители, хотя и с разных конфессиональных позиций, преследовали одну цель — «защитить существующие принципы церковного и государственного порядка»[3].

Вудворт и другие не учли, что во второй половине XVI в. в Англии начал развиваться пуританизм — национальная форма радикальной буржуазной реформации — кальвинизма, который, по оценке Ф. Энгельса, отвечал интересам «самой смелой части тогдашней буржуазии»[4].

Между лидерами пуританизма и апологетами королевской реформации — крупными деятелями государственной англиканской церкви постепенно разгоралась полемика по широкому кругу вопросов, в частности — вокруг основных принципов «королевской супрематии». Первый этап этой полемики длился с конца 50-х до середины 70-х годов XVI в. и представляет несомненный интерес в плане выявления эволюции

и классовой природы основных идей англикан и пуритан.

Впервые идея «королевской супрематии» была сформулирована в одноименном парламентском статуте 1534 г. и посланиях первого министра Генриха VIII Томаса Кромвеля английскому духовенству. В акте говорилось, что только король обладает «полным и единственным верховным правом изобретать, издавать новые или изменять старые церковные и мирские законы и правила и по своей воле пересматривать установленный (в церкви) порядок». В 1536 году Томас Кромвель опубликовал послание, в котором призывал англиканских прелатов формировать у подданных убеждение, что королевская власть над церковью и государством — «наивысшая власть от бога, которой все люди этого государства по божественному предписанию должны оказывать наибольшую преданность и подчинение как власти, стоящей впереди и выше всякой другой власти на земле»[6]. Так апологетами королевской реформации был выдвинут принцип примата светской власти над национальной церковью, которая становилась частью государственного аппарата, важной опорой и средством укрепления абсолютизма, а также принцип беспрекословного подчинения подданных монарху-супремату.

В этой связи любопытно привести оценку Мартина Лютера, которую он давал реформации Генриха VIII в письме от 10 июля 1539 г. к одному из руководителей Шмалькальденской лиги Иоганну Фредерику Пфальцскому. «Золото и деньги, — писал Лютер, — сделали его (Генриха VIII — А. И.) настолько смелым, что он возомнил себя достойным поклонения и что сам господь не в состоянии обходиться без его помощи в дальнейшем. Он установил законы, которые говорят о его желании стать главой английской церкви сразу же после Христа. Стать настоящим папой, каковым он и является в Англии, — вот его цель»[7].

Вопреки утверждениям некоторых американских историков радикальные англиканские священники 40-х годов, выступавшие за дальнейшее «очищение» церкви от сохраненных правительством «дорогих» католических обрядов, никогда не оспаривали этих принципов[8].

Совершенно иную позицию заняли воспринявшие кальвинизм лидеры первой пуританской общины в Женеве. В манифесте (1558 г.), составленном под руководством Д. Нокса, Д. Фокса и Д. Уиттингэма, провозглашалась полная самостоятельность реформированной церкви в разрешении своих проблем. Более того, по мнению авторов документа, «магистрат и монарх в качестве членов церкви должны подчиняться ей во всех вопросах, не противоречащих слову божьему»[9].

В последние годы католической реакции пуритане выдвинули свою трактовку обязанностей монарха-супремата и подданных. Д. Нокс в трактате «Первый трубный глас против чудовищного правления женщины» писал, что освобождение государства от идолопоклонства и осуществление кальвинистской реформации составляет «высший долг короля»[10]. Правителя, нарушающего этот долг, то есть «тирана», следовало, по мнению Нокса, «наказать». «Осуществить наказание» он призывал не только «дворян и общины», но и «ослепленный простой народ, который должен лишить власти и почестей это чудовище»[11]. Подобную идею высказал и другой член английской кальвинистской общины в Женеве К. Гудмэн. В его трактате о подчинении властям говорится: «...бог назначил правителям осуществлять их руками свою волю, но если государь не отвечает этому требованию, то народ должен его свергнуть»[12]. Безусловно, Нокс и Гудмэн в своих тираноборческих формулировках исходили из положения Ж. Кальвина, выдвинутого им в поздних изданиях его основного произведения «Наставления в христианской вере»: если правитель слишком часто нарушает «волю бога», то последний «избирает из числа своих слуг мстителей, чтобы низвергнуть власть тирана»[13].

С приходом к власти Елизаветы I и восстановлением основных принципов реформации радикализм Нокса и Гудмэна стал терять популярность в кругах вернувшихся из эмиграции пуритан. Поэтому они поспешили отмежеваться от тираноборческих идей своих бывших руководителей. В так называемом «Изъявлении верности королеве» (1560 г.) пуритане заявили о своем признании «королевской супрематии» и принципа «беспрекословного повиновения подданных и всех членов реформированной церкви установленной власти». Объявлялось «противозаконным для частного лица убивать, тирана». Все заговоры, бунты и восстания против правителя, плохого или хорошего, мужчины или женщины осуждались как «незаконные и противоречащие божьей воле»[14].

Такая метаморфоза во взглядах пуритан объясняется тем, что английская буржуазия и «новое» дворянство в своем идейно-политическом развитии еще не пришли к осознанию несовместимости своих интересов с господством в стране феодальных отношений и с властью абсолютной монархии. Они были заинтересованы в поддержке со стороны абсолютизма, а также видели в нем силу, способную подавить народные восстания и держать народ в повиновении.

Но, несмотря на отказ от тираноборческих формулировок Нокса и Гудмэна и публичное признание принципов «королевской супрематии», пуритане не смогли расположить к себе правительство. Их требование осуществить кальвинистскую реформацию и предоставить церкви полную самостоятельность в деятельности, по мнению Елизаветы и ее еписко-

пов, являлось серьезной опасностью для спокойствия Англии[15]. Новые верноподданнические заверения не могли заглушить тот отрицательный резонанс, который вызвали в правительственных кругах прежние тираноборческие трактаты пуритан. Архиепископ Паркер боялся, как бы в своем стремлении установить пресвитерианский строй в церкви пуритане не стали опираться на народ, что, по его мнению, могло привести «к уничтожению дворянства»[16]. По словам епископа Винчестерского, из Женевы возвращались «коварные волки», намеревающиеся установить собственную церковь и порядки, «противные святым принципам супрематии»[17].

Восстановив акт о «королевской супрематии» 1534 г., а также акт «о единообразии» в религии 1549 г., Елизавета, выражая интересы феодального дворянства и умеренных кругов буржуазии и джентри, объявила, что «английская церковь вполне достаточно очищена и никакого дальнейшего очищения уже не требуется»[18]. Епископам Томасу Куперу, Джону Джуэлю и Эдвину Сэндису было поручено нанести «теоретическое поражение» пуританам и обосновать единоличную власть монарха над национальной церковью с точки зрения «святого писания».

Чтобы оправдать неограниченные полномочия монарха-супремата в отношении церкви и подданных, епископы Купер и Сэндис попытались возродить старые взгляды Хью Латимера, Томаса Кромвеля и Томаса Кранмера, в частности, идею, неоднократно пропагандировавшуюся официальными идеологами королевской реформации Генриха VIII, о том, что светская власть претендует на божественное происхождение. Вот как писал об этом Э. Сэндис: «будь правитель иноплеменник, христианин или язычник, будь он добр или зол, его авторитет от бога, правителя из правителей»[19]. Обосновывая необходимость беспрекословного повиновения подданных церковным и мирским законам и порядкам, епископ Купер заявил, что «все христианские подданные должны довольствоваться той правительственной формой, которую установил для них бог и той формой религии, теми законами, которые установила эта власть»[20]. Таким образом, подданные не имеют никакого права сомневаться в истинности установленного церковного устройства (епископата), церемоний и порядков и тем более предлагать какие-то новшества. По мнению епископов Джуэля и Купера, возможность существования в одном государстве двух религий (пуританской и католической), «исповедуемых открыто, есть нечто пагубное». Может быть нарушен святой принцип «единообразия», это немедленно вызовет у подданных «сомнения», последние порождают неповиновение установленным церковным порядкам, а это неизбежно приведет «к отрицанию прерогатив королевы в

отношении церкви и к смуте против законной власти монарха»[21]. «Один бог, один король, одна вера, одно исповедание— это то, что подходит для монархического государства», — писал Сэндис. Признание подданными всех принципов «королевской супрематии», является гарантией соблюдения этого единства и крепости государства, сохранения его наилучшей формы, каковой для Англии является монархия»[22].

Нетрудно заметить, что в водоворот споров о «королевской супрематии» постепенно вовлекаются и другие идеи: о божественном происхождении королевской власти, о форме не только церковного, но и государственного устройства, причем этому способствовали именно английские епископы. Впрочем, это скорее закономерно, чем удивительно. Стремление правительства сохранить старое епископальное устройство в англиканской церкви и полную власть монарха-супремата над ней было тесно связано с главной задачей — укреплением позиций абсолютизма в стране. В этом выражалась его феодальная сущность.

Новый виток споров о «королевской супрематии», о формах церковного и гражданского устройства развернулся в 70-е годы XVI века в полемике («войне трактатов») архиепископа Кентерберийского Джона Уитгифта с лидером пуритан Томасом Картрайтом[23].

По мнению примаса англиканской церкви, епископы в 60-е годы слишком часто упоминали в своих трактатах слова «обязанности монарха перед реформированной церковью» и тем самым дали повод «господам пуританам» потребовать, чтобы их церковь стала государственной[24]. Уитгифт имел в виду пуританские трактаты «Первое предостережение парламенту» (1571 г.) Д. Филда и Д. Уилкокса, «Второе предостережение парламенту» (1572 г.) Т. Картрайта и знаменитую «Книгу Дисциплины» (1573—1574 гг.) У. Траверса и Т. Картрайта.

В своем стремлении доказать, что церковный строй варьируется в зависимости от соображений «государственной необходимости» Уитгифт в первом «Ответе мистеру Т. Картрайту» применил силлогизм. Настаивая на исключительном праве монарха-супремата производить изменения в церковном управлении и отказывая в этом кальвинистам, он сослался на их положение «о второстепенном значении внешней организации и церемоний для религиозной жизни». «Я думаю, — иронизировал Уитгифт, — немногие способны признать их обусловливающими спасение». Но если они «второстепенны», почему же «господа пуритане так настойчиво оспаривают в свою пользу право нашей королевы производить изменения именно в этих «второстепенных» де-

лах»[25]? Отметим, что этот довод архиепископа лидер пуритан оставил без ответа.

Затем Уитгифт снова воспользовался оружием своих противников: он применил пуританский метод сравнения современных порядков с апостольской церковью. По мнению примаса, «в апостольские времена, когда не было христианских правителей, не было и установленной церкви, это была церковь народная, но теперь, когда правители — христиане, церковь сделалась установленной и подчиненной правителям»[26]. Отсюда: «Существенные пункты церковного правления могут быть вполне согласованы с любым законным государственным строем и цивильной формой правления»[27].

Картрайт выступил с энергичным протестом против подчинения церковной политики пользе государства. При этом вождь пуритан, невольно поддавшись своеобразной провокации архиепископа, дошел до смелых утверждений, которые в дальнейшем были использованы правительством для обоснования антипуританских действий. Вот рассуждения Картрайта: «Существуют различные государства и различные государственные формы, все они равно хороши, но то, что хорошо в монархии, не подходит к аристократии, а то, что хорошо в аристократии, не пригодно для народоправства. Этого нельзя сказать относительно церкви, которая едина и единообразна, имеет одинаковые законы и одинаковую форму правления»[28].

Заметим, что Картрайт имел в виду кальвинистскую церковь. Она, по его мнению, управляется по тому способу, который «признается лучшим всеми философами». «В отношения ее главы — Христа, — писал Картрайт, — кальвинистская церковь есть монархия, в отношении старейшин и проповедников, которые управляют сообща, с равным авторитетом, это — аристократия, а так как народ не устранен от участия в церковных делах, это — демократия»[29]. Отсюда: «...подобно тому, как занавески должны подходить к дому, так и государство должно быть устроено в соответствии с такой церковью, а его правление в согласии с церковным», — позиция Картрайта[30]. Правда, он уточнял далее, что кальвинисты не помышлают изменить существующие порядки, поскольку «политическое устройство английского королевства приближается к их идеалу, так как власть королевы в нем соответствует монархии, власть королевского совета — аристократии, а власть парламента — демократии». Единственным препятствием для достижения полного единообразия в устройстве церкви и государства является «гражданская власть епископов»[31].

После этого архиепископ нанес решительный удар своему противнику. «Едва ли нужно обращать внимание читателей

на то, — писал Уитгифт, — как вы (кальвинисты — А. И.) направляете свой натиск против монархии. Ведь ваш принцип со времен Джона Нокса заключается в том, что государственное устройство должно быть приведено в соответствие с церковным», но если «устройство королевства привести в соответствие с вашим церковным строем, то оно способно оказаться не монархией, а народоправством, либо аристократией»[32]. Архиепископ обвинил пуритан в том, что они, заверяя правительство в своей лояльности, «на самом деле подстрекают к бунту против него». Даже если это и не так в настоящем, — продолжал Уитгифт, — это обязательно произойдет в будущем «в силу заложенных в кальвинизме антимонархических тенденций». Все это происходит потому, что пуритане отвергают супрематию королевы в церковных делах в пользу так называемых «синодов», состоящих из «выборных старейшин и пасторов»[33]. Осуществляя свое богослужение, они «нарушают принцип «единообразия» и призывают к неповиновению установленным церковным, а, следовательно, и государственным порядкам»[34].

Отметим, что в стремлении нанести поражение своему противнику Уитгифт несколько передергивал факты. В силу отмеченной нами идейно-политической незрелости английских пуритан 70-х годов разрыв с монархией не мог входить в их планы. Англиканский епископ Джон Бриджес в трактате «Защита англиканского церковного строя» писал, что даже и «в 80-е годы кальвинисты все еще продолжают в каждый парламент посылать книжонки касательно своей реформации и пытаются убедить правительство в ее необходимости»[35]. Одновременно Картрайт и другие лидеры пуритан призывали народ «к полному подчинению» королевской власти[36]. Тем не менее их публичные выступления против епископата, критика «королевских прерогатив» в отношении церкви, могли объективно способствовать росту антифеодальных настроений в среде простого народа. Поэтому, опираясь на доводы своего архиепископа, королева возложила на пуритан ответственность за «раскол в церкви», объявила их «опасными государственными мятежниками» и потребовала строго наказать нарушителей «святых принципов королевской супрематии»[37].

В заключение остановимся на той аргументации, при помощи которой Уитгифт защищал эти принципы. Его доводы сводились к тому, что «разум человека после грехопадения не был развращен полностью: бог оставил многое на его усмотрение». Этот «неразвращенный» разум «волею божьей» оказался воплощенным «в публичной власти, которая в Англии едина и для государства и для церкви». Из этого Уитгифт делал вывод о преимуществе (примате) государствен-

ной власти перед церковной, о том, что в Англии только монарх, олицетворяющий «здравый рассудок», может установить правильные (отсюда единые — А. И.) церковные законы и порядки, «подчинение которым совершенно необходимо»[38].

Итак, в середине XVI века начался новый этап реформационного движения в Англии. В это время в основном оформились религиозно-политические идеи англиканства и пуританства. Полемика между представителями двух лагерей велась вокруг теории «королевской супрематии», причем трактовка ее принципов была совершенно различной. Англикане для обоснования примата государства над церковью, беспрекословного подчинения подданных установленным церковным законам и порядкам, а также соблюдения единообразия в богослужении активно использовали идею о «божественном происхождении» королевской власти и о власти монарха как олицетворении единственного среди людей «неразвращенного» (непогрешимого) разума. В этом выражалась феодальная сущность английского абсолютизма, пытавшегося с помощью осуществления принципов «королевской супрематии» укрепить свои позиции в стране.

Пуритане в годы католической реакции Марии выдвинули идеи: «о примате кальвинистской церкви над государством», «о наказании тирана подданными» и «о праве церкви (кальвинистской) разрешать свои проблемы». Все они противоречили основным принципам «королевской супрематии». В 60-е—70-е годы, идя навстречу нуждам буржуазии и нового дворянства, пуритане отказались от активной проповеди «примата церкви над государством» и выступали за «подчинение подданных установленной власти».

Однако, направляя свой удар против епископата, они по существу продолжали критиковать исключительное право королевы производить изменения в церковном устройстве и в ряде случаев вновь поднялись до требования «привести государственный строй в соответствие с церковным» (кальвинистским).

Полемика англикан и пуритан относительно принципов «королевской супрематии» убедительно свидетельствует о росте в 50—70-е годы XVI в. недовольства церковной политикой абсолютизма в среде буржуазии и нового дворянства.

1. George Ch., George K. The Protestant mind of the English Peformation, 1570—1640. Princeton, 1961, p. 404. Dickens A. The English Reformation, L., 1973, preface.

2. Woodward G. Reformation and Resurgence. England in the 16-th Century. L.,1963, p. 90, 91, 94.

3. Ibid, p. 95. см. также: Morris Ch. Political Thought in England. Tyndale to Hooker. Ox., 1953. Allen J., A. History of Political Thought in the Sixteenth Century. L., 1957, p. 125—133. В советской литературе отмечалось, что стремление буржуазных историков свести сложный процесс формирования различных течений в английской реформации к механическому восприятию взглядов деятелей средневековья, к простой филиации идей отвечает главной задаче консервативной историографии — снять проблему прогресса в реформации, сгладить идейную борьбу в Англии XVI века и в конечном итоге отрицать ее классовую природу. Для этого на первый план обычно выдвигаются религиозные аспекты этой борьбы. См.: Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв. М., 1972, с. 157, Исаенко А. В. Пуританская реформация в Англии в XVI в. в освещении современной англо-американской буржуазной историографии. ВИ, № 3, 1979, с. 189.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 308. О буржуазной природе пуританизма см.: Штокмар В. В. Пуританское движение 70—80-х годов XVI в. в Англии. Уч. зап. ЛГУ, 1956, вып. 21; ее же: Пуритане и церковная политика английской монархии в конце XVI — начале XVII вв. «Проблемы отечественной и всеобщей истории», вып. 2. Изд-во ЛГУ, с. 42—47; ее же: Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI в. «Проблемы социальной структуры и идеологии среневекового общества, вып. 1. Изд-во ЛГУ, 1975, с. 124—132. Исаенко А. В. К вопросу об этике английских пуритан XVI в. и ее буржуазной сущности. «Проблемы всеобщей истории». Изд-во МГУ, 1974, с. 119—134.

5. Documents Illustrative of the English Church History. Compilled by H. Gee and W. Hardy. L., 1896, p. 80.

6. Merriman R. Life and letters of Thomas Cromwell, v. II, Ox., 1902, p. 26.

7. Luther M. Briefe, Sendschreiben und Bedenken.... ed. W. de Wette, v. V, 1825—1828, s. 217.

8. J. New. Anglican and Puritan. The Basis of Their Opposition 1558—1640. Stanford, 1964, p. 8. В годы католической реакции Марии Тюдор (1533—1558) некоторые из них (Джон Филпот) выступали за «невмешательство богохульствующего (католического) магистрата в дела реформированной церкви». См.: Fox J. Acts and Monuments of the Christian Church, v. VI, L., 1841, p. 593—594, 600, Chester J. John Rogers. L., 1861, p. 324—325.

9. Этот манифест, одобренный Жаном Кальвином, назывался «Исповедь веры тех, кто объединился в английской конгрегации в Женеве». Приведен в кн.: Knappen M. Tudor Puritanism. Chicago, 1939, p. 140—143.

10. Knox J. The Works, vol. VI, L., 1934, p. 399—408.

11. Отметим, что речь шла не об уничтожении монархии, а о свержении тирана, не выполняющего свои обязанности перед реформированной церковью, — Марии Тюдор.

12. Goodman Ch. How superior powers ought to be obeyed of their subjects and wherin they may lawfully by Gobis Worde be disobeyed and resisted, 1558, p. 66.

13. Calvin J. The Institution of christian Religion. Transl. by O. Uyon lib. cap. XX, 3, Edinburgh, 1878. Отметим, что радикальные англикане в период контрреформации Марии высказывались иначе. Хупер, например, подчеркивал, что должность правителя «есть нечто священное и нужно терпеть даже дурных ее носителей». Hooper J. Later Writings. Cam., 1852, p. 358.

14. Dixon R. History of the Church of England from the Abolition of Roman Jurisdiction, v. V., 1895, p. 114—115.

15. McGrath P. Papists and Puritans under Elizabeth I, 1967, p. 77.

16. Parker M. The Correspondence, 1842, p. 167.

17. McGrath P. Op. cit., p. 76.
18. «Elizabeth Supremacy Act Restoring ancient jurisdiction. A. D. 1559». Eliz. cap. 1, «Elizabeth Act of Uniformity A. D. 1559». Statutes of the Realm. v. IV. No LXIX, LXXX.
19. Sandys E. Sermons. «The Parker Society», Cam., 1855, p. 198.
20. Cooper T. Certaine Sermons. L., 1580, p. 218.
21. Cooper T. Op. cit., p. 218—220, The Works of John Jewell, v. IV, Cam., «The Parker Society», 1843, p. 903.
22. Sandys E. Op. cit., p. 49.
23. Мы не будем упоминать названия каждого из этих трактатов, так как все они однородны: «Ответ Т. Картрайта мистеру доктору Уитгифту» или «Защита Ответа». Так же именуются и произведения архиепископа.
24. The Works of John Whitgift. Ed. by The «Parker Society», vol. III, Cam., 1851, p. 554. В 70-е годы, несмотря на репрессии, пуритане весьма упрочили свои позиции в среде буржуазии и джентри. В значительной мере тому способствовала их проповедь «религиозно-нравственного и дисциплинарного воздействия» на простой народ с целью «привести его к повиновению своим хозяевам». См. нашу статью: «К вопросу об этике английских пуритан и ее буржуазной сущности». — В кн.: «Проблемы всеобщей истории». Изд-во МГУ, 1974, с. 119.
25. Works of Whitgift, v. 1, p. 20.
26. Ibid, v. 1, p. 389.
27. Ibid, v. III. p. 554.
28. Cartwright T. A Replye to an naswere made of M. Doctor Whitgift againste the admonition to the Parliament. Antwerpen, 1573, p. 111.
29. Ibid, p. 51.
30. Ibid, p. 182.
31. Cartwright T. The Second replye Th. C. agaynste Maister Doctor Whitgiftes second answer. 1575, p. CCCCIII.
32. Works of Whitgift, v. III, p. 181.
33. Ibid, p. 181.
34 Ibid, p. 182.
35. Bridges J. A Defence of the Government established in the Church of England for eccleciastical matter, 1587, p. 1382.
36. Об этом см. нашу статью: О политических взглядах английских пуритан XVI в. Вестник МГУ, серия «История», 1975, № 4, с. 91.
37. Цит. по: Hopkins S. The Puritans and the Church, Court and Parliament in the Reign of Elizabeth, v. 1, Boston, 1860, p. 403—409.
38. Works of Whitgift, v. 1, p. 189.

К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ БЭКОНА НА ИСТОРИЮ КАК НАУКУ

В. В. Лукоянов

Бэкон Веруламский (1561—1626 гг.), известный более как «настоящий родоначальник английского материализма и всей современной экспериментирующей науки»[1], был чрезвычайно многогранной личностью. Работы Бэкона — естественнонаучные, философские, исторические, литературные и правовые — свидетельствуют о необычайной широте его интересов[2]. Среди различных дарований Ф. Бэкона не последнее место занимало и призвание историка. Между тем эта сторона деятельности бывшего лорда-канцлера до последнего времени не получила должного освещения в нашей исторической литературе[3]. Так, среди слабых сторон изучения наследия Фрэнсиса Бэкона указывалось, что «как историк английского абсолютизма и один из теоретиков гуманистической историографии он не привлек к себе внимания»[4]. Между тем, интерес к истории и политике пронизывал всю деятельность Бэкона. «...Из всех наук я уделил больше всего времени изучению истории и права»[5], — признавал он сам в конце жизненного пути. Правда, Бэкон тут же пишет, что оказался «какой-то неведомой судьбой, вопреки склонностям своего характера, на поприще политической деятельности»[6], но это звучит не более как утверждение, противоречащее всей его прожитой жизни.

Задача настоящей статьи сводится к анализу теоретических взглядов Бэкона на историю в системе его общей классификации человеческих знаний. В связи с этим представляется наиболее важным обращение к следующим вопросам. Свидетельствует ли классификация Бэкона о его знакомстве с наиболее значительными достижениями в области теории и методологии истории? Каково реальное значение бэконовской классификации для развития исторических знаний? Выяснение этих вопросов дает подход к пониманию методов исторического исследования последнего крупного историка эпохи Возрождения.

Перу Бэкона-историка принадлежит «История царствования короля Генриха VII», увидевшая свет в 1622 г. Кро-

ме того, им были написаны первые страницы «Истории царствования короля Генриха VIII» и «Начал истории Великобритании»[7]. Это соответствовало замыслу Бэкона описать «памятный период истории Англии... от союза Алой и Белой Роз до объединения королевства Англии и Шотландии»[8]. Замысел этот сформировался у Бэкона еще между 1603—1605 гг., но взялся он за его осуществление только в 1621 г., после отстранения от всех государственных дел.

Другим важным источником, позволяющим судить о теоретических взглядах Бэкона на историю, служит вторая книга «Великого восстановления наук». Она вышла в свет еще в 1605 г. в трактате под названием «Две книги Ф. Бэкона о значении и успехе знания божественного и человеческого», но глава, касающаяся значения гражданской истории, появилась в ней только в дополненном издании 1623 г., озаглавленном «О достоинстве и приумножении наук». Видимо, мысли, связанные с трудностями создания гражданской истории, сформировались у Бэкона в ходе конкретной работы над «Историей Генриха VII».

История по Бэкону, та часть науки, «которая отвечает одной из «клеток» или «келий» интеллекта, а именно памяти[9]. На этой «антропоцентрической» предпосылке строится вся его классификация исторических знаний. В полном соответствии с духом времени подобная предпосылка носит субъективно-идеалистический характер, так как исходит из свойств сознания, а не различий в самом предмете научного познания. Знаменательно, однако, стремление к упорядочению исторических знаний. Мы имеем дело с попыткой «разделения гражданской истории на специальные области» и определения ее места в общей системе человеческих знаний[10].

Бэкон так определял предмет истории: «История имеет дело с индивидуумами, которые рассматриваются в определенных условиях места и времени...»[11]. «Изображение исторической личности в ходе событий, в которых она участвует, — дает, как мне кажется, более верное представление о характере человека, чем та оценка, которую мы встречаем в панегириках»[12]. Именно реализм в избежании человеческих поступков Бэкон ставил в заслугу Н. Макиавелли[13]. Таким образом, в центре его истории стоит человек, его замыслы, интересы, страсти. Бэкон замечал, что «наилучшими знатоками этого предмета (речь идет о человеческих страстях — В. Л.) являются поэты и историки...»[14]. При этом гуманистический принцип понимания истории самым тесным образом связан с принципом индивидуализма, проповедуемым Бэконом в его этике[15]. Все это позволяет отнести Бэкона к представителям гуманистической историографии.

Одной из особенностей английского гуманизма был его

утилитаризм. У Бэкона эта черта выражена наиболее ярко. Бэкон пытается поставить историю на службу вполне конкретным практическим задачам. В «Истории Генриха VII» он ищет подтверждения своей политической концепции, заключающейся в проповеди компромисса между королем и парламентом. Недаром «История» расценивается в современной советской историографии как «блестящий памфлет в защиту политики, которую Бэкон в качестве лорда-канцлера проводил на службе у короля Якова I»[16]. Таким образом, отношение к тюдоровской политике как нельзя лучше характеризует его собственные взгляды. Самые разнообразные произведения Бэкона полны ссылок на исторические примеры, которые он приводит в подтверждение своих точек зрения.

История у Бэкона носит всеобъемлющий характер, включая в себя историю естественную и гражданскую. Причем в истории как таковой он прежде всего выделяет собственно гражданскую историю, «значение и авторитет которой превосходят значение и авторитет остальных человеческих творений. Именно ей доверены деяния предков, смена событий, основания гражданской мудрости, слава и доброе имя людей»[17]. Бэкон неоднократно подчеркивает большую моральную и политическую силу истории.

Подобное внимание к собственно гражданской истории, которую Бэкон называет в ряду «любимейших наук»[18], не удивительно, ибо только она выступает как история, могущая найти конкретное применение в политике. Причем Бэкон тут же делает серьезную уступку теологии, утверждая, что божественное начало наиболее ярко проявляется в гражданской истории, «более того, оно образует свой собственный вид истории, называемой священной, или церковной историей»[19]. Наконец, религия, по Бэкону, выступает как «главная связующая сила общества»[20]. В этом факте наиболее ярко сказалась теологическая непоследовательность Бэкона, отмечавшаяся К. Марксом[21]. Вместе с тем признание религии сочеталось у Бэкона с верой в широкие познавательные возможности человеческого разума, с оптимистическим взглядом на возможности науки. Наконец, Бэкон выделяет из гражданской истории еще один вид — историю науки и пытается нарисовать принципы ее построения[22].

Знакомство с работами Бэкона Веруламского свидетельствует о великолепном знании им произведений многих знаменитых историков древности: Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Саллюстия, Тацита и др. В «Новом Органоне» он замечает, что «у греков не было тысячелетней истории, которая была бы достойна имени истории, а только сказки и молва древности»[23]. В то же время он слишком высоко оценивал римскую историю, называя Тита Ливия «самым вы-

дающимся историком», а «Комментарии» Цезаря — «самым выдающимся сочинением из всех ныне существующих».

Критически оценивая предшествовавшие ему исторические сочинения, Бэкон подробно останавливался на их основных недостатках. «Очень многие исследователи, — писал он, — излагают события как-то очень бледно и бездарно; и их сочинения не достойны этой науки; другие поспешно и беспорядочно соединяют вместе отдельные сообщения и незначительные заметки современников; третьи бегло перечисляют лишь основные события; четвертые, наоборот, роются во всяких мелочах, не имеющих никакого отношения к пониманию сущности событий; некоторые, слишком переоценивая силу своего таланта, бесстрашно фантазируют, придумывают многие события; другие же оставляют на всем изложении отпечаток не столько своего таланта, сколько своих чувств и, думая об интересах своей партии, оказываются не слишком достоверными свидетелями событий; кое-кто всюду вводит излюбленные политические доктрины...»[24]. Как бы подводя итог этому длинному списку прегрешений, Бэкон подчеркивал, что «среди всех сочинений, созданных людьми, ничто не встречается реже, чем истинная, совершенная во всех отношениях, история»[25]. Особенно обращает на себя внимание замечание о том, что рукой историка часто водят политические страсти и интересы.

Вскользь касаясь критики источников, основные причины фальсификации в истории он видел в политических интересах авторов. Именно исторические сочинения «считаются наименее надежными источниками, так как они нередко выражают симпатии и антипатии самого автора. Однако существует средство и против этого порока, ибо подобные сочинения почти всегда создаются сторонниками не одной какой-либо партии, но пишутся, выражая партийные стремления и пристрастия авторов, деятелями и той, и другой партии и, таким образом, открывают и укрепляют дорогу для истины, находящейся где-то посередине между двумя крайностями»[26]. Правда, Бэкон тут же замечал, что написание объективной истории — дело чрезвычайно трудное и к тому же «занятие новейшей историей сопряжено с немалой опасностью»[27]. Поэтому он рекомендует в изложении и трактовке событий как можно осторожнее прибегать к собственным оценкам и вообще придерживаться золотой середины, предоставляя возможность делать выводы самому читателю[28]. В известном противоречии с подобным требованием находится позитивная программа самого Бэкона. «Прежде всего мы хотим добиться, — указывал он, — (так как это составляет достоинство и как бы душу гражданской истории), чтобы одновременно с перечислением событий говорилось и о причинах, их породивших....»[29] Бэкон упрекает хронистов, что они пишут «не выявляя их (событий и фактов — В. Л.) причины и внутреннюю связь между собой»[30]. Индуктивный философский метод Бэкона, его стремление логически вывести общее из частного, предполагал и самое внимательное отношение к историческим фактам. Вместе с тем Бэкон не избегал и поисков конечных причин исторических явлений, часто задаваясь вопросом «почему?».

Неоднократное настаивание Бэкона на принципе каузальности чрезвычайно важно при оценке его методологии истории. Несмотря на отмечавшуюся выше теологическую непоследовательность его классификации исторических знаний, это значительно ограничивало идею провиденциализма в истории. Тому же служило и отделение божественной истории от гражданской, для каждой из которых характерны свои принципы. Здесь сказалось влияние Ренессанса. Предъявляя высокие требования к историку, важнейшим его качеством Бэкон считал способность «при создании истории мысленно погрузиться в прошлое, проникнуться его духом, тщательно исследовать смену эпох, характеры исторических личностей, изменения замыслов, пути свершения деяний, подлинный смысл поступков, тайны правления, а затем свободно и правдиво рассказать об этом...»[31]. Хотя любое сносное историческое описание современных автору событий в конечном счете может сыграть полезную службу, «можно будет надеяться, — писал Бэкон, — что появятся когда-нибудь те, кто сможет с помощью материала этих повествований написать адекватную историю»[32]. При этом, однако, следует иметь в виду, что сам Бэкон никоим образом не сводит роль историка к роли беспристрастного летописца. Высоко оценивая роль истории в жизни государств, их учреждениях и культуре, он замечал, что «до сих пор все еще не существует очень многих историй отдельных государств и это неизбежно наносит немалый ущерб королевствам и республикам...»[33].

Особый интерес в методологическом плане представляет наблюдение Бэкона о том, «что законы подлинной истории настолько строги, что они лишь с большим трудом применимы к обширному материалу; в результате великое значение истории скорее уменьшается, чем увеличивается с возрастанием ее объема»[34]. Здесь тонко подмечен факт, что отсутствие стройной исторической концепции неизбежно превращает всеобщую историю в набор разного рода фактов и событий.

Сам Бэкон далек от материалистического понимания истории и подлинных основ ее развития. Однако материалистический философский метод приводит его к весьма интересному выводу о связи между практическими открытиями и уровнем развития человеческого общества. В «Новом Органоне»

Бэкон замечает, что изобретение книгопечатания, пороха и компаса «изменили вид земного шара и произвели три переворота: первый — в науках, второй — в военном искусстве, третий — в мореплавании; эти перевороты вызвали бесчисленные перемены всякого рода, которые сопровождались результатами, имевшими такое сильное влияние на человеческие отношения, какого не оказывала ни одна власть, ни одно учение»[35].

К. Маркс и Ф. Энгельс считали достоинством бэконовской философии то, что «...у Бэкона как первого своего творца материализм таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития»[36]. В. Ф. Асмус в своей работе, посвященной философии Бэкона, заметил, что он впервые понял «место и роль науки в обществе. Более того. С этой точки зрения он стал рассматривать историю самого общества»[37].

Несмотря на безапелляционность суждений Бэкона о развитии исторический знаний, изучение его работ показывает, что он не был знаком со многими трудами своих близких предшественников и современников о методе истории.

Наибольшее влияние на формирование взглядов Бэкона на историю оказал Жан Боден, хотя Бэкон никогда не упоминал о его сочинении. Можно определенно говорить о влиянии на Бэкона взглядов Н. Макиавелли, Ф. Комина и Фр. Гвиччардини. У последнего он заимствовал теорию политического равновесия, суть которой состоит в том, что «государи должны следить, чтобы никто из соседей не становился опаснее, чем был раньше (ни путем увеличения своих владений, ни приближением их к чужим границам, ни расширением торговли и т. п.)», восстанавливая утраченное равновесие либо путем союза, либо путем войны[38]. По Бэкону, «... ни одно государство не может стать великим, если не готово вооружиться по каждому справедливому поводу»[39]. Критерием экономического и политического могущества государства, утверждал Бэкон, является «справедливая и почетная война», которая закаляет политический организм государства и способствует расширению его границ. Эта апология войны, проводимая с постоянными ссылками на исторические примеры, служила интересам английской колониальной политики, одним из первых провозвестников которой в парламенте был Фрэнсис Бэкон.

В соответствии с замыслом дать оценку всего человеческого знания и указать направления его дальнейшего развития Бэкон рисует свою классификацию исторических знаний. Разделение гражданской истории на четкие типы должно было, по мнению Бэкона, упорядочить изложение различного исторического материала, предотвратить его смешение. Собственно гражданская история делится Бэконом на следующие

составные части: мемории (memoriae), или заметки, собственно историю (historia justa) и древности (antiquitates), или «деформированную историю». В свою очередь, мемории состоят из комментариев (которые излагают голые факты в их хронологической последовательности) и перечней, или официальных списков (которые включают в себя различные официальные документы). Собственно история делится на хроники, или летописи, жизнеописания и повествования о каком-либо исключительном событии. Несомненно, среди этих трех видов собственно истории наибольшее значение принадлежит хроникам, или летописям. Для них Бэкон в своей классификации исторических знаний дает следующее деление. Хроники разделяются на всеобщую историю, которая излагает всемирную историю, и частную историю, речь в которой идет о каком-либо одном государстве или народе. Наконец, как приложение к истории Бэкон рассматривает речи, письма и афоризмы. Таковой в общих чертах представляется классификация исторических знаний по Бэкону.

Бэкон выступает в науке как представитель нового времени, но он множеством нитей еще связан с древностью и средневековьем. Хотя Бэкон и признает историю самостоятельной наукой, в то время как большинство гуманистов по примеру древних сливали ее с литературой, он ставит ее очень близко с поэзией, которую называет «произвольным подражением истории». Сама идея энциклопедической классификации наук исходит из идеи средневековья, что только универсальное знание можно считать истинным. Причем принцип универсализма тесно связан у Бэкона с принципом иерархизма.

Классификация Фрэнсиса Бэкона представляет собой схему типов исторических произведений «в зависимости от характера их объекта». В ней он пытается оценивать исторические сочинения, исходя из предмета их исследования. У Бэкона мы нигде не встретим упоминания о предшествовавших ему автофах трактатов в области теории и методологии исторического исследования. Правда, он пишет о Франческо Патриции, перу которого принадлежат «Десять диалогов об истории» (1560), но по поводу натуралистической философии. В построениях Бэкона, по сути дела, затрагивался широкий аспект психологии научного исследования. И здесь следует заметить, что он слишком полагался на законы логики при решении проблем науки. Его классификация человеческих знаний в целом и исторических знаний в частности, попытка построить цельное, законченное здание науки со стороны может показаться очень заманчивой. Для своего времени она представляла несомненный практический интерес. И по-

4 Заказ 7647

зволила буржуазным ученым провозгласить Бэкона «пионером планированной науки», «пророком современного мира».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.
2. Дидро, который очень высоко оценивал деятельность Ф. Бэкона, не без основания видел в ней прообраз энциклопедии.
3. Исключение составляет статья В. М. Карева. К вопросу о взглядах Фрэнсиса Бэкона на английскую историю (История и политика в «Истории Генриха VII»). СВ вып. 38. М., 1975.
4. Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики (1917—1967). Л., 1968, с. 323.
5. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах, т. 1. М., 1971, с. 494.
6. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах, т. 1, с. 494.
7. Все эти работы помещены в «The works of Francis Bacon». Coll. and ed. by James Spedding. Vol. VI. Перепечатка изданий London, Longmans, 1870, далее — Works.
8. Works, vol. IV. p. 306.
9. Works, vol. IV. p. 315.
10. Ibid., p. 304.
11. Ibid., p. 292.
12. Ф. Бэкон. Соч., т. 1, с. 425.
13. Там же, с. 420.
14. Works, vol. IV. p. 23.
15. См. Сапрыкин Ю. М. Принцип индивидуализма в английской политической литературе конца XV—XVI вв. СВ вып. 38. М., 1975, с. 57.
16. Историография нового времени стран Европы и Америки. МГУ, 1967, с. 29.
17. Works, vol, IV, p. 302.
18. Ibid., p. 407.
19. Ibid., p. 293.
20. Бэкон. Ф. Соч., т. 2, с. 355.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 143.
22. Works, v. IV, p. 300—302.
23. Ф. Бэкон. Соч., т. 2, с. 38.
24. Works, vol IV, p. 302.
25. Ibid
26. Works, v. IV, p. 305.
27. Ibid., p. 302. Бэкону было, например, известно, что сочинение Джорджа Бучэнэна по истории Шотландии вызвало острое недовольство Якова I из-за того, что в нем отрицательно оценивалась деятельность его матери Марии Стюарт.
28 Ibid., p. 301.
29. Ibid.
30. Works, v. IV, p. 304.
31. Ibid., p. 302.
32. Ibid., p. 308.
33. Works, v. IV, p. 305.
34. Ibid., p. 309.
35. Ibid., p. 114.
36. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.
37. Асмус В. Ф. Френсис Бэкон. — Избранные философские труды, т. 1. М., 1969, с. 366.
38. Бэкон Ф. Соч., т. 2, с. 393.
39. Там же, с. 422.

ТОРГОВЛЯ АНГЛИИ С ЛЕВАНТОМ И РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

М. Г. Осокин

Левант вследствие своего исключительно выгодного географического положения издавна играл важную роль в посреднической торговле между Востоком и Западом. В средние века левантийские города Алеппо, Триполи, Дамаск, Бейрут, Сидон и Тир были единственными рынками, на которых европейцы могли купить товары из Персии, Индии, Китая и других стран Востока. Наибольшим спросом пользовались пряности, красители, шелковые ткани и шелк-сырец.

Турецкие завоеватели XIV—XV вв. превратили Восточное Средиземноморье практически во внутреннее море Османской империи и значительно ограничили торговлю Леванта с Европой. Великие географические открытия положили конец торговой монополии Леванта и ускорили упадок традиционной левантийской торговли. В 1498 г. Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды и достиг Индии, а в 1503 г. в Лиссабон уже пришел первый крупный караван с индийскими пряностями.

Конечно, нельзя говорить о полном прекращении левантийской торговли. Ее сохранению способствовала португальская монополия на морской путь в Индию и растущая заинтересованность Османской империи в левантийской торговле — по мере ослабления военной мощи империи и уменьшения привычных источников доходов торговые пошлины играли все большую роль для казны султана. Но масштабы левантийской торговли были уже не те.

Именно к этому времени и относится начало английской торговли с Левантом. До этого она находилась в руках венецианских купцов: они привозили товары в Англию на своих кораблях и забирали английские товары для Леванта. С упадком Венеции торговые сношения Англии с Левантом становились все более редкими. В 1532 г. венецианский флот в последний раз посетил южное побережье Англии. Примерно в это же время в Леванте появляются и английские корабли. В 1553 г. в Константинополь прибывает Энтони Дженкинсон

и получает от султана Сулеймана II охранную грамоту для английских купцов в Леванте. Во второй половине XVI в. английская торговля с Левантом уже принимает регулярный характер. В 1581 г. шесть лондонских купцов основывают компанию для торговли с Турцией. Двумя годами позже возникает компания для торговли с Венецией. Просуществовав немногим более шести лет, эти компании распадаются так же быстро, как и возникают. Итог их совместной деятельности: 27 торговых экспедиций в Левант на 19 кораблях и доход короне в 11 359 ф. ст.[1] А в 1592 г. бывшие члены этих компаний создают уже постоянную торговую организацию — Левантийскую[2] компанию. 53 ее учредителя получают исключительное право торговли с Левантом на 12 лет.

Расширяя торговлю с Левантом, английские купцы второй половины XVI в. ставили перед собой прежде всего цель установить торговые связи с Индией в обход существующей испано-португальской монополии на морской путь вокруг Африки. Об этом свидетельствуют высказывания левантийских купцов, официальные документы и сама хартия Левантийской компании, в которой специально оговаривается ее исключительное право на торговлю «по суше через владения султана с Ост-Индией»[3]. Об этом свидетельствуют экспедиции, снаряженные на деньги левантийских купцов. В 1583 г. в Левант отправляется Джон Пьюбери. Его задача: узнать, нельзя ли по суше через Месопотамию достичь Индии[4]. А в 1591 г., видимо, теряя надежду сохранить за собой устойчивые связи с Индией по суше, Левантийская компания снаряжает три корабля, которые ищут пути в Индию вокруг Африки[5].

Созданная в 1600 г. в Лондоне Ост-Индская компания положила начало прямой торговле с Индией. Потерпев поражение в 1588 г., католическая Испания уже не могла помешать английским кораблям плавать вокруг Африки. Цель, которую ставили перед собой первоначально основатели Левантийской компании, была достигнута. Казалось, английские купцы должны были бы теперь потерять интерес к Леванту. Но этого не случилось. Наоборот — в первой половине XVII в. наблюдается резкое расширение торговых связей со странами Восточного Средиземноморья. Годовой объем торговли увеличивается более, чем в 15 раз — с 60—80 тыс. ф. ст. в начале века до 1,25 млн. ф. ст. к его середине[6]. В 20-х гг. XVII в. Левантийская компания описывалась современниками как «самая процветающая из всех английских компаний»[7]. Следовательно, интересы английских купцов в Леванте не ограничивались приобретением индийских пряностей и других восточных товаров. Интересы эти лежали глубже и

были связаны с экономическим развитием Англии. Анализ этой связи и является задачей данной статьи.

Рассмотрим структуру английской торговли и прежде всего вывоз товаров в Левант. Первое, что бросается здесь в глаза, — это значительное увеличение вывоза тканей в Левант: с 6,8 тыс. кусков в конце XVI в. до 25—30 тысяч уже к 30-м гг. XVII в. Но что еще более примечательно — доля Леванта в общем вывозе английских тканей за границу неуклонно увеличивалась: с 6,5% в 1598 г. до 13% в 1606, 14,3% в 1620 и 23% в 1630 г.[8] Во второй половине века большое значение Леванта, как рынка сбыта английских тканей, становится уже бесспорным. «Турецкая торговля потребляет такое большое количество наших тканей и других товаров, что может считаться одной из основных»[9]. Насколько широко в это время распространено английское сукно в Леванте и какой популярностью оно там пользуется, можно судить по тому факту, что французский посол в Турции преподносит в подарок султану английские ткани, предпочитая их товарам своей страны[10].

Итак, резкому увеличению английской торговли с Левантом в XVII в. в значительной степени способствовало то, что Левант становился одним из основных рынков сбыта английских тканей. Чем же это было вызвано? Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть состояние английского суконделия в конце XVI — начале XVII в.

Суконделие было ведущей отраслью английской промышленности. Здесь в XVI в. наиболее интенсивно шло формирование и развитие капиталистического уклада. На одном из первых мест в этом отношении стояла восточная Англия — Норфолк, Сеффолк, Эссекс, Кент. Интенсивному развитию капиталистических форм производства способствовали достигшие здесь значительных размеров огораживания и обезземеливание крестьян, а также близость этого района к Лондону. Здесь изготовляли «широкое сукно» (broad cloth)[11] — тонкую по отделке, шелковистую плотную теплую ткань — и «каразею» (кирзу, kersey) — легкую, но более грубую, домотканную ткань с густым коротким ворсом.

Другим важным районом суконделия были западные графства Уилтшир, Сомерсетшир, Дорсетшир и Глостер. Основным продуктом этого района было лучшее по качеству широкое сукно.

Третий крупный район находился в Йоркшире и Ланкашире, изготовлявших в основном грубую каразею. Капиталистические формы производства здесь были наименее развиты[12].

Большое значение для развития английского суконделия имели внешние рынки сбыта. К концу XVI в. ежегодный вы-

воз сукна за границу достигал 100—130 тысяч кусков ткани — около половины всего производства, а из Йоркшира в отдельные годы вывозилось до 75% всех его тканей[13]. Основным традиционным рынком была Северная Европа и прежде всего Нидерланды. Сюда шло более половины английского вывоза — преимущественно в виде доброкачественного, но необработанного и неокрашенного широкого сукна (суровья). Его окончательная отделка (аппретитура) производилась уже на нидерландских мануфактурах. На этот рынок ориентировались прежде всего северные и восточные графства, а вывоз состоял на 60—65% из широкого сукна, причем более половины — в необработанном виде[14]. Западные же графства и часть восточных (Сеффолк) сбывали свои более грубые ткани во Франции, а более тонкие и дорогие — в Испании, Португалии[15].

Значение внешнего рынка для английского сукноделия все больше увеличивалось по мере дальнейшего формирования в нем капиталистического уклада. Ведь если внутренний рынок еще некоторое время мог обслуживаться цеховым ремеслом, то расширение внешних рынков было непосредственно связано с ускорением перехода от ремесла к мануфактуре[16]. Но именно в рассматриваемый нами период английское сукноделие начинает терять традиционные рынки сбыта своей продукции.

Одной из причин этого было развитие самого английского сукноделия. Постоянное вздорожание сырья вследствие расширения производства и рост капиталистического производства для массового потребления неизбежно сопровождались изменением качества и ассортимента тканей. С одной стороны, переход на все более грубую, низкосортную и, следовательно, более дешевую, шерсть понижал издержки производства, но и ухудшал качество традиционных сукон. Это уменьшало спрос на них в Нидерландах и Германии. В 1630 г. Нидерланды официально объявили бойкот английскому сукну, ссылаясь на его низкое качество. С другой стороны, в условиях роста цен на сырье становилось выгоднее производить не суровье, а готовую продукцию[17]. Это требовало дополнительных затрат в 20-22 шиллинга на каждый кусок ткани, а цена товара увеличивалась почти вдвое — с 5 до 9 ф. ст.[18] В результате в общем вывозе английских тканей уменьшалась доля суровья — основного английского продукта на рынках Западной Европы.

Наконец, во второй половине XVI в. в Англии начинает бурно развиваться камвольная (гребенная) промышленность, принципиально отличная от суконной по своей технологии. Сырьем для нее была более грубая шерсть с прямым и длинным волосом, она была не пригодна для традиционного

сукноделия и до сих пор выпадала из производства. Поэтому появление камвольных тканей (прежде всего в районах преобладания грубошерстного овцеводства в Норфолке, Гэмпшире, Сомерсетшире, Девоншире) было своего рода реакцией на вздорожание традиционного сырья. В то же время камвольное производство было значительно сложнее суконного по технологии[19]. В силу этого оно требовало большей централизации, и ее быстрое развитие было связано с ростом капиталистического уклада. Так, наибольших успехов камвольная промышленность достигла на востоке страны, в Норфолке, и совсем не получила распространения в Йоркшире, хотя там было развито именно грубошерстное овцеводство.

Камвольные ткани были легче и дешевле традиционных суконных тканей. Их производство отличалось применением более грубого и дешевого сырья, широким использованием отходов и смесей со льном и шелком, большим выходом готовой продукции, увеличением удельной доли более дешевого детского и женского труда[20]. Новые ткани были значительно разнообразнее суконных по расцветке и ассортименту: современники различали фланель, байку, бязь, фай, саржу, которые в свою очередь имели множество местных вариантов. И все они не могли рассчитывать на основной английский рынок в Северной Европе, так как здесь большим спросом пользовались более плотные суконные ткани.

Сужение традиционных рынков сбыта английских тканей ускорялось событиями в Европе. Революция в Нидерландах и последовавшие за ней голландско-испанские и англо-испанские войны привели в конце XVI в. к потере испанского и португальского рынков сбыта, а в значительной мере также германского и нидерландского, так как Испания всячески стремилась добиться полного бойкота английских товаров[12]. Заключение мира с Испанией в 1603 г. не способствовало существенному улучшению дел. Растущее суконное производство в Нидерландах и Франции, Тридцатилетняя война в Германии, события начала XVII в. в России (крестьянская война и польская интервенция) — все это существенно ограничивало сбыт английских тканей[22]. В результате вывоз компании «купцов-авантюристов» в Нидерланды сократился в 1600—1613 гг. на 20% и продолжал падать. Из Истляндской компании, торгующей с Прибалтикой, в 1606—1610 гг. вышло две трети ее членов, а в 1612—1620 гг. вывоз этой компании уменьшился еще на 30%[23].

Между тем растущее производство сукна в Англии объективно требовало дальнейшего увеличения вывоза. Одним из способов разрешения этого растущего противоречия между предложением и спросом в суконной промышленности было увеличение вывоза тканей в Левант. Переломным моментом

в этом отношении был именно период кризиса, когда за несколько лет вывоз тканей в Левант увеличился более, чем в три раза. Таким образом, Левант оказался для английского суконделия той «отдушиной», которая во многом позволила преодолеть последствия кризиса. И одним из последствий кризиса 1621—1623 гг. оказалось то, что левантийский рынок по вывозу сукна вышел на второе место после нидерландского, Причем, что особенно важно, — это был единственный рынок, куда вывоз английского сукна постоянно увеличивался в 1603—1640 гг.[24].

Возникает вопрос: почему же именно Левант оказался наиболее подходящим новым рынком сбыта сукна и камвольных тканей в первой половине XVII в.? Ведь суконделы Великобритании в этот период искали новые рынки повсюду: в Африке, Индии, Японии, на Моллукских островах. «Сюда можно вывозить каразею для простого люда», — сообщали английские купцы из Персии[25]. Анонимный автор трактата «Новая Британия» советовал отправляться к туземцам Америки, чтобы «прикрыть их нагую нищету с помощью цивилизованной обуви и одежды[26]. Но ни один из этих рынков не приобрел того значения, которое имел Левант. К примеру, вывоз тканей в Индию по самым скромным подсчетам не достигал и половины экспорта в Левант, а ведь при этом ост-индская торговля была значительно больше по объему[27].

Объяснялось это тем, что в Леванте успехом пользовался именно тот товар, который во все больших количествах производился английской промышленностью и который не пользовался спросом на традиционных рынках. Речь идет о готовом (аппретированном) широком сукне все более низкого качества.

Из всех английских тканей теплое широкое сукно наиболее соответствовало климатическим условиям Леванта. Особенно это относилось к гористым районам Малой Азии и Северной Сирии, где в условиях резко-континентального климата зимой носили теплые ткани, а летом — легкие хлопчатобумажные и льняные. А более легкую каразею и камвольные ткани предпочитали в районах с более мягким, тропическим климатом: эти ткани покупали для зимнего сезона в Западном Средиземноморье (Ливорно), Индии, Персии, Гвинее[28].

В то же время английские купцы на собственном опыте убеждались, что недостаточным спросом в Леванте пользовалась как слишком грубая и дешевая, так и слишком дорогая ткань, рассчитанная на ограниченное число потребителей[29]. А среднее по качеству и по цене английское широкое сукно находило в этом районе массового потребителя — прежде всего из средних и низших слоев турецкого общест-

ва, как отмечали современники[30]. Английское широкое сукно «по большей части среднего качества и подходит лишь для бедного люда», — сообщал один из очевидцев английской торговли в Леванте в 1635 г.[31]. Еще более ясное представление о низком качестве английского сукна можно получить со слов английского купца Джона Мэя: «Когда турок... прочесывает ткань... и находит тут и там дыры и погрешности, — тогда... ставит под сомнение нашу христианскую веру»[32]. И тем не менее такое сукно охотно покупали в Леванте. В частности, сукно этого типа — турецкие источники называют его «чока» (coka) в больших масштабах закупалось для турецкой армии: из него шили одежду янычарам[33].

Причиной подобной популярности английских тканей была их относительная дешевизна по сравнению с местными тканями и тканями других европейских государств, в частности Франции и Венеции. Кусок венецианского сукна, к примеру, стоил в 20-х гг. XVI в. на рынках Константинополя 25 ф. ст., в то время как соответствующее ему английское сукно стоило не более 18 ф. ст[34].

Это было связано прежде всего с тем, что английские суконщики в целом — как мелкие ремесленники, так и предприниматели — капиталисты — находились в более благоприятных условиях, чем их конкуренты. Уникальная по богатству сырьевая база, дешевая рабочая сила обезземеленных крестьян, более высокий уровень развития капиталистических форм производства — все эти черты английского суконделия были подмечены еще современниками[35].

Относительная дешевизна английских тканей объяснялась и меньшими издержками по их транспортировке в Левант: к примеру, у английских купцов в этот период они достигали 23—27% стоимости груза[36], а у французских — 45%[37]. Это было связано с более высоким уровнем развития кораблестроения в Англии, лучшими мореходными качествами, большей вместимостью и маневренностью английских кораблей. Так, в конечном итоге, успехи тканей в Леванте в значительной мере отражали развитие английской промышленности, ее капиталистических форм.

Растущий спрос в Леванте на широкое сукно делал вывоз его наиболее выгодным для английских купцов. И это объясняет изменение внутренней структуры вывоза английских тканей в Левант. Английский путешественник Морисон отмечал в 1596 г.: «Англичане привозят в Турцию окрашенную каразею разных видов и расцветок, но они везут мало широкого сукна, в то время как его в больших количествах поставляет Венеция»[38]. С начала XVII в. доля широкого сукна начина-

ет увеличиваться: в 1598 г. — 4% всего вывоза тканей в Левант, в 1606 — 21%, в 1621 — 76%, в 1626 — 82,2%[39]. К 1635 г. широкое сукно практически полностью вытесняет каразею с рынков Леванта.

Можно предположить, что подобные изменения в структуре вывоза английских тканей в Левант объяснялись не только торговой конъюнктурой, но и определенными процессами, происходящими в английском сукноделии в первой половине XVII в. Источники показывают, что цены на широкое сукно в Англии росли, в то время, как цены на каразею падали (по крайней мере, на протяжении 1600—1627 гг.)[40]. Возможно, это было связано с растущей конкуренцией сходных с каразеей новых камвольных тканей. В этих условиях при устойчивом росте цен на шерсть производство широкого сукна могло давать подчас большую норму прибыли. Это подтверждается источниками[41].

В таком случае уменьшение вывоза каразеи в Левант могло отражать уменьшение удельного веса производства каразеи в Англии в рассматриваемый период вследствие повышения спроса на камвольные ткани и перелива капитала в более выгодные отрасли сукноделия. Не случайно, что в Западном Йоркшире и Ланкашире — традиционных центрах производства каразеи — все шире росло изготовление сходных с каразеей тканей «коттон», для чего использовалась более грубая и дешевая ирландская шерсть, лен и отходы производства (очесы и незатканные концы нитей)[42].

Следует также учитывать, что производство каразеи при прочих равных условиях преобладало там, где доминировало мелкотоварное производство — в Йоркшире, Девоне, Корнуолле. По данным Н. М. Мещеряковой, независимый мелкий производитель первой половины XVII в. обычно изготовлял один кусок ткани в неделю[43]. Источники свидетельствуют, что при технологии того времени это могла быть только каразея[44]. В сравнении друг с другом каразея больше представляла ремесленное производство, а широкое сукно — мануфактуру. Поэтому наши предположения о возможном относительном уменьшении доли каразеи в английском сукноделии в первой половине XVII в. вполне соответствуют общей тенденции его развития — формированию в нем капиталистического уклада и увеличению удельного веса мануфактурного производства. Уменьшение доли производства каразеи в данном случае могло отражать закономерный процесс разорения мелких товаропроизводителей и рост капиталистического производства, расширявшего за счет их разорения рынок для своей продукции.

Структура вывоза шерстяных тканей из Великобритании в Левант отражала внутренние изменения в сукноделии —

рост капиталистического производства — и приспосабливалась к ним. Промышленность революционизировала торговлю[45].

Но выявляется и обратная связь. Английское сукно вытесняло с рынков Леванта ткани других стран и продукты местного производства. Безуспешно пытались турецкие власти запретить в 30-х гг. XVII в. вывоз необработанной шерсти из страны с целью стимулировать собственное производство шерстяных тканей[46]. Производство сукна в Венеции, для которой Левант был основным рынком сбыта, упало с 20 тысяч кусков в год в начале XVII в. до 2 тысяч к концу его[47]. Торговый оборот Франции в Леванте в 1605—1640 гг. упал с 2,5 млн. ф. ст. в год до 50 тыс. ф. ст[48]. К середине XVII в. Англия прочно занимает первое место во всей левантийской торговле.

Разумеется, расширение рынков для английских тканей в Леванте способствовало увеличению их вывоза и стимулировало расширение суконного производства в Англии. Мы уже отмечали ту роль, которую сыграла левантийская торговля в ликвидации последствий кризиса 1621—1623 гг. В то же время вывоз тканей в Левант в определенной степени влиял и на соотношение между различными районами суконного производства, менял его географию. В начале XVII в. основным поставщиком широкого сукна для Леванта был Сеффолк, но уже с 20-х гг. его вытесняют западные графства. Первоначальной причиной этому послужило общее ухудшение условий суконного производства в Сеффолке (в связи с бурным ростом здесь камвольного производства) и все более благоприятные условия на Западе (обилие высококачественной шерсти, переход на производство новых тканей, уже имевших признание на Востоке, более дешевая рабочая сила)[49]. Все это влияло на уровень закупочных цен и определяло выбор купцов, приобретающих ткани для Леванта. А отказ левантийских купцов от продукции Сеффолка, в свою очередь, способствовал его дальнейшему упадку, миграции производителей и переливу капитала на Запад и в Йоркшир, — стимулируя одновременно ткацкое производство в Уилтшире и Глостершире.

Но сукно являлось далеко не единственным предметом английкого вывоза в Левант в первой половине XVII в. Большим спросом в Леванте пользовались олово и свинец, которых в Турции не хватало. Англия же владела месторождениями олова в Корнуолле и Девоншире и весьма развитой для того времени горнодобывающей промышленностью со значительным удельным весом в ней капиталистического производства[50]. Ежегодная добыча олова достигала 1,2 млн. фунтов, причем до 70% вывозилось за границу[51]. В Левант в

20-е гг. XVII в. шло не менее трети — 200—250 тыс. фунтов в год[52]. Значение этой статьи английского вывоза для Турции определялось тем, что олово было важной составной частью бронзового литья для пушек. Наряду с оловом Англия вывозила в Левант свинец, сталь, ртуть, медь, что являлось, несомненно, одним из стимулов расширения их добычи и обработки в Англии. Важное место в английском экспорте занимало оружие и порох — если не по количеству, то по значимости. В условиях постоянных войн, которые Турция вела против своих европейских соседей, Англия была одной из немногих стран, регулярно снабжавших турецкую армию и флот средствами для ведения этих войн. Англичанин Томас Шерли сообщал в начале XVII в. из Турции о «порохе и другой военной амуниции, ввозимой в больших количествах англичанами и больше никем»[53]. Турецкий флот во многом зависел от поставок английского пороха, достигавших временами 50 тыс. фунтов в год[54]. (Число достаточно впечатляющее, если учесть, что в 1627 г. после вывоза пороха за границу во всей Англии оставалось немногим более 57,6 тыс. фунтов)[55]. Английский порох пользовался в Турции большим спросом благодаря своей относительной дешевизне. Не последняя роль в этом принадлежала Ост-Индской компании, все в больших количествах вывозившей селитру из Индии. К 1628 г. предприятия компании из этой дешевой селитры уже изготовляли 3 тыс. фунтов пороха в неделю[56]. Одновременно селитра вместе с порохом реэкспортировалась за границу — в том числе и в Левант[57].

Английское оружие, так же как и порох, высоко ценилось в Турции. Оружейная промышленность в Англии достигла значительного развития, причем большая роль в ней принадлежала крупнокапиталистическому производству: изготовление, к примеру, почти всех пушек было сконцентрировано в семи крупных мастерских. Начавшееся с XVII в. широкое применение каменного угля вместо древесного и новых сортов металлов (из фосфорно-несущих лимонитных руд в Динском лесу, в Сессексе) способствовало удешевлению и усовершенствованию технологии изготовления более дешевого железного оружия[58]. Одна тонна бронзового оружия стоила в Англии 149,2 ф. ст., в то время как тонна железного — только 37,2 ф. ст.[59] Но железные пушки были почти в два раза тяжелее бронзовых, что мешало их распространению в полевой артиллерии и флоте. Английская промышленность смогла преодолеть этот недостаток: уже в 1626 г. в мастерской Джона Брауна начали изготовлять железные орудия, которые были легче бронзовых и при этом не уступали им в прочности[60]. Годовое производство дешевого железного оружия в Англии в середине XVII в. достигло уже

общего веса в 1 тысячу тонн (примерно 1—1,3 тыс. орудий в пересчете на шестифунтовые пушки)[61].

Уже в начале XVII в. вывоз английского оружия за границу достигал общего веса 325 тонн в год[62]. И одним из рынков для него был Левант, который в значительных количествах, как свидетельствуют источники, потреблял английские пушки, мушкеты, аркебузы, мечи, сабли[63]. Порой оружие играло главную роль в английском вывозе в Левант. К примеру, в 1601 г. очевидцы сообщали: «Английские суда, прибывшие в Стамбул, по большей части загружены порохом и амуницией»[64]. Важность этой статьи английского вывоза для Турции объяснялась тем, что местное производство было на весьма низком уровне. Орудия были грубыми, тяжелыми и часто отливались наспех в поле под стенами осаждаемого города[65]. Обилие легкодоступной меди в Анатолии и Египте сдерживало развитие более прогрессивного железного производства. Поэтому правящие круги Османской империи пытались всеми средствами достать более совершенное европейское оружие — прежде всего для оснащения флота. И пользуясь этим повышенным спросом, английские купцы увеличивали вывоз оружия в Левант, несмотря на то, что оно использовалось порой против них самих и их соотечественников[66].

Наряду с тканями, металлами и оружием англичане в первой половине XVII в. вывозили в Левант также кроличьи шкурки, кружевные косынки, канаты, реэкспортированные из Северной Европы и России кожи, икру, меха[67]. Все это было традиционными товарами в европейской торговле со странами Восточного Средиземноморья. С 20-х гг. XVII в. сюда из Англии во все больших количествах стали поступать индийские товары (и прежде всего пряности — иногда до 79 тыс. фунтов в год), а также табак из колоний в Америке[68]. Однако среди всего этого многообразия товаров главную роль в вывозе играли ткани — на них приходилось 60% всего вывоза. На втором месте обычно стояло олово — около 25% вывоза в начале XVII в.[69]

Таким образом, Левант как рынок сбыта играл значительную роль в развитии английской промышленности, потребляя все основные продукты английского производства того времени. В свою очередь, английский вывоз в Левант становился все более важным для Турции, которая нуждалась в подобных товарах.

Если вывоз в Левант играл значительную роль в развитии английской промышленности и в конечном итоге в формировании капиталистического уклада, то по мере развития левантийской торговли все более важную — и в некоторых

случаях исключительную — роль в экономической жизни Англии начинает играть и ввоз из Леванта.

В первой половине XVII в. из Леванта в Англию и другие европейские страны продолжали в значительных количествах ввозиться традиционные восточные товары. Через Алеппо и Стамбул шли красители: чернильный орешек, морена, ярь-медянка, сурик, винный камень, киноварь. Морея, Галлиполи, Родос поставляли оливковое масло; Сирия и Ливан — фисташки, ревень, камедь, нашатырь; Хиос, Милос, Греция, Кипр — квасцы, тростниковую пальму, скипидар, вина. Особенно ценилась в Англии из левантийских вин мальвазия, которую вывозили в Европу с Крита в больших количествах — до 2 миллионов литров в год[70].

Но все эти товары играли весьма незначительную роль в английском вывозе по сравнению с коринкой — мелким изюмом. Его получали из бессеменной породы винограда, высушивали раствором поташа и поваренной соли. Основными районами изготовления изюма были венецианские владения на островах Кафалония, Корфу, Занте, Морея (Патрас) и остров Родос[71].. Изюм пользовался огромным спросом в Англии. Благодаря своей дешевизне он являлся одним из основных предметов широкого потребления[72]. По свидетельству очевидцев, изюм был наиболее распространенным лакомством на народных праздниках и в повседневной жизни. В середине XVII в. венецианцы даже утверждали, что англичане скорее предпочтут обходиться без хлеба, чем без изюма[73]. Поэтому ввоз изюма в Англию был весьма выгоден для английских купцов и составлял в 20-х гг. XVII в. около 30% всего ввоза по стоимости, абсолютно преобладая по весу. В целом ввоз изюма в Англию за первую половину XVII в. увеличился с 2,3 млн. фунтов до 9—10 млн. фунтов в год[74]. При этом необходимо отметить, что изюм служил не только как готовый продукт, но и как сырье для развивавшейся сахарной промышленности; в частности, на левантийском изюме работал второй в стране по величине сахарный завод, принадлежавший бристольскому купцу Томасу Олдворту[75].

В первой половине XVII в. все большую роль в английской торговле начинают играть шелк и хлопок. В условиях того времени Левант являлся основным рынком, откуда в Европу шел персидский шелк из Ширвана и Гиляна. Шелк-сырец более низкого качества производился в Греции, Малой Азии, Сибири, на островах Хиос, Родос, Кипр и других[76]. Если шелк-сырец мог поступать в Англию не только из Леванта, но также из Испании, Италии и Индии, то хлопок шел в первой половине XVII в. исключительно из Леванта. Основными хлопконосными районами были Западная Анатолия, многочисленные острова архипелага, Кипр, Сирия, в меньшей степени — практически весь Левант (кроме Египта)[77].

Шелковые ткани из Персии, Индии, Турции были хорошо известны в Англии и пользовались большим спросом. Их ввоз особенно увеличился после создания Ост-Индской компании и заключения англо-испанского мира. В XVI в. англичане знакомятся и с хлопчатобумажными тканями. В конце века английские купцы ввозят в страну миткаль и сатин из Бенина (Гвинеи), а с начала XVII в. — из Индии (Гуджарат, Сонергонг, Дакка)[78]. Одновременно в Англии становится известна и технология производства новых тканей, в частности, через фламандских ткачей, эмигрировавших в Англию от испанских преследований.

Так в Англии во второй половине XVI в. создаются благоприятные условия для бурного развития незначительного до сих пор шелкового производства и возникновения принципиально новой отрасли ткачества — хлопчатобумажной промышленности. Но основной причиной их возникновения было само развитие английского сукноделия и рост в нем капиталистического уклада. С одной стороны, рост спроса на шелковые ткани со стороны имущих классов стимулировал шелковое производство. С другой стороны, рост числа наемных рабочих требовал увеличения выпуска массовых дешевых тканей. При этом дальнейшее удешевление основных предметов потребления понижало уровень потребностей и жизни работника, уменьшая, таким образом, стоимость рабочей силы для предпринимателя[79]. Эти задачи было призвано решить хлопчатобумажное производство.

Выход готовой продукции из хлопка-сырца в силу самой специфики производства был в два-три раза больше, чем из шерсти. Это приводило к удешевлению нового сырья по отношению к стоимости готовой продукции и способствовало, следовательно, увеличению нормы прибыли — при одновременном снижении стоимости продукта. Наглядным подтверждением этому служат цены первой половины XVII в. на один ряд ткани: широкое сукно стоило 60—72 пенса, равное количество каразеи — 36—54 пенса, камвольной ткани — 24—32 пенса, в то время как хлопчатобумажная бумазея предлагалась по цене в 18—25 пенсов[80]. Это позволило хлопчатобумажным тканям успешно вытеснять традиционное сукно с внутреннего рынка. Говоря о хлопке, Маркс писал: «В обществе, основанном на нищете, самые нищенские продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс»[81].

С развитием новых отраслей спрос на шелк и хлопок увеличивался, что способствовало их ввозу в Англию во все больших количествах. Ввоз шелка-сырца увеличился за 1600—1640 гг. в четыре раза, превысив 213 тыс. фунтов в

год[82]. Причем в этом ввозе неуклонно увеличивалась доля левантийского шелка: с 20—30% в начале XVII в. до 50% в 1621 г., а к 1640 г. подавляющее большинство шелка ввозится в Англию из Леванта[83]. Еще более поразительными темпами нарастал ввоз в Англию средиземноморского хлопка-сырца, который уже в конце XVI в. был одной из статей вывоза Левантийской компании: в одной из инструкций 1586 г. торговым агентам в Алеппо предписывалось закупать хлопок и отсылать в Англию для производства бумазеи[84]. В 1604 г. в Англию было ввезено около 2 тыс. фунтов хлопка-сырца, а в 1630—1635 гг. его ежегодный ввоз достиг 350—400 тыс фунтов, намного опередив ввоз шелка[85]. В целом ввоз в Англию товаров из Леванта в первой половине XVII в. все в большей степени определялся именно ввозом промышленного сырья — уже к 1621 г. оно составило 52% всего вывоза по стоимости[86].

Число людей, занятых в шелковой промышленности, в одном только Лондоне увеличилось за 1600—1640 гг. с 300 человек до 14 тыс., а о размерах шелкового производства в Кенте может свидетельствовать солидный ежегодный налог с этого производства почти в 14 тыс. ф. ст. — при норме в 3 пенса с одного станка[87]. Усовершенствование технологии, в частности, изобретение вязальной рамы Уильямом Ли в 1589 г. позволило начать массовое производство шелкового трикотажа. Это значительно расширило сферу применения шелка-сырца, так как основной предмет трикотажа — чулки — пользовался большим спросом не только на внутреннем рынке, но и за границей — во Фландрии, Франции[88].

Бурными темпами развивалось и хлопчатобумажное производство. К 1578 г. относятся первые известные нам сведения о производстве хлопчатобумажных тканей в районе Манчестера (Ланкашир)[89]. А к 1621 г. здесь ежегодно производят уже около 40 тыс. кусков бумазеи, и к середине XVII в. Манчестер становится основным центром развивающейся хлопчатобумажной промышленности в стране[90]. Этот район во многих отношениях был удобным местом для развития мануфактурного производства на привозном сырье. Здесь было много воды, леса, угля, металла из соседнего Йоркшира, Страффордшира, Уорикшира, а близость к Ливерпулю обеспечивала легкий доступ к морю.

Хлопчатобумажное производство появилось и в других графствах. К 1605 г. относятся первые попытки наладить выпуск «хлопчатого сатина или бумазеи» в Норидже, а к середине XVII в. хлопчатобумажные ткани уже изготовляют в Йоркшире, Дорсетшире, Чешире, Дербишире, Девоншире, Ноттингемшире[91]. И что примечательно: одним из рынков для этого производства с самого начала становится Левант. С

1620 г. в статьях вывоза в портовых книгах Лондона все чаще значится «венецианская бумазея английского производства и «миланская бумазея английского производства»[92].

Новое производство в силу своей технологии требовало большей концентрации производства, нежели традиционные отрасли сукноделия. Если для переработки 240 фунтов шерсти в сукно в первой половине XVII в. требовалось 42—60 человек в неделю, а в камвольную ткань — 158 человек, то для переработки такого же количества шелка в ткань требовалось 525 человек, а в чулки — 423 человека[93]. Значительной степени кооперации производственных процессов требовало и хлопчатобумажное производство, так как в результате очистки лишь от 10 до 40% хлопка-сырца перерабатывалось в ткань, а остальное сырье требовало параллельной переработки семян хлопчатника и хлопкового пуха — линтеры.

Требуя наибольшей для того времени специализации и кооперации и работая исключительно на привозном сырье, шелковое и хлопчатобумажное производство в условиях Англии первой половины XVII в. могло развиваться в массовых масштабах лишь преимущественно на капиталистической основе. Поэтому эти отрасли производства не только являлись следствием развития капиталистического уклада, но и способствовали его дальнейшему утверждению. А успешно конкурируя с традиционным суконным производством, новые формы производства способствовали вытеснению в нем более отсталых форм, так как перед суконщиками оставался только один выбор: либо совершенствование технологии в целях удешевления производства, а это объективно вело к развитию капиталистических форм, либо упадок. Об этом свидетельствуют петиции суконщиков против развития новых отраслей и выводы специальной правительственной комиссии, которая была создана для расследования причин упадка сукноделия.

Новая промышленность развивалась, как правило, в стороне от традиционных центров сукноделия, не связанная цеховой регламентацией старых городов. В то же время районы ее расположения в основном совпадали с промышленными районами Англии — Девонширом, Дербиширом, Йорком, где значительного развития достигла горнодобывающая и металлообрабатывающая промышленность с применением наемного труда, а также с потенциальными индустриальными центрами страны (Ланкашир, Центральная Англия). С этими районами, собственно говоря, было связано будущее английского капитализма — и значительную роль в их развитии сыграла хлопчатобумажная промышленность. В свою очередь, английская торговля с Левантом имела определяющее

значение для становления этой промышленности, поставляя «новое сырье и вспомогательные материалы, и тем давая начало новым отраслям производства, которые с самого начала основываются на торговле»[94]. Один из основателей Левантийской компании Ричард Стейпер уже в конце XVI в. отмечал, что левантийская торговля заложила основы хлопчатобумажного производства в стране[95]. И вплоть до начала XVII в., когда в Англию начал поступать хлопок из американских колоний, Левант оставался единственным поставщиком этого сырья.

Таким образом, торговля Англии с Левантом играла значительную роль в экономической жизни страны. И если вывоз в Левант во многом был вызван потребностями английской промышленности на определенном этапе, то ввоз становился все более мощным стимулом и условием ее дальнейшего развития на капиталистических началах. В этом проявлялась отмеченная Ф. Энгельсом общая тенденция развития торговых связей в XVI—XVII вв.: диктовавшиеся поначалу купеческими интересами, они приобрели решающее значение прежде всего для развития промышленности и удовлетворения ее потребностей[96].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Epstein M. The English Levant Company. L., 1908, p. 19—20, 36—37.
2. В документах ее иногда называют еще Турецкой компанией.
3. Lipson E. The Economic History of England. L. 1956, v. 2. p. 338.
4. Purchas S. His Piligrimes. Glasgow, 1905—1906, v. 9, p. 494—497; Collis M. British Merchant Adventurers. L., 1942, p. 9—15.
5. Saleh Z. Britain and Mesopotamia. Baghdad, 1966, p. 46.
6. Fisher G. Barbary Legend. L., 1937, p. 155, 158.
7. Roberts L. The Merchants Mappe of Commerce. L., 1638, p. 80.
8. Dietz F. An Economic History of England. N.—Y., 1942, p. 218; Bowden P. The Wool Trade in Tudor and Stuart England. L., 1942, p. 43; Macpherson D. Annals of Commerce. L., 1805, v. 2. p. 238; Carter W. Englands Interest by Trade Asserted. L., 1671, p. 11; Wood A. History of the Levant Company. Ox., 1935, p. 42.
9. Pollexphen of Trade. L., 1700, p. 85.
10. Ramsay G. English Overseas Trade during the Ages of Emergence N.—Y., 1957, p. 46.
11. Это название и будет применяться далее для его обозначения.
12. Lipson E. The Economic History..., v. 2, p. 12—15; Darby H. New Historical Geography of England. Cam., 1973, p. 275; Heaton H. The Yorkshire Woolen and Worsted Industry. Ox., 1920, p. 92, 108; Ramsay G. English Overseas..., p. 6.
13. Victoria History of the Counties (далее — VH) Yorkshire. L., 1912, v. 2, p. 416.
14. Wheeler S. A Treaise of Commerce. Middelburg, 1603, p. 25; Carter W. Englands..., p. 11.
15. Macpherson D. Annals..., v. 2, p. 338; Epstein M. The English..., p. 378.

16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 157, 760.; т. 25, ч. 1, с. 365; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 156.
17. При неизменном постоянном капитале это увеличивало переменный капитал, приносивший больше прибавочной стоимости.
Calendar of State Papers (далее — CSP) Colonial. 1617—1621. L., 1862—1892. No. 1175.
19. Для переработки 240 фунтов шерсти в неделю в суконной промышленности требовалось 44—60 человек, в камвольной — 158. (Nef J. Industry and Government in France and England. 1540—1640. N.—Y, 1969, p. 40; The Golden Fleece. L., 1737, p. 9.).
20. С 65,5% до 75,9% (The Golden Fleece, p. 9).
21. Ramsay G. The English Overseas..., p. 32; Wheeler S. Treatise..., p. 64—65, 45, 58; Essays in the Economic and social History of Tudor and Stuart England. Cam., 1961, p. 117.
22. CSP, Venetian, L., 1897—1939, v. 12, No. 3; VH Kent. L., 1932, v. 3, p. 40; The Trades Increase. L., 1615, p. 4—5; Force's Tracts and other Papers. N. Y., 1947, p. 3.
23. Ramsay G. English Overseas..., p. 119; Scott W. R. The Constitution and Finance of English Scottish and Irish Joint-Stock Companies. Cam., 1910—1912, v. 1, p. 169.
24. Dietz F. Op. cit., p. 218.
25. Purchas S. Op. cit., v. 3, p. 846.
26. Force's Tracts..., v. 1, «Nova Britania», p. 13.
27. CSP Colonial 1622—1624, No. 157.
28. Ramsay G. The Wiltshire Woolen Industry. L., 1943, p. 109; Misselden E. Free Trade or the Meanes To Make Trade Florish. L., 1622, p. 100; Aspetti e cause della decadenza economica Veneziana nel secolo XVII. Venezia, 1961, p. 204.
29. CSP Venetian, v. 23, No. 353.
30. Ibid., v. 22, No. 326, 399; CSP Colonial 1622—1624, No. 163.
31. Ibid., v. 23, No. 523.
32. Heaton H. The Yorkshire, p. 144.
33. Acta Orientalis, t. 8, fasciculus 5. Budapest, 1965, p. 301.
34. CS, Venetian, v. 23, No. 553; v. 24, No. 367.
35. Malynes G. Consuetudo vel lex mercatoria, L., 1636, p. 62; Decay... p. 7.
36. Издержки вычислены нами на материалах источников: CSP Venetian, v. 12, No. 555; v. 15, No. 473; CSP Domestic Addende 1580—1625. v. 16, No 121; Roberts L. Merchants..., p. 19; Malynes G. Op. cit., p. 108, 123, 174: Early English Tracts of Commerce. Ed. by McCulloch J. Cam., 1954, p. 204.
37. Tongas G. Les relations de la France avec L'Empire Ottoman durant le 1 moitie de XVII siecle. Toulon, 1942, p. 183.
38. Essays..., p. 119.
39. Ibid., p. 120; Malynes G. Op. cit., p. 65.
40. VH Yorkhire. London, 1912, v. 2, p. 416; Nottinghamshire, 1902, v. 2, p. 344; Suffolk 1907, v. 2, p. 260, 265; Hampshire 1912, v. 5, p. 486; Epstein M. Op. cit., p. 262; Malynes G. Op. cit., p. 62, 65; Roberts L. Op. cit., p. 102; Ramsay G. Wiltshire..., p. 101; Historical Manuscripts Comission (далее — HMC) lord Kenyon MSS, Appendix, p. 2, L., 1894; p. 36; Laing MSS London, 1914, v. 1, p. 135—138.
41. Об издержках производства и норме прибыли позволяют судить данные по ценам на сукно и сырье, по технологии производства (в упоминавшихся выше источниках и Chamberlayne E. Angliae Notitia, 1700. p. 261—262) и данные по стоимости рабочей силы в; Heaton H. Op. cit., p. 110, 114; VH Worchester, v. 2, p. 292.
42. Baines E. History of The Cotton Manufacture in Great Britain. L., 1835, p. 93; Heaton H. Op. cit., p. 131.

43. Мещерякова Н. М. О промышленном развитии Англии накануне буржуазной революции. XVII в. СВ, 1955, № 7, с. 176—177.
45. Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 366.
46. Roberts L. Op. cit., p. 124.
47. Cipolla C. The Economic Decline of Empires. L., 1970, p. 196—200; Ramsay G. English Overseas..., p. 51; Essays..., p. 134.
48. Fisher G. Barbary..., 155, 158; Tongas R. Op. cit., p. 208, 210.
49. Heaton H. Op. cit., p. 112—114.
50. Lipson E. The Economic..., v. 2, p. 170—175.
51. HMC, Salisbury MSS, v. 5, p. 166; Chamberlayne E. Angliae..., p. 61.
52. HMC, Salisbury MSS, v. 10, 166 ,415; Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969, т. 2, с. 326.
53. Sherley T. Discource of the Turke 1606. L.. 1936, p. 9.
54. CSP, Venetian, v. 10, No. 470.
55. CSP, Domestic 1627—1628, v. XXX, No. 17.
56. Macpherson D. Op. cit., v. 2, p. 352.
57. CSP, Venetian, v. 10, No. 35, 313.
58. Cipolla C. Guns, Sails and Empires. N. Y., 1965, p. 40.
59. CSP, Venetian, v .16, p. 319; Cipolla C. Op. cit., p. 42.
60. CSP, Domestic 1625—1626, v. XXV, No. 79.
61. Cipolla C. Op. cit., p. 65[n], 73.
62. Ibid., p. 44[n].
63. Sherley T. Op. cit., p. 9—10.
64. HMC, Salisbury, MSS, v. 11, p. 111.
65. Shakespeare's Europe. L., 1903, v. 1. p. 41.
66. Sherley T. Op. cit., p. 10.
67. Ramsay G. English Overseas..., p. 51.
68. Digges D. The Defence of Trade. L., 1645, p. 18; Colonial 1622—1624; No. 347; Purchas S. Op. cit., v. 3, p. 89, v. 8, p. 146.
69. CSP, Venetian, v. 12, No. 383 Harris P. An Aleppo Merchant Letter Book. — «The British Museum Quarterly», 1960, v. 22, p. 67.
70. Wood A. Op. cit., p. 70, 74; Roberts L. Op. cit., p. 131, 204; Aspetti..., p. 226; Sherley T. Op. cit., p. 18.
71. CSP, Venetian, v. 10, No. 198, v. 22, No. 777; v. 24, No. 665; Digby K. Journal of a Voayage into the Mediterranean AD 1628. L., 1868, p. 29.
72. CSP, Venetian, v. 20, No. 27, v. 21, No. 760; Epstein M. Op. cit., p. 11.
73. CSP, Venetian, v. 25, No. 212.
74. Epstein M. Op. cit., p. 41; Aspetti..., p. 209, 229; Studies in Economic History of the Middle East. L., 1970, p. 202.
75 Ramsay G. English..., p. 141; Little B. The City and County of Bristol. L., 1954, p. 111.
76. CSP, Colonial 1618—1621, No. 298; T. The Embassy to the Court of Great Mogul. L., 1899, v. 2, p. 358; Saleh Z. Op. cit. p. 49.
77. CSP, Venetian, v. 10, No. 194, v. 23, No. 539; Lithdow N. The Totall Discourse. L., 1640, p. 173.
78. The Travels of Pedro Teixeira. L., 1902, p. 134.
79. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 258—259.
80. HMC, Kenyon MSS, p. 36; Laing MSS, v. 1, p.135—138; Malynes G. Op. cit. p. 62; Roberts L. Op. cit., p. 102; VH Suffolk, v. 2, p. 265.
81. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 97.
82. HMC, Salisbury MSS, v. 5, p. 574; Aspetti..., p. 207—208, 229.
83. Fisher G. Op. cit., p. 183, Studies..., p. 195.
84 Lipson E. The Economic..., v. 2, p. 94.

85. Studies..., p. 202.
86. Aspetti..., p. 229.
87. VH Kent, v. 3, p. 412.
88. HMC, Wombwell MSS, v. 11, p. 200; Lipson E. Op. cit., v. 3, p. 104.
89. VH Lancashire, v. 2, p. 273.
90. Baines E. Op. cit., p. 87, 97; Wood A. Op. cit., p. 97.
91. Lipson E. Op. cit., v. 2, p. 97.
92. Wadsworth A., Mann J. The Cotton Trade and Industrial Lancashire L., 1965, p. 21.
93. The Golden Fleece, p. 16.
94. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 369.
95. Ramsay G. English Overseas..., p. 42.
96. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 415.

«КУПЦЫ-АВАНТЮРИСТЫ» ЛОНДОНА
(страницы ранней истории)

Е. В. Кузнецов

Сведения, которыми располагает сейчас историческая наука, позволяют наметить следующие этапы в длительном процессе формирования компании купцов-авантюристов Лондона: до 1407 г., 1407—1486 гг., 1486—1505 гг.

В 1407 г.[1] правящим монархом была пожалована первая хартия, вверявшая им право контроля и организации торговли в Нидерландах. Этому «юридическому» признанию «купцов-авантюристов», очевидно, предшествовал какой-то период их деятельности в этом районе. Первый историограф компании — небезызвестный Уилер — утверждал, что «братство св. Фомы Бекета», объединившее английских купцов на рынках Фландрии, Зеландии и Брабанта, существовало с 1216 г. Что касается Е. М. Карус-Вильсон, то внимательное изучение ранней стадии формирования организации купцов-авантюристов позволило ей назвать 1360 г. вехой, когда статут об организации складочной базы (staple) в Кале провел ясный водораздел между приуроченной к одному определенному месту, строго опекаемой торговлей шерстью и сбытом изделий из нее, оставшихся сферой свободного предпринимательства[2].

В 1486 г. авантюристы, как автономная организация, были признаны городским советом, который принял специальное постановление, чтобы создать «хорошее и надежное управление» среди авантюристов Лондона[3]. Наконец, в 1505 г. специальный статут парламента утвердил конституцию «купцов-авантюристов» — компании, объединившей в своих рядах представителей не только столицы, но и других английских городов[4].

Внутренняя история авантюристов — насколько позволяют судить те скудные факты, которыми располагают сейчас историки — связана, во-первых, с быстро растущей товарной массой разнообразных шерстяных тканей, которые выбрасывало на рынок бурно растущее английское сукноделие, во-вторых, с наличием у определенных групп купечества, как столичного, так и провинциального, значительного количества свободных денег, которые были вложены им в весьма прибыльную экспортную торговлю сукном. Бесспорно, что богатство мерсеров, развитые связи с континентом позволили этой компании захватить пальму первенства в торговле шерстяными тканями. Среди гильдейской верхушки оказалось немало людей, вложивших свои капиталы в новую отрасль заморской торговли. Так образовалась группа «Adventurers of oure Felishipp». Поскольку круг их интересов стал существенным образом отличаться от того, которым жили остальные более бедные или менее предприимчивые члены гильдии, то они стали собираться на особые собрания — «Court of Adventurers of oure Felishipp»[5], а старшины гильдии, которые сами были богатыми купцами и участниками заморских предприятий, стали вести делопроизводство создавшейся купеческой организации. Группы купцов, занявшихся экспортом сукна, возникали и в других купеческих гильдиях. Можно предположить, что раньше всего подобная ячейка появилась у торговцев сукном (drapers), так как именно сукноторговля была главным профилем деятельности членов их компании. Однако вскоре с ними стали состязаться торговцы других купеческих объединений. К концу XV столетия мы видим среди авантюристов представителей 12 гильдий Лондона.

Данные группы — более слабые, чем мерсеры, — начинают объединяться вокруг этой гильдии в Лондоне, появляются «Assemble of Adventurers of divers Felishipps» и «General Court of Merchant Adventurers»[6]. За морем же они издавна имели единое самоуправление, которое возглавлял выборный губернатор (чаще всего опять-таки представитель гильдии торговцев тканями). В этих условиях естественно, что старшины мерсеров стали как бы во главе компании в столице: в подведомственном им помещении проходили собрания авантюристов, они вели их переписку, хранили их деньги и счета. Мерсеры составляли большинство во всех 23-х советах и многочисленных комиссиях, создававшихся купцами-авантюристами в последнее десятилетие XV в. и первые десятилетия XVI в., сведения о которых содержит книга Ньюбольда. Во всех этих комиссиях рядом с ними, хотя и в меньшем числе, мы видим сукноторговцев и бакалейщиков. Значительно реже участвуют в работе комиссий представители галантерейщиков, портных, скорняков, рыботорговцев[7]. Эпизодически встречаем мы ювелиров, продавцов железа, торговцев солью, стригалей, ножевщиков.

Купеческая организация Лондона сталкивалась на нидерландском рынке с конкуренцией провинциальных городов. Группы авантюристов в XV в. существовали в Йорке, Гулле, Нориче. Первоначально они специализировались на торговле не столько с Нидерландами, сколько с Норвегией, Данией,

Балтикой, однако в силу неблагоприятных политических условий на этих рынках — особенно из-за жестокого сопротивления ганзейцев — они были вынуждены перенести центр своей деятельности в низовья Рейна и Мааса[8].

К 1478 г. относится первая попытка лондонцев поставить их под свой контроль. Губернатор авантюристов Пикеринг был первым, кто начал закладывать камни в фундамент здания общеанглийской торговой компании. Пикеринг потерпел неудачу, но лондонцы не прекратили усилий, и не прошло трех десятилетий, как их старания завершились окончательным успехом. Парламентский акт 1497 г. утвердил их первенство, заставив провинциалов войти в состав компании и при этом каждому уплатить файн в размере 10 марок (6 ф. ст. 13 шил. 4 пенса)[9].

Что же представляла из себя компания после ее окончательного оформления в первой половине XVI столетия? Первое, что бросается в глаза, — это наличие общих черт в организации между материнской гильдией и возникшей под ее крылом компании. Верховная власть у авантюристов, как и у мерсеров, принадлежала «общему собранию». Оно, правда, не столь многочисленно — 93 человека, собравшиеся 14 января 1515 года[10], дали рекордную цифру по количеству; 25 февраля 1489 г. в заседании участвовало 89 человек[11], обычно число присутствующих колебалось от двух до шести десятков[12]. Все они были лондонцы. Впрочем, после 1515 г. в принципе считалось возможным участие в нем и купцов других городов. Однако, насколько позволяет судить наш источник, этим правом им не удавалось воспользоваться[13].

Очень важны и интересны ордонансы 1517, 1518, 1519, 1526 гг.[14], которые как бы подытоживают многолетнюю практическую деятельность авантюристов. Организация управления торговлей, фрахт, контроль за учениками и факторами и т. п. — вот, что занимало купцов, собиравшихся на заседании компании. Ордонанс 1526 г. предписывает «для общего блага» купцам-авантюристам дважды в год — на летней и зимней ярмарках — выбирать по 2 губернатора. Каждая пара должна руководить деятельностью сукноторговцев на рынках Нидерландов в течение полугода: одна в весенне-летний сезон, другая в осенне-зимний. Введение четырех губернаторов свидетельствует о большом объеме торговли англичан в то время — во всяком случае значительно большем, чем прежде. До 1517 г. один губернатор вполне успешно справлялся с работой в Нидерландах, считая своими представителями в Англии старшин мерсеров. В 1517 г. была сделана попытка создать 2 губернаторских поста: один — для Англии, другой — для торговцев, находившихся за морем, но по непонятной причине авантюристы уже через год отказались от этого новшества, вернувшись к прежнему порядку. Однако растущий объем торговли настойчиво требовал укрепления органов управления за морем. Это вызвало появление пункта о четырех губернаторах в рассматриваемом ордонансе.

В помощь губернатору, согласно закону 1505 г., избирался «Совет помощников» (Court of Assistants). Число его членов и организация работы подвергались неоднократной перестройке. До 1518 г. совет собирался в Нидерландах. В этом году губернатор и его помощники предложили старшинам мерсеров список из 24 лиц, каждого из которых они могли привлечь для оказания помощи в их работе[15]. Как мы узнали из письма мэра к компании от 2 июня 1519 г., число членов совета помощников за морем равнялось восьми[16]. В декабре этого года «губернатор, совет помощников и общее собрание компании» приняли специальный «акт о помощниках» (Acte of Assistants). Цель его состояла, очевидно, в том, чтобы еще раз подтвердить господствующее положение лондонцев в компании. Совет должен был состоять из 12 человек, 8 от столицы и 4 от других городов. Кроме лондонцев, в избранный в то время совет вошли по одному представителю от Йорка, Ньюкасла, Норича и Экзетера[17]. В списке другого совета — 1522 г., которым мы располагаем, состав провинциальных городов иной: наряду с Норичем и Йорком в совет были введены представители Солсбери и Мэлдена[18]. В другом постановлении рекомендовалось избирать в совет помощников членов компании не чаще одного раза в шесть лет[19].

Кроме совета помощников, на то время, когда происходила подготовка торгового каравана судов для плавания в Нидерланды, избирались особые помощники: «снаряжающие» — «appointers». Они нанимали торговые транспорты и военные корабли экскорта, собирали нужные деньги и расплачивались с хозяевами судов. Число их колебалось от 10 до 6 человек, причем мерсеры всегда были представлены четырьмя купцами[20] — в этом нельзя не видеть лишнего доказательства того, что именно у них было наибольшее число экспортируемых грузов. Им помогали «сопровождающие» (conduitors), которые, как представители компании, сопровождали суда в плавании (иногда ими были все или часть «снаряжающих»). Особые ревизоры (auditors) проверяли отчеты и тех, и других. Такое большое количество должностных лиц связано с тем, что организация фрахта была одной из главных и трудных задач компании. Рассматриваемые нами ордонансы и многие протокольные записи посвящены ему. Компания тщательно регулирует порядок уплаты таможенных сборов, размер гильдейской пошлины на груз[21], ко-

торая передавалась в руки снаряжающих в день выхода эскадры в море[22] и т. д. В ордонансах есть распоряжение, регулирующее порядок торговли, меры длины и веса. Решительно запрещалось продавать товары дороже их стоимости (valuation), пользоваться иными мерами, чем те, которые приняты в Барроу, и т. д.[23].

Хотя многое из технической работы возлагалось на служащих гильдии торговцев тканями, все же по мере расширения масштабов деятельности авантюристов у них появляются свои служащие, находившиеся на жаловании компании: здесь и смотритель «английского дома» в Антверпене, и ярмарочные брокеры, клерки губернаторской канцелярии за морем, а в 1515 г. юридический консультант (solicitor), — до этого авантюристы пользовались услугами стряпчих, находившихся на жаловании у материнской гильдии. У губернатора за морем были особые казначеи. До 1518 г. казна торговцев тканями и авантюристов помещалась в одном сундуке, но в 1518 г. последние завели особый сейф с тремя замками, ключи от одного замка хранились у старшин гросеров, от другого — у мерсеров, а от третьего — у сукноторговцев[24]. Так постепенно происходило освобождение разросшейся дочерней компании от опеки давшей ей кров гильдии.

Подобно мерсерам, авантюристы уделяли много внимания факторам и ученикам. Из ордонансов 1518, 1520 гг. мы узнаем, что они имели особую форму. Прежде чем отправить за море, с них надлежало взять клятву блюсти интересы хозяина и не разглашать коммерческих секретов. Особенно строгий отбор должен был осуществляться при назначении на должность «поверенного» (attorney). Нельзя было ставить на эту должность человека моложе 20 лет, не являвшегося членом компании. Молодой человек должен был дать убедительные доказательства своей грамотности. Отправляясь за море, он должен был получить от своего хозяина письмо, удостоверявшее его полномочия, заверенное старшинами той компании, членом которой являлся юноша. После прибытия в Нидерланды ему следовало в первую очередь появиться в канцелярии губернатора и после предъявления своих документов зарегистрироваться здесь в специальной книге[25]. Строжайше запрещалось ученикам и наемным факторам торговать для себя[26]. Принимались меры, чтобы избавить их от мирских соблазнов[27].

Очень интересен и важен вопрос об условиях приема в члены компании. Эта процедура — насколько позволяют судить несколько сохранившихся в протоколах мерсеров записей — во многом сходна с тем, как осуществлялся прием в старых купеческих гильдиях Лондона: рекомендация старшин рассматривалась общим собранием, со вступающих брались клятвы и файн[28]. Среди принятых преобладают представители знакомых нам столичных гильдий: рыботорговцы, скорняки, гросеры, галантерейщики и т. д. Один — Джон Рид — был принят без уплаты файна «за большие заслуги» перед компанией. Джентльмен Джон Гостуик удостоился подобной же чести, поскольку имел связи при дворе канцлера Англии[29]. Самые ранние случаи приема в компанию относятся к 90 гг. XVв. Если судить по переписке старшин мерсеров с губернаторами, имевшей место в 1497 г., само это дело являлось для компании новшеством[30].

Укрепление организации купцов-авантюристов как по линии создания более разветвленного аппарата самоуправления, так и вследствие введения постоянного членства служит ясным доказательством их развивающейся автономии. Возникнув как небольшая группа (или несколько групп) среди верхушки лондонского купечества, компания авантюристов в начале XVI в. превратилась в объединение, вышедшее за рамки столицы и собравшее предприимчивых людей различных городов острова. И хотя Э. Карус-Вильсон, очевидно, без должных заслуг приписывает компании авантюристов эпитет «национальной»[31], все же нельзя игнорировать факты неповиновения авантюристов требованиям лондонского совета[32]. Они имели место во второе десятилетие XVI века, меньше чем через четверть века после того, как городской совет Лондона по их смиренной просьбе даровал авантюристам ордонанс о самоуправлении. Компания оказалась богатырским детищем, с которым родителям и опекунам уже трудно было сладить.

Что же представляла из себя компания купцов-авантюристов? Была ли она гильдией или являлась объединением нового типа? В ее организации еще очень много от старых гильдий. Ливрея и герб[33], ордонансы об учениках и строгая регламентация приема новых членов. Организация самоуправления, те функции, которыми располагали органы самоуправления, схожи с обычными гильдейскими. И тем не менее, эта была уже не гильдия. Э. Карус-Вильсон подчеркивает, что ее отличала большая активность в коммерческих предприятиях. Действительно, это не только регулирующий, но и организующий центр большой группы английского купечества. Особенно ярко это бросается в глаза, когда речь идет о международных отношениях. Связи авантюристов с королевским двором и активное воздействие на его внешнюю политику прекрасно документированы нашим источником. Они принимают участие, как советники, в переговорах с Бургундией в 90 гг. XV в., активно борются за претворение в жизнь заключенных Генрихом VII торговых договоров (Magnus Intercunsus — в частности)[34]. Впрочем, не только внешнепо-

литическая обстановка интересовала авантюристов, они активно выступали за ограничение финансовых притязаний короны, много времени и сил тратили на ликвидацию или хотя бы уменьшение таможенных сборов[35]. Однако было бы неверным ограничить специфику нового объединения купеческого капитала Англии только этим[36]. Главное качественное отличие компании авантюристов от многих других гильдий Лондона состоит в том, что ее коммерческая деятельность была теснейшим образом связана с первыми элементами капиталистического производства в промышленности. В то время как гильдия мерсеров обслуживала феодальный базис, авантюристы связали свою судьбу с капиталистическим суконоделием. Это обеспечивало им колоссальные прибыли, позволило во много раз расширить товарооборот и помешало средневековой цеховой рутине сковать дух буржуазной предприимчивости. И хотя фасад строившегося здания компании во многом напоминал старые гильдейские дома, внутренняя его планировка была совершенно иная. В середине XVI в. один из венецианских послов, отмечая богатство купцов Лондона, писал, что некоторые авантюристы имели капиталы в 50—60 тысяч ф. ст.[37].

Гильдия оптовых торговцев тканями была лишена того, что принято называть «эгалитаризмом». Кучка богатейших купцов-оптовиков являлась эксплуататором десятков и сотен мелких розничных торговцев (shopkeepers), подмастерьев и учеников. Монополизировав внешнюю торговлю, они диктовали свою волю находившимся в зависимости от них владельцам мелких лавок, подчиняли себе ремесленников, производивших сукно, посуду и некоторые другие товары, имевшие спрос внутри и вне страны. Эта эксплуатация облекалась еще в феодальные формы. Чисто имущественные, экономические грани здесь причудливо переплетались со средневековыми искусственно воздвигаемыми сословными перегородками, которые были призваны увековечить существующее неравенство. Купеческая верхушка умело использовала гильдейские органы для усиления контроля над эксплуатируемой ею массой неливрейных членов гильдии, как бэчелоров, так и подмастерьев и учеников. Раздробленная на группы и группки гильдия, насчитывавшая чуть ли не 1000 членов, представляла собой в миниатюре все феодальное общество, где маскарад сословных привилегий сплошь и рядом прикрывал жестокие формы экономической эксплуатации.

Несмотря на все богатство, гильдия мерсеров не была капиталистическим предприятием. Средневековая сущность этой общественной организации явственно проглядывает в самой организации процесса торговли, ее ордонансах об учениках и слугах и т. д. Однако компания мерсеров не просто

гильдия, а гильдия эпохи разложения феодальных отношений и формирования нового капиталистического уклада — типичная «ливрейная гильдия», которые существовали в городах Англии уже в XV в., но получили более широкое распространение в последующем столетии. Вызванные к жизни развитием товарного производства в феодальной Европе, они были теми своеобразными социальными организациями позднего средневековья, где под прикрытием старых феодальных форм интенсивно шел процесс накопления капитала в руках небольшой группы дельцов. Уже в рассматриваемое время капиталистические тенденции, свойственные гильдии торговцев тканями, находили свою реализацию в торговле продукцией английской сукнодельческой мануфактуры. Под эгидой мерсеров возникло внегильдейское объединение торгового капитала «купцов-авантюристов», в которое вошли наиболее богатые члены купеческих гильдий Лондона и ряда провинциальных городов. Так от средневековой гильдии отпочковалась торговая организация нового типа. Аккумулировав крупные капиталы, компания купцов-авантюристов превратилась в весьма сильное объединение купеческого капитала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Carus-Wilson E. M. The Origin and Early Development of the Merchant-Adventurer's Organization in London as shown in their own Medieval Records. EcHR, v. IV, 1933, p. 148.

2. Lipson E. M. The Economic History of England, v. 1, p. 570—571; Carus-Wilson E. M. The Origin and Early Development..., p. 148.

3. Carus-Wilson E. M. Op. cit., p. 158—159. Появление этого ордонанса вызвано разногласиями, которые имели место между различными группами лондонских авантюристов. Упоминание о них есть в протоколах книги мерсеров. Разногласия связаны с диктаторской политикой представителей наиболее богатых гильдий, в первую очередь мерсеров, наложивших запрет на торговлю в Нидерландах. Ослушники из других корпораций, продолжавшие торговать, были арестованы губернатором (MC, p. 163—164). Впрочем, причины запрета, ход этих разногласий остаются неизвестными. Попытка Э. Карус-Вильсон восполнить этот пробел в протоколах гильдии мерсеров данными из архивов Гилдхолла успеха не имела. — Carus-Wilson E. M. Op. cit., p. 158.

4. Lipson E. M. The Economic History..., v. 1, p. 571.

5. Так названо в протоколах компании торговцев тканями собрание их авантюристов. Реже встречается другое название — «assemble of oure Felishipp»; один раз «General Court of our Felishipp Adventurers» (MC, p. 202, 294—295, 389 etc).

6. В 1483—1486 гг., от которых у нас сохранилось несколько протокольных записей подобных заседаний, употреблялось клерками и то и другое название. Позднее — в соответствии с ордонансом городского совета Лондона — только второе.

7. Факт наличия группы авантюристов у рыботорговцев впервые отмечен Г. Шанцем (Schanz J. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. Leipzig, 1881, v. 1, S. 322).

8. Carus-Wilson E. M. Op. cit., p. 156, 169 ets; Lipson E. Op. cit., v. 1, p. 571—572; Gross Ch. The Gild Merchant, v. 1, Ox., 1890 p. 153 ,156 note 3.

9. SR, II, p. 638—639.
10. MC, p. 505.
11. MC, p. 202—207.
12. MC, p. 251, 567, 703, 741.
13. Только один раз, чтобы под благовидным предлогом отклонить поданный им билль с жалобами стригалей и сукноделов, собрание лондонских авантюристов решило, что «без общего собрания как купцов других городов в этом королевстве, так и Лондона» ответить на этот билль невозможно. — Carus-Wilson E. M. Op. cit, p. 172.
14. MC, p. 723—726.
15. MC, p. 457.
16. MC, p. 475.
17. MC, p. 478.
18. MC, p. 557.
19. MC, p. 455.
20. MC, p. 534, 721, 741.
21. В то время как плата за фрахт в конце XV в. была очень тяжела, ордонансы 1518 и 1526 гг. уже советуют губернатору уменьшить размер подати.
22. Например, 3 ноября было последним днем для отплытия на зимнюю ярмарку.
23. MC, p. 715—716, 725—726.
24. MC, p. 453, 457, 485.
25. MC, p. 763, 764, 504—506.
26. MC, p. 724—725.
27. В 1518 г. попечение об их нравственности в Брюгге было вверено особому смотрителю. По ордонансу 1526 г. им запрещалось играть в карты или кости на деньги. В тех шести домах, где столовались «молодые люди» компании, нельзя было предаваться танцам дольше 9 часов вечера или пить пиво больше, чем на 4 грота (MC, p. 723—726).
28. Джон Кайм, рыботорговец, уплатил в 1515 г. за прием 6 ф. ст. 13 шил. 7 пенсов, т. е. десять марок, которые были установлены в качестве файна статутом парламента в 1497 г. (MC, p. 430).
29. MC, p. 436, 642, 703.
30. Старшины мерсеров просили губернатора прислать текст присяги, которым, по его мнению, следует пользоваться при приеме новых членов. — MC, p. 672.
31. Carus-Wilson E. M. Op. cit., p. 176.
32. В 1519 г. мэр потребовал отозвать из Нидерландов одного из олдерменов, который был избран в совет помощников, поскольку городской совет нуждался в его работе. Однако компания наотрез отказалась выполнить распоряжение мэра (MC, p. 475—576).
33. Герб появился у компании в 1505 г. в соответствии со статутом этого года.
34. MC, p. 593—623.
35. Авантюристы хлопотали об отмене субсидии в 1483 г. после смерти Эдуарда IV, в 1509—1510 гг. после кончины Генриха VII, — MC, p. 149, 150—151, 153—155, 347—353.
36. Э. Карус-Вильсон приводит такие отличительные черты компании, как отсутствие гильдейского дома и постоянных служащих при органах самоуправления компании, но это сугубо второстепенные детали, которые ничего прибавить к характеристике компании авантюристов не могут.
37. Е. Липсон, который приводит этот факт, подчеркивает, что при пересчете на современные деньги это даст миллион фунтов стерлингов (Lipson E. M. The Growth of English Society. L., 1947, p. 114).

ЙОРКСКАЯ КОМПАНИЯ КУПЦОВ-АВАНТЮРИСТОВ И КУПЦЫ-АВАНТЮРИСТЫ ЛОНДОНА В XV — НАЧАЛЕ XVI вв.

(к истории взаимоотношений столичного и провинциального купечества)

С. П. Маркова

Созданная в 1430 г. под названием «гильдии мерсеров» торговая компания г. Йорка была объединением «общих, универсальных» торговцев (general merchant), поскольку йоркский мерсер в отличие от лондонского[1] не был специализированным продавцом определенного вида товаров. Он торговал разным товаром с преобладанием особенно во внешней торговле сукна и свинца — основных предметов вывоза из Йокшира. В терминологии, обозначающей купца Йорка, не было четкости. Употреблены были три формы «mercer», «mercator», «merchant», которые мало различались между собой. Можно отметить лишь преимущественное использование каждого из терминов в разные периоды истории Йоркской купеческой компании. Только в конце XVI — начале XVII в. намечается специализация купцов по видам продаваемых товаров.

Любопытно в связи с этим посмотреть на изменения в названии компании. Хартия 1430 г. создавала «гильдию мерсеров», хотя в тексте грамоты встречается наравне с термином «mercer» термин «mercator». Такая взаимозаменяемость этих двух терминов встречается в некоторых документах компании середины XV в. В конце XV в. появляется несколько измененное название корпорации «merchants and mercers of York». В 70-х гг. XV в. в обращении к членам компании появляется слово «venturer, adventurer», которое с начала XVI в. прибавляется к прежнему названию корпорации. Наименование «mercers and merchant-adventurers of York» с 40-х гг. XVI в. становится ее единственным названием, узаконенным хартией Елизаветы 1580 г. В начале XVII в. компания иногда называется «The fellowship of merchants, mercers, grocers, apothecaries and ironmongers within the city ot York»

Основой для анализа внешних связей «Йоркской компа-

нии мерсеров и купцов-авантюристов»[2] служат ее отчеты, постановления, обширная переписка, составляющая значительную часть материалов корпорации. Все эти документы опубликованы в издании, подготовленном М. Селлерс по решению редакционного совета историко-литературного общества Surtees Society[3]. Определенным дополнением к материалам этого издания являются городские документы Йорка[4], королевские и парламентские постановления.

О торговле йоркских купцов на морях говорит уже первый документ компании — грамота Генриха VI от 1430 г., оформившая мерсерское объединение[5]. Отчет компании от 1433 г. называет район торговли йоркских купцов — Нидерланды[6]. Постановления йорской корпорации 1474, 1495, 1498 гг., переписка ее совета называют места торговли купцов в Нидерландах, в частности, чаще других упоминаются Миддлбург, Антверпен, Барроу[7], Йоркские купцы торговали также в Нормандии и на Балтике.

«Городская книга Йорка» приводит весьма любопытные свидетельства торговли йоркцев на Балтике, которые относятся к концу XIV—XV вв. Первое из них: соглашение Ричарда II с великим магистром Тевтонского ордена 1388 г.[8], в заключении которого принимал участие вместе с лондонцем В. Сиббеллом житель Йорка, его видный купец и мэр Т. Граа. Т. Граа привез в Гданьск (Данциг) жалобу на противозаконные действия прусских купцов по отношению к англичанам и перечень сумм денежной компенсации купцам ряда городов Англии. 9 лондонских торговцев называют сумму компенсации 386 ф. ст. 3 ш. 4 п., 30 йоркцев — 1636 ф. ст., 19 человек из Линна — 1914 ф. ст. 18 ш. 4 п., 14 — из Беверли — 470 ф. ст., 15 — из Норича — 937 ф. ст. 13 ш. 4 п. И хотя Линн возглавляет список суммы денежной компенсации, число йоркских купцов, участвующих в торговле на Балтике, оказывается в 3 раза большим, чем число лондонцев, в 1,5 раза больше числа купцов из Линна, в 2 раза — числа купцов из Беверли, в 2 раза — числа норичских купцов. «Городская книга Йорка», публикация которой завершается 1498 г., приводит еще ряд примеров о торговле с Гданьском (Данцигом): соглашение между 5 йоркскими купцами и 1 горожанином Гданьска о разделе груза с судна «Halygaste», зафрахтованного в Гулль[9], жалобу 31 купца-англичанина, из которых 20 было йоркцами, на пиратские действия моряков из Любека, Ростока и др.[10].

Что практически представляла собою система организации внешней торговли йоркских купцов-авантюристов? Порядок осуществления заморских торговых путешествий и в XV, и в XVI вв. был таков: каждый купец-авантюрист, член компании, торговал индивидуально, фрахтовкой кораблей

занимались местные отделения компании, отвечали за экипировку флота и доставку его в города, где проходили ярмарки (mark towns). Отчет 1457 г. о результатах торговой экспедиции судна «Кэтрин» из Гулля[11] дает конкретный материал подобных мероприятий и о способе расчета с участниками экспедиции в случае неудачи последней.

Корабль «Кэтрин» был зафрахтован в Гулле йоркскими купцами для перевозки шерстяных тканей, свинца, пшеницы, кож и других товаров в Феер. Фрахтовку организовали 2 йоркских мастера — Д. Инс и П. Скосби, которые для этой цели ездили в Гулль и получили за свои труды 16 ш. 8 п. В конце пути судна «Кэтрин» начался шторм, чуть было не погубивший корабль, для спасения которого капитан вынужден был пожертвовать частью груза. Когда шторм стих, кораблю удалось снять с мели и привести с помощью лоцмана в гавань. Подсчитали убытки. Расходы за фрахт корабля, за составление отчета, убытки от крушения были погашены следующим образом: каждый участник предприятия вносил свою долю в счет понесенных потерь пропорционально количеству и, видимо, стоимости перевозимого груза. Затем те, кто уплатил долю и понес определенные убытки в результате крушения, получал соответствующую компенсацию за материальный ущерб. Некоторые из внесших свой аварийный взнос не получали компенсации, видимо, потому, что их груз не был выброшен за борт[12]. Таким образом, общая сумма взносов на убытки составила 150 ф. ст. 6 ш. 4 п., выплаченная компенсация — 149 ф. ст. 15 ш. 5 п. Все остальные расходы: за фрахтовку корабля, лоцману, сопровождавшему судно, погашались за счет индивидуальных взносов (так называемых shipping), которые были традиционным сбором членов любой торговой экспедиции.

Сумма личного взноса в каждой экспедиции (shipping) для каждого ее участника была различной, обусловленной количеством и стоимостью перевозимого товара. Стоимость перевозок на судах, ходивших между Йорком и Гуллем, была стабильной и равнялась 12 п. за один переход нагруженного судна из Йорка в Гулль.

Йоркская компания в XV в. запрещала своим купцам перевозить товары на каком-либо ином судне, кроме зафрахтованного товариществом[13]. Поскольку постановления йоркской купеческой корпорации XVI в. не сохранились, можно только предполагать, что подобная система соблюдалась и в дальнейшем. Два текста соглашения середины XVI в. между компанией и моряками Йорка о фрахте у последних «keles, bootes, lighteners», используемых на р. Узе между Йорком и Гуллем, позволяют считать, во-первых, что прежняя система фрахта, запрещающая индивидуальные действия членов

6 Заказ 7647

компании в этом направлении, сохранилась. Во-вторых, Йорк к середине XVI в. совершенно перестал быть морским портом и большие морские суда к нему уже не поднимались. Перевозка грузов из Гулля в Йорк осуществлялась на судах с малой осадкой[14].

XV в. для всех купцов-авантюристов Англии, в том числе йоркцев, был несомненно временем относительно свободных действий на континенте, не ограниченных строгим контролем Лондона над провинциальными купцами. В основе взаимоотношений всех подданных английского короля, ведущих торговлю в Нидерландах в XV в., лежала хартия 1407 г.[15] Одним из основных и очень важных для провинциальных купцов принципов функционирования, гарантированных королевским документом, было равное право деятельности для всех в областях mark towns. «Мы, искренне желая предотвратить зло, которое может произойти, и чтобы названные купцы и все другие, кто будет путешествовать из нашего королевства и доминионов в вышеназванные районы, могли по справедливости управляться, жалуем текстом этой грамоты названным купцам, чтобы они могли свободно и на полном основании собираться так часто и там, где они сочтут для себя удобным, и выбирать из своей среды достойных лиц в качестве правителей в этих районах по своему вкусу», — тем самым хартия короля давала права не компании как таковой, а всем английским купцам, торгующим за морем.

Направленная в 1478 г. королю петиция «мерсеров Йорка, Гулля, Беверли, Скарборо и всех других северных районов» (1478 г.)[16] дает важный материал о характере, формах организации купцов-авантюристов на континенте, взаимоотношениях купцов разных городов Англии друг с другом. Ссылаясь на авторитет жалованных грамот предыдущих королей, купцы Севера утверждают, что «было в обычае для всех торгующих в районе Нидерландов избирать 2—3—4-х, больше или меньше правителей». Дальше северяне уточняют: «Во все времена было обычным, чтобы правитель выбирался для г. Лондона, а другой — для городов Йорка, Гулля, Беверли, и всех других на север от Трента». В период пребывания в должности «правители» получали жалованье и право на всякого рода расходы в интересах компании. Содержание «правителя» и нужды компании удовлетворялись за счет поборов, взимаемых с купцов «тех территорий, которые выбирали главу корпорации». Правители компании, «когда их об этом просили», делали отчеты перед всем собранием купцов о поступлениях и расходах организации.

Интересны сообщаемые в петиции северян условия, выполнение которых давало возможность купцам пользоваться привилегиями торговли на континенте. Как утверждают

купцы-северяне, до 1478 г., когда была написана петиция, в районах Фландрии, Брабанта, Голландии и Зеландии существовал такой порядок, когда любой англичанин, «часто посещающий эти провинции и занимающийся там торговлей», мог вступить в товарищество, «уплатив 4 п. фламандских денег и не более» в качестве «файна» (fyne). Помимо этого, правитель каждой территориальной купеческой группы получал с торгующих в Нидерландах сборы, которые, как уже говорилось, были одним из средств нормальной жизнедеятельности правления и всего товарищества. Они, видимо, взимались не регулярно, а тогда, когда возникала потребность в деньгах. Обложение проводилось по имущественному принципу или, точнее, по количеству и ценности привозимого товара. Наконец, купцы платили пошлины местным властям с привозимых товаров[17].

Всякий, прибывающий на ярмарку для торговли, выполнив необходимые предварительные формальности, занимал «те места для продажи товаров, арендовал те дома и на тех улицах, которые считал наиболее удобными и пригодными для прибыльной торговли». В местах торговли купцы могли использовать любую рекламу для привлечения внимания к продаваемым товарам. Поощрялся любой способ демонстрации товаров для выгодной распродажи.

Система обложения купцов, участвующих в континентальной торговле, была, однако, более сложной, чем это представляется по петиции 1478 г. Постановления компании XV в. (от 1474 и 1495 гг.) называют взнос, уплачиваемый каждым лицом за право торговли в городах Брюгге, Антверпене, Мидлбурге, Барроу. Этот взнос (hansing) был обязательным и строго ограниченным: для полноправного члена йоркской компании мерсеров он равнялся 2 ш. «и не более за каждое место», для ученика — 16 п.[18] Создается впечатление, что hansing был одноразовым платежом, дававшим право торговать в текущем рыночном сезоне. Следующий приезд купца на континент для ведения торговых операций требовал возобновления этого права тем же способом — уплатой 2 ш. для купца и 16 п. для ученика. В условиях XV в. для йоркских купцов система возобновляемых hansing понятна: не каждый год и, конечно, не на каждый из 4-х рыночных сезонов года приезжали одни и те же лица. Поэтому йоркским торговцам важно было установить не очень высокую сумму этого взноса, принимая его в принципе как условие привилегированной торговли. Поскольку по хартии 1407 г. все английские купцы пользовались привилегией торговли в Нидерландах, то и каждый приезжающий сюда торговать считал себя полноправным «авантюристом». Внося файн 4 п. и hansing, он получал право вести торговлю. Вступительный

взнос, как свидетельствует петиция 1478 г., был незначительным — 4 п., и это открывало практически двери каждому англичанину, приехавшему торговать на нидерландский рынок.

Со второй половины XV в. начинаются постепенные изменения в форме организации торговой деятельности англичан на континенте, вызванные переломом в характере лондонского объединения купцов-авантюристов. До 80-х годов XV в. отдельные группы купцов-авантюристов в Лондоне существовали в нескольких крупных компаниях. Все эти группы были больше связаны со своими собственными ливрейными компаниями, чем друг с другом. В 60—70-х гг. наступает переломный период: среди отдельных групп лондонских «авантюристов» появляется стремление объединиться на базе группы «авантюристов»-мерсеров, которые преобладали по численности и состоятельности среди прочих групп «авантюристов». Именно благодаря настроениям мерсеров Эдуард IV в 1462 г. вынужден был подтвердить хартию 1407 г. на право выбора губернаторов для купцов, торгующих в Нидерландах[19]. В это время, как видим, лондонцы еще не решаются ликвидировать старую систему, по которой и северные группы купечества имели своего правителя на континенте. Но через 16 лет после Хартии 1462 г. в 1478 г. Дж. Пикиринг, мерсер и правитель лондонской группы компании в Нидерландах, явочным порядком попытался положить начало единой организации английских купцов на континенте. Предпринятые им меры были крутыми и могли бы привести к осуществлению задуманного, если бы условия, необходимые для этого, оказались уже подготовленными. Основное обвинение в адрес Д. Пикиринга, выдвинутое северными купцами, можно сформулировать как полное пренебрежение другими правителями. «Он действует без согласия с другими избранными правителями», — жалуются северяне. Отсюда происходили нарушения традиций, допущенные Пикирингом, который: 1) извратил «старую справедливую форму обложения купцов, взыскивая налоги с каждого северянина, противу прав и доброй совести», так что человек, не имеющий товаров и на 10 ф. ст., платил столько же, сколько имевший товаров на 100 ф. ст.; 2) нарушил старую традицию, по которой всякий мог торговать в тех местах mark town, где считал для себя удобным. Теперь северных «авантюристов» принудили занимать места для торговли рядом с лондонцами. Поскольку шерстяные ткани севера были качественно ниже лондонских, цены на сукна северян сразу упали на 50%; 3) вместо прежнего файна в 4 п. Пикиринг принудил вносить прибывающих на рынок для торговли учеников по 4 ш., мастеров, прошедших срок ученичества, — 24 ш., того, кто

никогда не был учеником, — 50 ш.; 4) Пикиринг перехватил налоги и вклады северян, предназначенные для содержания их губернатора и таким образом, «никто другой, избранный губернатором в этих районах, не имеет отношения к этим поступлениям и не может взять на себя обязанность правителя северных графств»; 5) он оказывал дурное влияние на сборщиков пошлин в Брабанте, принуждал их взимать поборы с северян в двойном размере, и даже накладывать аресты на товары северных купцов до тех пор, пока не будут уплачены пошлины; 6) и что не менее возмутительно, когда купцы севера требовали от Пикиринга отказаться от нарушений королевских грамот, тот всегда не соглашался «с упреками и грубостью», заставлял их платить такие пошлины и взносы, какие считал необходимыми. Тон, язык жалобы возмущенный, энергичный до резкости, чего нельзя сказать о стиле текстов всех последующих претензий северян в адрес лондонцев. Сейчас они еще чувствуют уверенность в своей силе, к тому же на их стороне традиция и нельзя допустить, чтобы этот случай стал прецедентом. Прося защиты у короля, йоркцы и их коллеги ссылаются не только на прежние грамоты. Как люди практичные, они постоянно подчеркивают, какого рода ущерб могут нанести королю злоупотребления правителя. В конце концов, говорят они, северные «авантюристы» будут вынуждены оставить свои торговые предприятия на континенте, что приведет к сокращению королевских пошлин и субсидий (customs and subsidies). И хотя известно, что по богатству и значимости «авантюристы» юга выше северян, однако, и на севере их немало, а ведь только благодаря авантюристам существует королевский флот». «Задавленные тяжелыми и чрезвычайными обложениями, купцы севера не смогут долго продолжать свои торговые занятия, что приведет к обеднению северных графств, уменьшению товаров, производимых там, и сокращению количества продаваемого авантюристами сукна и свинца»[20]. Не довольствуясь жалобами и угрозами, йоркские и другие купцы севера обратились за протекцией к герцогу Глостеру и графу Нортумберленду, своим верным покровителям, в парламент и к разным компетентным лицам за консультацией. Это потребовало немалых хлопот и расходов, о которых говорит отчет компании от 1477 г.[21] Помощью ли влиятельных лиц, убедительностью ли жалобы, влиянием ли традиции, но северяне на этот раз добились победы. 13 ноября 1478 г. от имени короля Дж. Пикирингу было послано суровое письмо с требованием объяснить причины, заставившие его забыть древние законы, и впредь «обращаться с этими мерсерами в районах за морем со всей добротой и почестями согласно

прежним обычаям, так, чтобы не заставлять их жаловаться снова»[22].

Определенное значение в успехе северных купцов имело, видимо, и то обстоятельство, что сами лондонские «авантюристы» не создали организации и плохо координировали свои действия, функционируя пока раздельно в своих «родительских» гильдиях. К тому же, как уверяет М. Селлерс, Пикиринг был непопулярен и в среде столичных мерсеров[23].

В 1486 г. мэр Лондона зарегистрировал практику, имевшую место уже за несколько лет до этого: право всех «авантюристов» города собирать общие собрания. Появились органы, координирующие деятельность столичных купцов в Англии и Нидерландах.

После объединения лондонцы решили покончить с бесконтрольностью действий провинциальных групп купцов. Первым шагом в этом направлении было резкое увеличение вступительного взноса в компанию. Торговые операции разрешались теперь английскому купцу лишь при условии вступительного взноса, сумма которого была поднята с 4 п. до 20 ф. ст. На этот раз победу одержали лондонцы, хотя парламентский статут 1497 г.[24] и определил максимальную границу взноса в 10 марок (6 ф. ст. 13 ш. 4 п.). Статутом 1497 г. было признано существование единого объединения английских купцов-авантюристов на континенте, обладающего правом облагать файнами всех занятых там торговлей и контролировать последнюю. С этого времени файн мог изменяться лишь с согласия парламента.

В начале XVI в. объединение английских купцов приобретает более законченные формы. По парламентскому статуту 1505 г. компания получает право выбирать 1 губернатора для всех купцов-авантюристов в Нидерландах и «Совет помощников» (Court of Assistants) из «24 самых верных и почетных лиц различных товариществ купцов-авантюристов»[25]. Северяне получили определенное представительство в этом Court of Assistants. В 1517 г., по данным материалов компании лондонских мерсеров[26], было решено, что каждую зимнюю ярмарку должно избираться 12 assistants, 8 от Лондона и 4 от других городов Англии. В списке 1519 г. названы фамилии 4 купцов от Йорка, Ньюкасла, Норича и Экзетера. Ясно, при таком распределении представительства доминирующее положение заняли лондонцы. Поскольку и «правитель» всегда был лондонцем, то, несомненно, политика компании «авантюристов» диктовалась ими.

В наших источниках первый протест по поводу неравноправного положения, в которое ставили лондонцы всех провинциалов, прибывающих на континент, сформулирован в письме йоркским авантюристам от купцов Норича, торгующих

за морем. В нем купцы Норича предлагают йоркцам, а через них жителям Гулля, Беверли, Ньюкасла и других мест по усмотрению йоркцев («ибо мы не знаем никого в ваших районах, но только вас одних») объединиться для сопротивления столичному купечеству[28]. Высказывая опасение, что купцы Лондона «обяжут всех купцов Англии подчиняться своим желаниям и воле в тех портах, где собираются ярмарки», заставят их в итоге вообще «не участвовать больше в ярмарках», купцы Норича предлагают для пресечения этого «искать справедливости теперь же на ближайшем парламенте», а йоркцам выслать свои соображения относительно дальнейших действий.

По всей видимости, такие попытки ограничить растущую мощь лондонцев успеха не имели. Но следующие 3 письма из Йорка, Ньюкасла и Беверли в Нидерланды, из Антверпена в Йорк и ответ на него, написанные в 1510—1511 гг., убеждают, что за 30 лет, прошедших с 1478 г., во взаимоотношениях столичных и провинциальных купцов-авантюристов произошли коренные изменения[29]. Теперь совет компании на континенте отдает распоряжения, провинциалы их выполняют, а если и высказывают какое-то несогласие, то в мягком, просительном тоне, приводя оправдание своей неспособности выполнить ту или иную инструкцию. Подобная форма взаимного обращения центра и провинции, установившаяся с этого времени, отражает существо взаимоотношений общеанглийской корпорации и ее йоркского филиала.

В течение правления Генриха VIII материалы Йоркской компании по вопросу о ее взаимоотношениях с центральным советом ассоциации не сохранились. Можно предполагать, что в этот период, когда происходит дальнейшее усиление роли лондонцев в системе компании купцов-авантюристов, когда компания постепенно превращается по составу исполнительной власти из общеанглийской в лондонскую, зависимость провинции от центра возрастает. Свидетельство тому — материалы Йоркского отделения последующих после смерти Генриха VIII лет. С 1549 по 1580 гг. переписка йоркской компании и центра носит регулярный характер. В письмах от 1549 г.[30] речь идет о взимании чрезвычайных налогов с членов компании, вызванных объездом испанского принца Филиппа (будущего Филиппа II) отцовских владений, что давало возможность купцам Англии подтвердить старые привилегии объединения.

Система организации денежных сборов, судя по инструктивному письму, была следующей: центральный совет в соответствии с общей суммой обложения делал раскладку по городам. Сумма, способ обложения и фамилии облагаемых для каждого города назывались в дополнительном циркуля-

ре (bill). Для Йорка этих циркуляров в нашем распоряжении, к сожалению, нет. Центральный совет назначал конкретных лиц сборщиками налога, ответственными за своевременную сдачу всей суммы правителю. В обязанность правителя провинциального отделения вменялось помогать назначенным сборщикам.

Ответ Йорка представлен в двух вариантах: письмом правителя от 12 ноября 1549 г. и письмом от имени компании от 13 ноября. Йоркских «авантюристов» не устраивала большая сумма налога, тем более что она оказалась, видимо, больше, чем та, которую определили для других городов, в частности для Ньюкасла. Считая сумму несправедливо завышенной, йоркцы предложили снизить ее до 20 марок и собирать самим, «поскольку мы знаем возможности каждого из членов компании», — говорит письмо купцов. Свое нежелание платить горожане объясняют рядом причин: во-первых, из обязанных платить, как выясняется, часть умерла, часть уехала из города, часть разорилась; во-вторых, йоркцы утверждают, что ведут сейчас очень незначительную торговлю в районах Нидерландов и мало получают от нее прибыли. Думается, что эти объяснения в значительной своей части надуманы для того, чтобы найти способ не платить предложенной суммы вообще или уплатить как можно меньше. И свидетельство тому — ответ заместителя правителя (deputy), высказанный в вежливой, но требовательной и не принимающей возражений форме: Сумму налога снижать он не собирается, самостоятельной раскладки ее не разрешает. И требует лишь в подтверждение истинности жалоб йоркцев прислать конкретные отчеты о том: 1) кто умер из названных в списке; 2) кто не имеет возможности платить, если такие есть, с сомнением замечает он; 3) кто не желает платить[31].

Вопрос о пошлинах был одним из наиболее часто обсуждаемых в переписке Йорка с центром. Причины, вызывающие необходимость обложений, самые разные: и внутренние нужды компании (как в вышеприведенном случае, когда нужно было подтвердить старые хартии у властей на континенте) и еще чаще — выплаты принудительных займов короне, в которых, по мнению лондонцев, обязаны были участвовать все «авантюристы», поскольку королевскими привилегиями торговли пользовались и провинциалы.

В 1552 г. антверпенский совет предлагает Йорку и Уэйкфилду (небольшому городку в Йоркшире, поднявшемуся на базе мануфактурного производства) внести сумму в 64 ф. ст., облагая каждого члена компании по собственному усмотрению[32]. Взимание подобных поборов, видимо, всегда вызывало возражения, ибо во всех примерах подобного рода за

петицией об очередном обложении следовало ответное письмо йоркцев, просящих снизить сумму или не взимать с них вообще ничего.

На возражения совет купцов-авантюристов отвечал резкими требованиями выполнить распоряжение и угрозами строгого наказания в противном случае. Наказания определялись тут же. Так, в письме 1552 г. предостережение от отказа уплатить названную сумму звучит так: «вы будете наказаны двойной суммой». А если кто-нибудь из членов компании откажется платить сумму, какая вами будет назначена, вы сообщите нам и мы либо взыщем с него в двойном размере, либо за неимением ее выведем неплательщика из компании».

Совет купцов-авантюристов был осведомлен о материальном состоянии каждого члена компании в провинции. В ответ на высказанное йоркцами нежелание выплачивать свою долю суммы по причине бедности членов компании антверпенский правитель требует от них внесения означенной суммы в полном размере и добавляет: «мы очень удивлены тем, что вы находите себя такими неспособными выплатить указанную сумму, когда известно, что в вашем городе лишь 4 купца товарищества должны внести столько, сколько мы предложили внести всему городу».

Принцип раскладки взносов был неодинаков в каждом случае. К одной группе распоряжений о сборе суммы прилагались дополнительные списки с перечнем фамилий облагаемых и сумма их взносов, в другой группе — фамилии назывались в основном письме, в третьей — раскладку предлагалось сделать самому правителю. Наконец, одно письмо предлагает систему, по которой должны собираться налоги[33]. В этом письме речь идет о погашении расходов, произведенных товариществом при встрече короля Испании в Антверпене. Обложение предусматривалось провести по следующему принципу: самые состоятельные вносят 4 ф. ст., 2-я категория купцов — 3 ф. ст., третья — 40 ш., четвертая — 20 ш., пятая — 10 ш. и самые бедные — 5 ш. Ученики от участия в сборе освобождались.

Письмо от 1560 г. уведомляет правителя йоркской компании о том, что компания согласилась дать королеве взаймы 30 тыс. ф. ст[34]. Условия займа были, судя по письму, довольно выгодными: занятую сумму королева обещала вернуть полностью с 10%-ным вознаграждением. Причем под гарантию возвращения денег короной давались земли и вещи. Йоркские купцы вносили свою лепту в счет сбора средств для короны в размере 425 ф. ст. Назывались фамилии купцов, которые должны были внести эту сумму.

В целом массив различных документов компании купцов-

авантюристов свидетельствует, что к середине XVI в. первая «регулируемая» компания эпохи первоначального накопления в Англии сформировалась, причем руководящую роль в ней играли столичные купцы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кузнецов Е. В. Лондонская гильдия торговцев тканями в XV — начале XVI вв., СВ, 31, 1968.
2. О структуре, функциях компании, ее социальном составе, деятельности в пределах городской экономики, месте купцов в муниципалитете см. наши статьи в «Вестнике ЛГУ», вып. 4, № 20, 1973; сб.: «Средневековый город», вып. 3, 1975.
3. The York Mercers and Merchant Adventurers (1356—1917), publ. Surtees Society, 129. Durham, 1917 (далее — YMA).
4. York Memorandum Book. «Surtees Society», 120, 125. Durham, 1912, 1915 (далее — YMB).
5. YMA, p. 35—36. YMB, v. 2, p. 135—137.
6. YMA, p. 40—41.
7. YMA, p. 65, 93—95, 105.
8. YMB, p. 1—6.
9. YMB, p. 10.
10. YMB, p. 86—89.
11. YMA, p. 59—64.
12. Д. Портер внес 4 ф. ст. 12 ш. 2 п., получил за 16 кусков выброшенной шерстяной ткани 19 ф. ст. 4 ш., У. Баркер внес 6 ф. ст. 11 ш., получил за 2 куска белой шерсти 50 ш. 4 п., Р. Скоттон внес 59 ш. 8 п., получил — 24 ш. и т. д. Больше всех уплатил Н. Миллинхауз — 11 ф. 7 ш. 6 п. и не получил никакой компенсации, видимо, его груз уцелел. Наибольшую компенсацию получил Д. Медлтон за 20 кусков выброшенной белой шерсти и 11 ярдов melds — 27 ф. ст. 12 ш., уплатив лишь 1 ф. ст. 14 ш. 8 п. YMA., p. 59—63.
13. YMA, p. 40, 42, 43.
14. YMA, p. 153, 154, 154—159. Условия соглашения: 1) собственники судов обязаны в течение срока соглашения (его действия рассчитаны на 7 лет) перевозить товары членов компании в Гулль и обратно по строго установленным расценкам за определенный вид товаров; 2) со своей стороны, купцы обязаны были пользоваться для перевозок только услугами собственников судов, подписавших договор; 3) моряки могли перевозить грузы не членов товарищества только в тех случаях, когда члены компании не нуждались в их помощи; 4) судовладельцы не должны были задерживать разгрузку судов в Гулле более чем на 2 дня; 5) их суда должны быть прочными, снабженными всем необходимым, и иметь знающую команду. Договор 1535 г. был возобновлен в 1562 г., когда были увеличены расценки фрахта за разные грузы на 15—20%, что, видимо, свидетельствовало об оживлении торговли. — YMA, p. 168—169.
15. Нами использовался перевод текста на английский язык, осуществленный Lucas. C. The Begining of English overseas enterprise. Ox, 1917, p. 184—187.
16. YMA, p. 75—79.
17. В соответствующей статье петиции речь идет только об одной провинции, где взимались пошлины с товаров, о Брабанте. Здесь был расположен и основной рыночный центр «авантюристов» — Антверпен — YMA, p. 77.
18. YMA, p. 65—67.
19. За это мерсеры уплатили королю 57 ф. ст., 10 ш. Hakluyt R. The principal navigation, v. 2, Glasgow, 1903, p. 153.

20. См указ. с. 75—79 YMA.
21. YMA, p. 74.
22. YMA, p. 79—80.
23. М. Селлерс приводит пример, что за грубое обращение с официальными лицами компании Лондона его заставили просить прощение на совете в униженной позе коленопреклоненного и с обнаженной головой.
24. SR, v. 2, p. 638—639.
25. Carus-Wilson E. M. The origins..., p. 170—171.
26. Ibid., p. 170—171.
27. YMA, p. 121—122.
28. Приводимые жителями Норича примеры бесцеремонности лондонцев в отношении своих провинциальных коллег поразительны. Вот один из них: на зимней ярмарке в Барроу 16 декабря «правитель» компании запретил торговлю до 20 декабря, т. к. лондонцы отправили свой флот в Зеландию. И это несмотря на протесты купцов Норича и Сэффолка. Когда подошел назначенный день, а товары из Лондона еще не прибыли, «правитель» отодвинул время торговли до нового года, поставив таким образом всех прочих купцов в «невыгодное положение потерь и убытков». YMA, p. 120—122.
29. YMA, p. 122—126.
30. YMA, p. 123—126.
31. YMA, p. 140—143.
32. YMA, p. 148—149.
33. YMA, p. 151—152.
34. YMA, p. 162—163.

КОМПАНИЯ КУПЦОВ-АВАНТЮРИСТОВ НЬЮКАСЛА-НА-ТАЙНЕ В XVI — НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

В. А. Евсеев

В данной статье делается попытка проследить историю компании купцов-авантюристов Ньюкасла-на-Тайне в XVI — начале XVII вв. Для этой цели нами использованы документы компании, изданные в конце XIX в., — ордонансы, акты, приказы, отчеты ее чиновников, списки фрименов и учеников[1].

Ньюкасл-на-Тайне в средние века входил в число наиболее крупных городов Англии, и по его истории написан целый ряд работ[2]. Однако специальной работы, посвященной развитию его торговли в позднее средневековье, нет.

Экономическое и отчасти социальное развитие Ньюкасла в средние века отражено в книге М. Мидлбрука менее подробно по сравнению с освещением истории политических событий[3]. Автор использует большой материал источников, но в его работе отсутствует анализ этого материала[4]. В то же время М. Мидлбрук связывает историю города с общим развитием Севера Англии. С точки зрения развития угольной промышленности историю Ньюкасла XVI—XVII вв. довольно подробно изучал Д. Неф[5].

Уже в XII в. Ньюкасл экспортирует шерсть, кожи, свинец[6]. При Генрихе I горожане купили у короля освобождение от некоторых сервильных повинностей. Одна из важнейших городских хартий была получена городом от короля Иоанна Безземельного в 1215 г. Эта хартия давала городу: право организации купеческой гильдии, свободу торговли в английском королевстве, право держать земли и другие привилегии[7]. В середине XIV в. в городе существует купеческая гильдия.

Генрих VII в 1505 г. дал купцам Ньюкасла право свободной торговли в Кале. В 1480 г. появляется новая форма организации купцов Ньюкасла — объединение купцов, занятых экспортной торговлей сукном, шерстью, кожами. Это так называемое «братство» или «компания». Оно по-прежнему оставалось еще в рамках торговой гильдии города. При Генрихе VIII было заключено соглашение между этой компанией купцов Ньюкасла и Лондонской компанией купцов-авантюристов, о выплате пошлины в 8 фунтов в год в пользу Лондонской компании за право участвовать в ярмарках на территории Нидерландов[8]. До середины XVI в. компания купцов Ньюкасла стала как бы местным отделением Лондонской компании купцов-авантюристов, которая к этому времени объединила всех купцов крупных городов Англии.

В 1547 г. при Эдуарде VI купцы-авантюристы Ньюкасла получили хартию, где им были даны такие же привилегии в отношении продажи и покупки шерсти, как и их коллегам из Лондонской компании купцов-авантюристов. Это была первая хартия, по которой купцы Ньюкасла получили более широкие привилегии, чем по хартии Иоанна Безземельного для купеческой гильдии города[9]. Братство купцов Ньюкасла было инкорпорировано и получило название компании купцов-авантюристов Нькасла-на-Тайне. Компания имела право выбирать своих должностных лиц: правителя (governor) компании, помощников правителя, 2-х старост, клерка и курьера. Корпорация имела печать, могла держать земли, издавать законы и наказывать их нарушителей, разрешать споры между членами компании, но главная же привилегия заключалась в том, что ее члены могли покупать шерсть в ряде северных районов Англии (Нортумберленде, Дареме, Кемберленде и Уэстморленде) и вывозить ее из Ньюкасла, заплатив определенную пошлину[10]. Компания, как и Лондонская, была регулируемой, ее члены не имели общего капитала, а торговали каждый на свой, но они пользовались привилегиями, данными компании.

Во введении к изданию документов компании купцов-авантюристов Ньюкасла Т. Денди писал, что она, подобно Лондонской, состояла первоначально из 4-х братств купцов — mercers, drapers, boothmen и spicers, которые образовывали гильдию купцов Ньюкасла в начале XVI в.[11].

В старой купеческой гильдии города мерсеры были ведущей группой купцов. Поэтому можно предполагать, что мерсеры составляли основу Ньюкаслской новой компании купцов-авантюристов, как в Лондоне. Однако анализ списков мастеров ньюкаслской компании за 130 лет (1516—1646 гг.), принимавших к себе учеников, показывает, что эта компания состояла в основном не из мерсеров, а из бутменов (владельцев палаток или киосков на ярмарке, торгующих хлебом). Для XVI в. в компании выделяются 3 группы мерсеров, дрэперов и бутменов. Процентное соотношение этих групп купцов таково: бутмены 59%, мерсеры — 35%, дрэперы — 6%[12].

По этим материалам о записи учеников компании мы узнаем о том, из каких социальных слоев и из каких графств она пополнялась. Первые данные об отце ученика, кто он и

откуда, появились в 1579 г. и проанализированы в данной работе до 1649 г., т. е. за 70 лет.

В социальном отношении родители учеников представляют собой следующее: йомены — 32,5%, джентльмены — 32,5%, купцы 13%, ремесленники — 6,5%, рыцари и сквайры — 6,5%, судовладельцы — 3%, служащие — 3%, остальные — 1%[13].

Эти данные показывают нам, что более 50% учеников компании купцов-авантюристов Ньюкасла в конце XVI — начале XVII в. из купцов и дворян, а на долю ремесленников остается всего лишь 6,5%. Таким образом, подавляющее большинство учеников компании рекрутировалось из зажиточных слоев города и деревни. Иначе быть и не могло, ибо для того, чтобы начать торговать, нужен был первоначальный капитал. Его обычно получали ученики, закончившие срок обучения, от своих родителей или ближайших родственников. По наследству получило ученичество в компании лишь немногим более 4% из всего списка учеников[14].

Ученики компании происходили из близлежащих графств: из Дарема — 30%, из Йоркшира — 18%, из Нортумберленда — 13%, из Камберленда — 5%, из Уэстморленда — 3%. Сам Ньюкасл дал 23% учеников[15].

В отдельные периоды были некоторые изменения этих средних показателей. Например, за период 1616—1625 гг. сократился прием учеников из Ньюкасла в 2 раза по сравнению с обычным[16]. В 40-е годы XVII в., во время гражданской войны, был обратный процесс: прием учеников родом из Ньюкасла увеличился в 1,5 раза, в основном принимали сыновей купцов-авантюристов, и в то же время значительно уменьшался прием из Дарема[17]. Эти данные позволяют предположить, что ньюкаслская компания купцов-авантюристов в основном черпала свои кадры из сельских районов окружающих графств. Притом из наиболее зажиточных слоев сельского общества — джентльменов и йоменов.

Одной из основных функций компании купцов-авантюристов Ньюкасла было регулирование торговли. Член компании не должен был вывозить более 25 ярдов холста в год[18]. В 1562 г. компания была поделена на 4 группы, и каждая из них вывозила определенное количество шерсти и шкур: 1-я группа — 600 тюков шерсти и 2 тыс. шкур, 2-я — 400 и 1,5 тыс., 3-я — 300 и 1000, 4-я — 180 и 500. Подобная раскладка была и в 1607., но только на 2 группы[19]. Установлены были даже сроки вывоза этих товаров — 2 раза в год, с 12 августа по 1 сентября и с 1 марта до 1 апреля. Указывалось, что пока весь флот не будет готов, никто не должен отплывать[20]. Компания следила за ввозом и вывозом товара ее членами. Каждый из них должен был представить в таможню и стюардам компании полный список товаров с указанием их количества и уплатить пошлины. Лишь после этого разрешалось разгружать или отправлять корабль[21].

Компания регулирует покупки сырья своими членами, предписывает, где, когда и у кого покупать шерсть и шкуры[22]. Кроме того, покупка товаров у иностранных купцов осуществляется 8 помощниками правителя компании, которые потом распределяют эти товары среди всех ее членов по определенной норме[23]. В течение XVI в. произошло увеличение собираемых компанией пошлин — на вывоз шерсти в 3 раза, свинца в 2 раза[24]. Компания купцов-авантюристов Ньюкасла запрещала своим членам иметь лавки в деревнях или вне города[25]. Кроме того, она следила за количеством продаваемой шерсти и за правильностью мер и весов[26].

Регулирование, касающееся учеников, было довольно жестким и детализированным. Акты королевства определяли, что в ученики торговых компаний можно брать сыновей тех фригольдеров, которые имели доход 20, а позднее 40 шиллингов в год[27]. Многочисленные ордонансы компании говорят о том, как держать учеников в повиновении. Родители учеников компании должны быть самостоятельными людьми, ибо за время учебы у мастера ученик должен был внести ряд платежей: вступительный взнос при приеме в учение, затем в конце срока обучения и вступительный взнос при допуске в члены компании. В середине XVI в. положение учеников компании купцов-авантюристов Ньюкасла несколько ухудшилось по сравнению с началом XVI в. Вступительный взнос учеников при приеме их в члены компании увеличился с 6 шиллингов 8 пенсов до 40 шиллингов, т. е. почти в 6 раз[28]. В то же время срок ученичества увеличился с 7 до 10 лет, а количество учеников у мастера сократилось с 2-х до 1[29]. Однако, несмотря на сокращение числа учеников, обучающихся у одного мастера, и увеличение срока ученичества, это не привело к уменьшению членов компании. Поэтому в 1575 г. совет компании запретил ее членам брать новых учеников до окончания срока обучения тех учеников, которые были уже у них, чтобы избежать их чрезмерного количественного роста, что, по его словам, приводило к различным неудобствам. Иными словами, обострение конкуренции внутри компании между ее членами, а также со стороны лиц, закончивших срок ученичества, вынудило компанию принять эти меры[30].

Исходя из вышесказанного, можно считать, что регулирование в компании купцов-авантюристов мало чем отличалось от строгой регламентации, которая применялась в торговых и ремесленных гильдиях средневековья. Оно было еще более суровым, ибо это соответствовало новой социально-эко-

номической обстановке — разложению цехового строя и зарождению капиталистических отношений.

В XVI в., добившись привилегий на экспорт таких товаров, как шерсть, кожи, сукна, компания сконцентрировала в своих руках заморскую и оптовую торговлю и подняла экономическое значение Ньюкасла как самого крупного торгового порта на Севере Англии. Но ньюкаслская компания купцов-авантюристов торговала теми же товарами, что и Лондонская компания купцов-авантюристов и, конечно, не могла конкурировать с ней на внутреннем и внешнем рынке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Extracts from the Records of the Merchant Adventures of Newcastle-upon-Tyne, v. 1—2. Durham. Edinbourgh, 1894. 1899 (далее — ERMA)
2. Brand R. J. The History and antiquities of the Town and County Newcastle-upon-Tyne, 2 vols, 1789; Welford R. History of Newcastle and Gateshed during 14-th to 17-th centuries (1301—1640), 3 vols, 1885—1888.
3. Middlebrook M. A. Newcastle-upon-Tyne. Its growth and achievements. Newcastle, 1950.
4. Ibid., p. XI.
5. Nef J. U. The Rise of British Coal Industry, v. 1—2. L., 1932.
6. Grey W. Gcographia, or a Survey of Newcastle-upon-Tyne in 1649. — In.: The Harlein Miscellany, v. III. L., 1745, p. 268—269.
7. ERMA, v. 1, p. 281.
8. Ibid., p. XX—XXIII.
9. ERMA, v. 1, p. XX—XXIII.
10. Ibid., p. 282—293.
11. Ibid., p. XXXVI—XXXVII.
12. ERMA, v. 11, p. 186—266.
13. Ibid., p. 212—269.
14. ERMA, v. 11, p. 253—263.
15. Ibid., p. 212—269.
16. Ibid., p. 237—243.
17. Ibid., p. 259—263.
18. Ibid., p. 30.
19. ERMA, v. 1., p. 38—39.
20. Ibid., p. 40.
21. Ibid., p. 34.
22. Ibid., p. 47—50.
23. Ibid., p. 53.
24. Ibid., p. 58—59.
25. Ibid., p. 62, 65.
26. ERMA, v. 1, p. 66—67.
27. SR, 7 HIV. p. 16, 17., 5 Eliz. 1. p. 4.
28. ERMA, v. 1, p. 15.
29. Ibid., p. 10, 15, 16.
30. ERMA, v. 1, p. 6, 11.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Т. Е. Бейдина

Если в XVI в. главной чертой английской внешней торговли был ее двусторонний характер, в то время как система многостороннего платежа существовала в зачаточной форме, то в XVII в. Ост-Индская компания сыграла ведущую роль в создании многосторонней торговой системы Англии. Ост-индская торговля организовалась по трем направлениям: торговля исключительно двусторонняя — между Англией и Индией; транзитная европейская торговля — в форме реэкспорта ост-индских товаров на континент; местная каботажная торговля в Азии, так называемая «Country trade».

Транзитная торговля и деятельность агентов компании в качестве торговцев на рынках Азии составляют новый элемент в английской торговле XVII в.[1] Увеличение компанией реэкспорта перца, пряностей, калико, индиго и других ост-индских товаров в европейские страны и Ближний Восток — первый шаг к основанию многосторонней торговой системы, к созданию торговых треугольников: Индия — Англия — Европа (Ближний Восток и другие страны). Причем торговая организация транзитной английской торговли уже в начале XVII в. стала носить не только трехсторонний характер, но обменные операции стали приобретать четырехступенчатый и более характер. Так, постепенно вытесняя индийских посредников, англичане стали обменивать коромандельское сукно на пряности на Яве и Суматре с последующим вывозом в Англию и затем — в Западную Европу (Индия — Острова Пряностей — Англия — рынки Европы). В. Морленд замечает, что англичане быстро поняли выгодность реэкспортной торговли, и товары из Индии и других восточных стран ими вывозились в порты Красного моря (Аден, Моху) для транспортировки в Египет и на средиземноморские рынки (Индия — порты Красного моря, Северо-Восточная Африка, Южная Европа[2]).

Помимо создания многосторонней торговой системы предпринимательство Ост-Индской компании в начале XVII .в

способствовало изменению круга покупаемых и продаваемых англичанами товаров. В XVI в. импорт Англии включал: вино, фрукты, продукцию средиземноморских стран, восточные товары, которые реэкспортировались из Португалии, Нидерландов. В течение XVII в. основные статьи английского импорта можно условно разделить на 4 категории: 1) лесоматериалы, поташ из Балтийских стран; 2) соль, вина, фрукты, шелк из Южной Европы; полотно, парусина, смешанные товары из Германии, Франции, Нидерландов; 3) сахар, табак — из Северной Америки; 4) хлопковые изделия (необработанный хлопок, пряжа), шелковый текстиль, пряности, селитра, сахар, индиго — с Востока[3].

Помимо увеличения импортных статей существенными изменениями в английской импортной торговле XVII в. было возросшее количество пряностей, калико, индиго и других восточных товаров, вывозившееся уже непосредственно из района их производства, и значительное расширение ввоза сырья с целью обеспечения привозными запасами сырья национальной промышленности, особенно шерстяной. Среди статей импортного сырья были: краски, текстильное волокно, необработанные материалы (шелк-сырец, грубая пенька), пряжа, нитки, лесоматериалы. В начале XVII в. из Индии привозился необработанный хлопок, пользовавшийся спросом в Англии и соседних странах, который применялся для приготовления фитилей и для производства толстой, коротковорсистой хлопчатобумажной ткани. С целью поощрения национальной промышленности и увеличения ввоза сырья вводились тарифы для привлечения иностранного сырья, причем плата за подобный импорт осуществлялась не в звонкой монете, а в английских промышленных товарах[4]. Уже в 1611 году в выпущенной Яковом I с целью систематизации импортных пошлин на различные статьи так называемой «Налоговой книге» был выдвинут принцип устранения налогов на иностранное сырье[5]. С другой стороны, вводились таможенные ограничения на вывоз отечественного сырья. Так, Яковом I в 1614, 1617, 1621 гг. были выпущены Прокламации, повторенные Карлом I и Кромвелем, провозглашавшие сокращение вывоза шерсти из королевства[6].

Основной статьей экспорта Англии XVII в. оставались различные шерстяные ткани, в первую очередь — сукна. Однако первые же путешествия кораблей Ост-Индской компании показали, что широкое английское сукно не находит сбыта в жарких восточных странах, а его стоимость очень дорогая по сравнению с товарами местного производства. Это обусловило незначительность экспорта сукна в Ост-Индию.

Помимо шерстяных изделий экспорт английской Ост-Индской компании на рынок Индостана включал: свинец, железо,

олово, ртуть, киноварь (ярко-красный цвет), кораллы, вывозимые из средиземноморских стран, стеклянную посуду, «московские кожи», слитки золота и серебра. Одним из изменений в экспортной торговле Англии с «Ост-Индиями» было значительное увеличение в XVII в. в числе вывозимого различных мелких товаров. В. Морленд, обосновывая причины увеличения этой, как он характеризует, «игрушечной торговли», пишет: «Индийцы мало нуждались в европейских товарах. Груз из Европы был уменьшен и стал почти стереотипным с колебаниями только в количестве... Общая стоимость ввозимого не соответствовала вывозимым из Азии в Европу пряностям, калико, индиго, шелку и другим товарам»[7].

Один из принципов меркантилизма: «Торговля процветает, если экспорт превышает импорт в цене». Другими словами, национальное процветание представлялось активным балансом не только в торговле с отдельными странами, но и в национальной торговле в целом. Однако начало XVII в. характеризуется значительными колебаниями в торговом балансе Англии, которому в этот период принадлежала главная роль в английском платежном балансе. После 1611 г. Англия имела хроническую тенденцию к потере популярного посредника обмена — серебряной монеты. Это было одним из факторов пассивности платежного баланса Англии в отдельные годы начала XVII в. и объяснялось следующим: отсутствием развитого промышленного производства, неблагоприятными колебаниями в денежном обращении, связанными с существованием биметаллической денежной системы, с повышением или понижением содержания серебра в монетах, с усилением конкуренции иностранных держав, с трудностями навигации. В период с 1618 по 1623 гг. торговый баланс Англии был пассивным: экспорт в этот период падал, а импорт рос. Так, в 1622 г. платежный баланс Англии сводился с дефицитом в 298 869 ф. ст.[8] В связи с дефицитом платежного баланса Тайный Совет, парламент, так же как постоянные и временные торговые комиссии 1622—1623 гг., неоднократно рассматривали вопрос о балансе торговли, об отливе денег за границу из-за пассивного платежного баланса и о необходимости ведения активной торговли для покрытия пассивного сальдо.

В первой половине XVII в. англичанами выгодной считалась торговля с Португалией, Испанией, а невыгодной — с Францией и с Балтикой. Оценивая ост-индскую торговлю, Л. А. Кларксон пишет: «Стоимость ост-индских товаров, импортируемых в Англию, всегда превышала стоимость экспорта в Ост-Индии, но многие из этих товаров давали доход, когда экспортировались в Европу. В целом в XVII в. баланс торговли был благоприятным большей частью из-за реэкспортной торговли[9]. Действительно, английский экспорт из

Индии, составляющий в 1621 г. 50% индийского экспорта, был активным, так как эти изделия находили спрос в Европе. Только два года между 1601 г. и 1640 г. экспортные товары ценились выше, чем доходы от продажи импорта Ост-Индской компании[10]. По данным Гарднера, в ноябре 1621 г. Ост-Индская компания экспортировала шерстяные товары, свинец, олово на сумму 319 211 ф. ст. В том же году было истрачено на покупку грузов на Востоке 375 288 ф. ст. Этот груз был перепродан на 2 044 600 ф. ст.[11] Таким образом, несмотря на то, что в первой четверти XVII в. стоимость импорта превышала стоимость экспорта, торговля Ост-Индской компании была прибыльной из-за реэкспорта на континент транспортированных из Индостана товаров. В отдельные годы начала XVII в. реэкспортная торговля способствовала превращению пассивного торгового баланса в активный. Торговый излишек в одной области использовался Ост-Индской компанией для ликвидации дефицита в другой, благоприятный торговый баланс с Европой помогал «оплачивать» неблагоприятный торговый баланс с Азией. Этот метод — метод использования транзитной торговли для получения капитала — был важнейшим способом обогащения Ост-Индской компании.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О начале проникновения английской Ост-Индской компании в Индию см.: Левин А. Я. Из истории английского проникновения в Индию («открытие» Индии английской Ост-Индской компанией). Уч. зап. Горьк. гос. ун-та, вып. 51, 1959; Яброва М. М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Изд. Саратовского ун-та, Саратов, 1966.
2. Moreland W. N. From Akbar to Aurangzeb. New Delhi, 1955, p. 39.
3. Подробно о статьях английского импорта с Востока упоминается: Calendar of State Papers... p. 3, 7, 46.
4. Tawney B. N. Business and Politics under James I. Lionel Cranfield as merchant and minister. Cam., 1958, p. 284.
5. Lipson E. The Economic History of England. Vol. III. The Age of Merchantilism. L., 1956, p. 21.
6. Ibid., p. 23.
7. Moreland W. N. Op. cit., p. 59.
8. Anderson A. A. Historical and Chronological Deduction Origin of Commerce, from the Earliest Accounts. Containing a History of the Great Commercial Interest of the British Impire. L., 1787, v. 11, p. 304.
9. Clarkson L. A. The Pre-Industrial Economy in England, 1500—1750, L., 1971, p. 133.
10. Gardner B. The East India Company. L., 1971, p. 44.
11. Ibid., p. 29.

«ПУТЕШЕСТВИЕ В СУРАТ В 1689 г. ДЖОНА ОВИНГТОНА — ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ИНДИИ

Г. В. Воронкова

Для изучения истории колониальной экспансии европейцев в Индии и других странах Востока большой интерес представляют записки путешественников. При всей своей тенденциозности они часто приводят очень важные сведения, позволяющие по-новому взглянуть на известные события и процессы. Существует немало источников такого рода, относящихся к XVII — началу XVIII вв., — это записки Ф. Бернье, Н. Мануччи, Дж. Фрэйера, С. Мастера, А. Гамильтона и др. Но если эти свидетельства пользуются большой и вполне заслуженной популярностью у исследователей, то очень редко можно встретить ссылку на книгу Джона Овингтона «Путешествие в Сурат в 1689 г.» А обращение к ней было бы целесообразно, потому что путешествие Овингтона хронологически как бы «вклинивается» между путешествиями Джона Фрэйера (1673—1681 гг.) и Александра Гамильтона (1727 г.) и затрагивает такое важное событие, как война английской Ост-Индской компании с Моголом 1689—1690 гг. Мы попытаемся выявить те моменты этого произведения, которые могли бы оказать помощь в исследовании политики английской Ост-Индской компании второй половины XVII в.

Джон Овингтон (1653—1731 гг.) происходил из Йоркшира, из семьи зажиточных фермеров. Получил хорошее образование — сначала в Тринити Колледж в Дублине, затем — в Кембридже, где учился до 1679 г. 11 апреля 1689 г., в день коронации Вильгельма III, он отправился в путь на корабле «Бенджамин», принадлежавшем Ост-Индской компании, в качестве корабельного священника, нанятого на временную службу. Путь проходил через о. Мадейру, о. Сант-Яго, о. Аннобон, мимо побережья Африки с заходом на о. Св. Елены, далее — в Бомбей, Сурат, на Молуккские острова и обратно — мимо берегов «Счастливой Аравии» (Южного Йемена) с заходом в Красное море, вокруг Африки. Бухты Бомбея корабль достиг летом 1689 г. и задержался там на три с

половиной месяца из-за начавшегося муссона. В сентябре того же года «Бенджамин» отбыл в Сурат, оттуда, разгрузившись, пошел далее на восток. Джон Овингтон остался в Сурате священником английской фактории, так как это место оказалось вакантным. За время своей жизни там он имел много любопытных наблюдений из повседневной жизни англичан, а также фактов о нравах и обычаях индусов и мусульман, о внутренней политике Моголов. В феврале 1693 г. Овингтон отправился в обратный путь на том же корабле «Бенджамин» и 5 декабря 1693 г. вернулся в Англию. Там он и остался, хотя компания предлагала ему вернуться на службу в Индию. Вскоре в 1696 г. вышла в свет его книга «Путешествие в Сурат», которая была подарена им Ост-Индской компании. Дальнейшая судьба Джона Овингтона была связана с деятельностью священника. Его книга была переиздана в 1929 г. известным английским историком Роулинсоном в Оксфорде. Это издание и послужило нашим основным источником[1].

Об Индии, большая часть территории которой была объединена Великими Моголами, Овингтон пишет как о великой державе, которая «считается одной из наиболее известных и великих не только в Азии, но и на всем земном шаре» и «...никому не уступит пальму первенства»[2]. Описывая ее многочисленные богатства, автор в то же время подмечает и признаки начавшегося упадка империи Великих Моголов — участившиеся междоусобные войны между различными феодальными группировками, вынуждавшие императора содержать огромную армию, бедственное положение населения, страдающего в равной степени от поборов и местных раджей, и центрального правительства[3]. О том же говорит и замеченное Овингтоном стремление состоятельных жителей Сурата скрыть свои богатства из страха перед алчностью могольских чиновников[4]. Большое место в книге уделено описанию повседневной жизни различных групп коренного населения, их нравам, обычаям, верованиям, быту, что характеризует автора как человека наблюдательного, терпимо и с уважением относящегося к религии и обычаям «язычников». Он с восхищением пишет о мастерстве и изобретательности индийских ремесленников, их умении превосходно копировать любые европейские изделия от одежды до военных кораблей[5]. При этом в некоторых ремеслах они даже превосходили европейцев[6]. Особенно интересно его замечание о том, что индийцы потребляли для строительства своих судов очень прочное дерево, которое выдерживало удар пушечного ядра и которое, по мнению Овингтона, «очень подошло бы для военных кораблей в Европе»[7]. О сравнительно хорошем состоянии мореплавания у индийцев свидетельствуют и другие

факты, приводимые автором, — рассказ о торговых связях купцов Сурата с Китаем, Персией, Аравией[8], описание торгового порта Сували — морских ворот Сурата, где предусматривались разные места стоянки европейских и индийских судов[9], и даже сведения об индийских санганах (Sanganians), которых автор назвал «жалкой разновидностью пиратов», нападавших, тем не менее, даже на британские корабли[10]. Все это в какой-то мере может объяснить причину страха европейских колонизаторов перед возможностью появления у индийцев сильного флота и их стремление «уничтожить в зародыше любые попытки в этом направлении»[11].

Вместе с тем, Овингтону не чужды были коммерческие интересы. В своей книге он дает ряд чисто практических рекомендаций своим современникам, занятым в этой области (прежде всего — Ост-Индской компании). Расхваливая высокое качество индийских драгоценных металлов, Овингтон замечает, что «золото в Сурате настолько хорошее, что можно выручить 12—14%, привезя его в Европу»[12]. Это еще один совет британским купцам. Однако в то время сама компания была вынуждена вывозить золото и серебро из Англии в Индию, чтобы закупать ценные ткани, хлопковую пряжу и т. д. Индийцы практически не покупали английских товаров. Важной характерной чертой внешней торговли ряда районов Индии, в том числе Гуджарата, был ее значительный активный баланс. Постоянное превышение стоимости вывоза над стоимостью ввоза создавало значительный приток драгоценных металлов, попадавших в руки в основном феодалов и купцов[13]. Таким образом, золото, серебро оседало в тайниках индийских богачей и в казне Моголов, а иностранная монета, попадавшая в руки могольских чиновников, немедленно переплавлялась в рупии[14]. Отсюда — стремление англичан к захвату внешних рынков индийцев, создание препятствий для морской торговли Индии, в том числе и в виде пиратства.

Деятельность и повседневная жизнь служащих Ост-Индской компании предстает перед нами на примере двух английских факторий — в Бомбее и Сурате. Интересны также сведения о жизни английских поселенцев на острове Св. Елены, принадлежавшем компании, о политике последней по отношению к ним. Большая часть этих сведений носит чисто описательный характер, по которому трудно проследить позицию автора. Можно только сказать, что он не чужд объективности, хотя не исключено, что он в определенной мере выполнял «заказ» компании по поддержанию ее престижа, к тому времени сильно пошатнувшегося от нападок конкурентов в Англии. Описывая повседневную жизнь английской фактории в Сурате, он подчеркивает стремление англичан

подражать восточной роскоши, чтобы внушать таким образом уважение индийцам[15]. Видимо, кое в чем это удавалось, так как индийцы в Сурате обращались к англичанам за помощью чаще, чем к своему губернатору[16]. Очевидно, в таких лицемерных приемах была необходимость, чтобы создать видимость процветания компании и ее силы, хотя положение ее в Англии в то время сильно осложнилось[17]. Столь же подробно приводятся суммы расходов компании на содержание своих служащих в фактории[18], их жалованье, привилегии и доходы от торговли, которую мог свободно вести на Востоке каждый фактор компании[19]. Именно торговля была основным источником доходов служащих, так как высокое жалованье получал узкий круг лиц (президент — 300 ф. ст., казначей — 120 ф. ст., священник — 100 ф. ст., врач и старший фактор — по 40 ф. ст. в год)[20]. Жалованье мелких служащих — младших факторов и писарей — не превышало 15 ф. ст. в год[21], хотя все служащие получали бесплатно стол и квартиру. За 3—5 лет службы в фактории можно было нажить порядочное состояние, так как чистая прибыль от торговли составляла от 50 до 100%[22]. Сам президент суратской фактории Джон Чайлд, умерший незадолго до приезда Овингтона, нажил за 20 лет более 100000 ф. ст.[23] Торговлей занимались не только факторы, но и врач[24], а священник, сам автор, не брезговал принимать подарки от купцов и капитанов[25]. Однако, при всей видимости равных возможностей для обогащения, продвижение по службе в фактории нельзя назвать равным, так как оно зависело и от времени пребывания в Индии, и от общественного положения служащего[26]. Но независимо от продвижения по служебной лестнице англичане получали «дополнительные выгодные заработки, относящиеся к их должности», то есть попросту взятки, о которых стыдливо и вскользь упоминает английский священник[27].

При всем желании (или будучи вынужденным?) умолчать о трудностях, неудачах и негативных сторонах деятельности Ост-Индской компании, Овингтон все же не мог обойти тех фактов, которые бросались ему в глаза и вызывали у него возмущение.

Он не скрывает сложного положения компании в Бомбее, где из-за гнилого климата, недостатка продовольствия, плохой воды была высокая смертность как среди детей европейцев[28], так и взрослых — от солдат и матросов до высших чиновников[29]. Из-за этого компания вынуждена была идти на большие расходы, чтобы вербовать новых людей для службы в Бомбее[30]. Неблагополучным было и положение английских поселенцев на о. Св. Елены. Страх компании перед конкуренцией частных торговцев (интерлоперов) доходил до

того, что рядовым жителям острова компания запрещала вести торговлю с другими странами[31]. Это вызывало серьезные конфликты поселенцев с властями Ост-Индской компании, политика которых по отношению к трудовому населению острова, по мнению Овингтона, носила «позорное клеймо жестокости»[32].

Одним из наиболее интересных моментов для изучения состояния дел Ост-Индской компании того времени представляется рассказ Овингтона о взаимоотношениях английских факторов с индусами—торговцами из касты банья (Bannian).

Последние располагали огромными богатствами[33]. Агенты компании еще в первой половине XVII в. пользовались у них широким кредитом, чтобы избежать рискованных перевозок больших сумм денег и постоянно находились в долгу у богатых индусов[34]. В 80—90 гг. XVII в. служащие фактории в Сурате также были вынуждены занимать у банья деньги под ростовщический процент (25%) для торговли с Китаем. Но при этом англичане выставляли и свое, не менее тяжелое условие: они должны были возвращать деньги только при благополучном прибытии корабля в Сурат[35]. Конечно, такое условие открывало англичанам простор для всякого рода мошенничества с целью освободиться от кредиторов, которые обходились слишком дорого. В свою очередь, банья, прекрасно знавшие индийский рынок, нередко выступали и в качестве агентов (brokers) компании, занимавшихся распределением ее товаров. Но доля их за посредничество в торговле была очень незначительна (3%), и они ежегодно делали богатые подарки англичанам[36], чтобы добиться для себя более выгодных условий.

Моментом, имеющим очень важное значение для критики построений тех буржуазных авторов, которые создают вокруг английских колониальных деятелей ореол «героев»[37], является рассказ Овингтона о моральном облике служащих английских факторий. В этом месте повествования, как нигде, звучит правдивое и горькое слово автора, потрясенного картиной страшного морального разложения своих соотечественников. Вот что писал он после знакомства с жизнью англичан в Бомбее: «Я не могу без ужаса вспоминать, до какой степени там дошли злобные и гнусные преступления...; я не могу даже подумать, что божественное правосудие сопровождало эти роковые несчастья, которые нельзя целиком приписать заразному воздуху... Этим можно воспользоваться как орудием, но истинная причина болезни лежит глубже. Принципы и вытекающая из них дьявольская деятельность англичан усиливали их несчастья ...и ускоряли их поспешный переход в мир иной. Роскошь, бесстыдство, разврат нашли среди них новую почву... Ни один порок не считался таким

отвратительным, как отсутствие крайней злобы»[38]. Но если здесь Овингтон ограничивается общими словами, то в рассказе о Сурате он более конкретно показывает жизнь английской фактории, ту обстановку, где, по выражению К. Маркса, царил «мелочный, грязный торгашеский дух, свойственный всем тогдашним купцам и всем методам торговли»[39]. Овингтон пишет о насаждении там духа всеобщего шпионажа, ссор, взаимного недоверия[40]. Автор осуждает это, считая, что таким образом прежде всего страдает дело. По всей вероятности, такая обстановка отражала сложное положение компании в самой Англии. Овингтон дал весьма нелестную характеристику и покойному президенту суратской фактории Джону Чайлду. Он писал о том, что у факторов вызывали страшное недовольство его пристрастное отношение к родственникам при продвижении по службе вопреки установленным порядкам, его скупость, стремление любым способом выслужиться перед хозяевами[41]. Таким образом, этот факт подтверждает наличие оппозиции не только вне Ост-Индской компании, но и внутри нее. Кроме того, в Сурате Овингтон столкнулся с теми же пороками, которые наблюдал у англичан в Бомбее — распущенностью, пьянством, развратом, богохульством. Наставления священника, видимо, уже не действовали на англичан, и компания была вынуждена вмешаться своей властью, издав соответствующий приказ[42]. В нем подчеркивалось, что подобные поступки дискредитируют Ост-Индскую компанию и всю английскую нацию, и предусматривалось наказание провинившихся вплоть до высылки в Англию[43]. Но этим приказом компания лишь расписалась в неблаговидном поведении своих представителей.

Наряду с такими искренними признаниями, в книге встречаются и другие рассуждения, проникнутые холодным цинизмом. Например, рассуждения о тех выгодах, которые компания могла бы получить от вмешательства в дела о престолонаследии в случае смерти Аурангзеба[44]. Это непохоже на того Овингтона, который сочувственно писал о несчастьях индийского народа, жившего в постоянном страхе, горе и нищете из-за грабительских феодальных междоусобиц[45]. Скорее всего, эта точка зрения исходила от окружения Овингтона — высокопоставленных агентов суратской фактории (президента Б. Гарриса и др.) и была включена в книгу в числе прочих рекомендаций на будущее, так как книга впоследствии была подарена компании.

Вместе с тем во второй половине XVII в. «в результате колонизации новооткрытых земель торговая борьба наций друг с другом получила новую пищу, а тем самым большее распространение и более ожесточенный характер»[46], а сама «торговля отныне приобретает политическое значение»[47]. По-

этому, осуждая своих соотечественников за недостойное поведение, дискредитировавшее Англию в глазах туземцев, Овингтон тем более не жалеет красок, когда речь заходит о деятельности торговых конкурентов — португальцев и голландцев, причем здесь субъективная оценка автора близка к объективному положению вещей. Именно интригами голландцев, предлагавших Моголу повысить пошлины на англичан, Овингтон пытается мотивировать необходимость для англичан иметь в Индии постоянные фактории. Выражая мнение своих хозяев, он предупреждает о необходимости внимательно следить за действием конкурентов, подарками поддерживать расположение к себе Могола, наладить хорошую охрану торговых судов, как это было заведено у голландцев[48].

Отмечая усиление позиций голландцев, «которые стали более значительной фигурой, чем их предшественники»[49] (т. е. португальцы — Г. В.), Овингтон раскрывает некоторые методы, которыми те добились такого превосходства. Обладая в то время монополией на торговлю пряностями, голландские купцы стремились всеми способами сохранить ее и не допустить снижения цен на пряности в Европе, извлечь из нее максимальные прибыли. Дело доходило до того, что они уничтожали в огромных количествах корицу, вывозимую ими с островов Архипелага[50], применяли откровенно мошеннические приемы в торговле, продавая по высоким ценам испорченные специи, из которых предварительно был извлечен экстракт[51]. Конечно, подобные наблюдения автора, опубликованные в книге, как нельзя лучше соответствовали целям английской Ост-Индской компании, заинтересованной в подрыве престижа своей голландской соперницы. Единственное преимущество голландцев над англичанами Овингтон видел в том, что служащие голландских факторий имели меньше возможностей для личного обогащения, так как были лишены права свободно торговать для себя на Востоке[52].

Говоря об упадке прежнего могущества Португалии в Индии[53], Овингтон раскрывает часть причин этого процесса. Наглость и жестокость португальских колонизаторов, проявлявшаяся в убийствах коренных жителей, обращение в католичество индийских детей-сирот для обогащения церкви за счет их наследства — все это вызывало ответную реакцию у Моголов — военные набеги, грабежи португальских факторий. И здесь Овингтон защищает антипортугальскую политику Аурангзеба, внешне проявлявшуюся в его религиозной нетерпимости (осуждении «идолопоклонства» католиков)[54]. Таким образом, протестантский священник выступил на стороне мусульманского правителя, когда это соответствовало интересам Ост-Индской компании.

Наряду с европейскими конкурентами был и другой фак-

тор, существенно влиявший на положение компании в Индии — это само государство Великих Моголов. Между ним и англичанами складывались довольно сложные взаимоотношения, из которых Овингтон пытался вывести причины войны компании с Аурангзебом и ее результаты. Причины он сводит к следующему.

Главную вину за развязывание этой войны, разорившей остров Бомбей, он возлагает на могольские власти, деспотически обходившиеся с английскими агентами. Это выражалось в произвольном повышении пошлин на все ввозимые англичанами товары с 2,5% до 4% из-за отказа последних платить джизию[55], взимании пошлин со всего, вплоть до золотых пуговиц на одежде — о чем с возмущением пишет Овингтон[56]. Уклонение англичан от уплаты пошлин и послужило поводом к началу военных действий, осаде индийскими войсками в феврале-декабре 1689 г. крепости на о. Бомбей и ее капитуляции. Конечно, эти доводы, записанные Овингтоном со слов англичан (сам он приехал в Индию после окончания войны), не могут в полной мере объяснить происшедшего. Лишь частичное объяснение дают и примечания издателя Роулинсона, считавшего причиной нападения на Бомбей войск индийского адмирала Сиди стремление последнего иметь там базу для военных операций против маратхов[57].

Война с Великим Моголом не только не принесла пользы компании, но и закончилась большими жертвами и потерями для нее, поскольку велась не только в Бомбее, но и в Бенгалии. Овингтон, вероятно, сознательно умолчал о конкретных условиях мира, на который компания вынуждена была пойти после сдачи Бомбея Сиди в декабре 1689 г. Овингтон больше всего обвинял в этом поражении президента Сурата и губернатора Бомбея Джона Чайлда, который, будучи ловким купцом, оказался совершенно беспомощным в военном деле[58]. При этом он высказал предположение (вероятно, распространенное тогда в Бомбее), что Джон Чайлд умер от страха перед Ост-Индской компанией за свои несмелые действия и за унизительные для нее условия мира[59]. Овингтон не дает, таким образом, прямого объяснения главных причин событий и в этом отношении уступает Ф. Бернье, который ясно видел там роль индийских купцов, не желавших уступать иностранцам свои позиции в торговле с Персией, странами Восточной Африки, Юго-Восточной Азии. «Беззащитное на море перед любым европейским пиратом, — писал он, — на суше, на территории Могольской империи, гуджератское купечество могло постоять за свои интересы»[60].

Но все же эта мысль подтверждается другими фактами, приводимыми Овингтоном, если рассматривать их с иной точки зрения, чем у автора. Эти факты заключаются в следующем. С августа по декабрь 1691 г. все англичане Сурата (в том числе и автор «Путешествия...») оказались под арестом в собственной фактории на основании обвинения, выдвинутого против них суратским купцом Абдул Гафуром, в захвате и ограблении принадлежащего ему судна. Причем обвинение распространялось на всех европейцев. Когда от англичан потребовали возмещения убытков, те отказались платить, заявив, что обвинение несправедливо. Когда же выяснилось, что пиратами были датчане, а обвинение против англичан было сфабриковано мусульманскими купцами, последние тем не менее долго препятствовали освобождению англичан и пытались оказать давление на индийские власти Сурата[61]. Подобный случай повторился и в 1692 г., но тогда Абдул Гафур был уличен в укрывании золота, которое он пытался приписать якобы ограбившим его английским пиратам[62]. Все эти факты, которыми Овингтон хотел подчеркнуть «невинность» английских купцов, свидетельствуют прежде всего о той непримиримой позиции, которую занимали в отношении их купцы Сурата, не без оснований видевшие в англичанах своих опасных конкурентов. И в этой борьбе они не брезговали никакими средствами, используя любой повод для нанесения удара соперникам. Тем более, что случаев было достаточно. Как ни пытался Овингтон представить слуг компании «невинными жертвами», он все же упомянул о пиратах-европейцах, которых однажды при нем провезли через Сурат на суд Великого Могола[63].

Рассмотрев этот любопытный и малоизученный источник, можно заключить следующее. При анализе книги Овингтона необходимо учитывать не только живой интерес автора, его стремление к правдивому изложению событий, но и его зависимое положение от Ост-Индской компании, мнение которой он выражает, нередко противореча излагаемым им фактам и своим собственным убеждениям. «Путешествие в Сурат» дает богатый материал для оценки роли того внешнего фактора, который повлиял на осложнение положения английской Ост-Индской компании после «славной революции» 1688 г., помимо оппозиции внутри страны, выражавшей интересы интерлоперов. Этим внешним фактором были как европейские конкуренты (главным образом голландцы), так и держава Великих Моголов, которая сопротивлялась политике европейских торговых компаний, препятствовавшей морской торговле Индии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ovington, John. A voyage to Surat in the year 1689. Ed. by H. G. Rawlinson. L., 1929.
2. Ovington. Op. cit., p. 103.
3. Ibid., p. 113—114.

4. Ibid., p. 130.
5. Ibid., p. 166.
6. Ibid., p. 167.
7. Ibid., p. 166.
8. Ibid., p. 131.
9. Ibid., p. 100.
10. Ibid., p. 99—100.
11. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX вв.). М.-Л., 1965, с. 78, 79.
12. Ovington. Op. cit., p. 131.
13. Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесло, и торговля в XVI—XVIII вв.). М., 1965, с. 123.
14. Ovington. Op. cit., p. 132.
15. Ibid., p. 232—233.
16. Ibid.
17. В 1690 г. создалась особая ассоциация, имевшая более широкую социальную базу, чем старая Ост.-Индская компания, и объединившая частных торговцев-нарушителей монополии компании (интерлоперов). Фактически это была новая компания. В 90-х гг. XVII в. между двумя компаниями развернулась ожесточенная борьба. — См.: Кудрявцев А. Е. Ост-Индская проблема в Англии в XVII в. — Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена, т. XI, 1938, с. 52.
18. Ovington. Op. cit., p. 230.
19. Ibid,., p. 227.
20. Ibid., p. 227, 229, 234.
21. Ibid., p. 229.
22. Ibid., p. 228.
23. Ibid., p. 95.
24. Ibid., p. 234.
25. Ibid.
26. Ibid., p. 227.
27. Ibid., p. 229.
28. Ibid., p. 88.
29. Ibid., p. 85—86. Там возникла горькая поговорка «Жизнь человека равна двум муссонам». Из 24 пассажиров «Бенджамина» за время пребывания Овингтона в Бомбее умерло от болезней 20, и из команды 15 человек. — p. 86.
30. Ibid., p. 87.
31. Ibid., p. 59.
32. Ibid., p. 62.
33. До 100000 ф. ст. — p. 164—165.
34. Левин А. Я. Из истории английского проникновения в Индию («открытие Индии английской Ост-Индской компанией). — Уч. зап. Горьк. ун-та, вып. 51, 1959, с. 15.
35. Ovington. Op. cit., p. 228.
36. Ibid., p. 233—234.
37. Например, Refai G. Z. Sir George Oxinden and Bombay, 1662—1669. In: EHR., v. 92, No. 364, 1977, p. 581; Gardner B. The East India Company. L., Hart-Davis, (cop. 19713, p. 11).
38. Ovington. Op. cit., p. 87.
39. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 3, с. 59.
40. Ovington. Op. cit., p. 230.
41. Ibid., p. 95.
42. Текст его приводится на с. 237.
43. Ibid., p. 237. Вполне вероятно, что проступки некоторых служащих были для компании удобным поводом, чтобы избавиться от внутренней оппозиции.

44. Речь идет об оказании поддержки Шах-Акбару — зятю персидского шаха. — p. 119.
45. Ovington. Op. cit., p. 114.
46 Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 3, с. 57.
47. Там же, с. 56.
48. Ovington. Op. cit., p. 225, 226.
49. Ibid., p. 102.
50. Ibid., p. 135.
51. Ibid., p. 136.
52. Ibid., p. 227. Личное отношение Овингтона к голландцам выражено с оттенком иронии. Посетив их церковь, он сравнил ее с караульным помещением, т к. все стены там были увешаны оружием. — p. 235.
53. Ibid., p. 125—126.
54. Ibid., p. 124—125.
55. Ibid., p. 92, n. 1.
56. Ibid., p. 92.
57. Ibid., p. 91, n. 2. См. также; The Cambridge History of India v. V. p. 101. V. British India, 1497—1858. Ed. by H. H. Dodwell, Cam., 1929.
58. Ovington. Op. cit., p. 93—94.
59. Ibid., p. 94—95.
60. Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.—Л., 1936, с. 201. Изданная в 1671 г. в Лондоне «Карта коммерции» также подчеркивает силу и влияние гуджератского купечества. В главе, посвященной описанию торговли в Камбее, говорится: «Здесь находится множество купцов, как христиан, так и персов, арабов и армян; но коренные жители, которые зовутся гуджератцами и банья, почитаются как самые значительные и искусные торговцы во всей Индии». — The Merchants Map of Commers. By Lewis Roberts, merchant. The 2nd ed., 1671, p. 133.
61. Ovington. Op. cit., p. 239—243.
62. Ibid.
63. Ibid., p. 138.

ЗАМЕТКА О НОВОЙ КНИГЕ. — Л. П. РЕПИНА. СОСЛОВИЕ ГОРОЖАН И ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В АНГЛИИ XIV ВЕКА. М., 1979

Н. А. Фионова

Монография Л. П. Репиной является итогом серьезной работы над многочисленными и разнообразными источниками. Их анализ проведен на высоком профессиональном уровне.

Наиболее интересна, на наш взгляд, первая глава — «Социально-экономическое развитие городского сословия Англии в XIV в.». В ней обстоятельно показаны рост ряда английских городов (в первую очередь, Лондона — с. 35, 41, 42, 45, 47—50), усиление имущественной дифференциации внутри городских общин (с. 57—61, 71) и концентрации собственности в руках богачей (с. 48, 50, 54, 55, 78—80). Автор, в частности, правильно замечает, что развитие английского купеческого капитала было основано на торговле шерстью и сукном. «Переработка сырой шерсти в готовое для продажи сукно, включавшая в себя целый ряд технологических процессов, ...требовала новой организации производства, которую не могла обеспечить ни одна из узко специализированных ремесленных гильдий» (с. 75). Поэтому «в XIV веке мы встречаемся, по-видимому, с отдельными фактами, говорящими о существовании рассеянной мануфактуры», «появление централизованной мануфактуры относится к XV в.» (с. 75). «Растущие масштабы производства сукна... создали предпосылки для внедрения в эту сферу экономики купца-предпринимателя, распределявшего сырье и полуфабрикаты среди ремесленников, скупавшего и сбывшего готовую продукцию на внутренних и внешних рынках» (с. 75). Эти положения являются, в известной мере, новаторскими и заслуживают дальнейшей разработки[1].

Вторая глава — «Городское сословие и королевская власть» — также базируется на большом документальном материале, причем часть источников привлекается впервые. Особого внимания заслуживают страницы, посвященные «купеческим конференциям» (с. 125—128, 132—133). Исследовательница приходит к выводу, что «последние представляли собой... орудие финансовой политики короны», стремившейся

использовать «односословные» купеческие собрания для сохранения своих прерогатив и ослабления зависимости от парламента в решении финансовых задач (с. 133). Достаточно подробно рассматривается роль местных финансистов в кредитовании королевской казны (с. 115—118), но без учета активной деятельности итальянцев в этой сфере. Отмечено только, что «положение английских компаний было еще менее прочным, чем у итальянских банкиров» (с. 118). Приводится немало примеров урегулирования торговых отношений англичан с фландрскими, французскими, немецкими властями или купцами (с. 107—110), итальянские же купцы, постоянно посещавшие Англию и пользовавшиеся там огромными привилегиями, забыты.

Третья (последняя) глава — «Городское сословие и социально-политическая борьба» — более схематична. Вряд ли оправдан отказ автора от самостоятельного анализа роли «городского сословия» в великом народном восстании 1381 года (с. 179—181). Для уяснения «общеполитических конфликтов» следовало бы рассмотреть социальную борьбу в Лондоне и других важнейших городах в 70—80-х годах XIV в. В Лондоне, например, были две бюргерские группировки: одна возглавлялась гильдиями, контролировавшими торговлю продуктами (бакалейщики, виноторговцы, рыботорговцы), и ориентировалась на Ричарда II и его совет, другая объединяла гильдии и цехи «текстильного профиля» и имела контакты с двором могущественного Джона Гентского, дяди короля[2].

В «Заключении» Л. П. Репина совершенно справедливо подчеркивает противоречивый характер экономического и социального развития английского города в XIV веке. Однако нельзя не заметить, что наблюдения автора, свидетельствующие об экономических успехах английского бюргерства (о росте влиятельного купечества и торгово-ростовщического капитала, об усложнении городской экономики и углублении специализации в промышленности и торговле, об имущественной и социальной дифференциации), говорят о наращивании потенциала для прогрессивной антифеодальной тенденции.

Материал, собранный и проанализированный Л. П. Репиной, представляет интерес в плане конкретизации предпосылок генезиса капитализма в Англии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Яброва М. М. Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации. — В кн.: Средневековый город. Вып. 2. Саратов, 1974, с. 146—173; она же. О раннем этапе проникновения купеческого капитала в мелкое производство в Лондоне. — В кн.:

Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 1. Л., 1974, с. 61—66.

2. См.: Кузнецов Е. В. Борьба цехов и купеческой олигархии в Лондоне 70—80 гг. XIV в. — Уч. зап. ГГУ, вып. 88, ч. 2. Горький, 1968. с. 85—126.

СОДЕРЖАНИЕ

Телегина Э. П. Основоположники марксизма об английской колониальной политике в Ирландии в период Реставрации (1660—1688) (Горьковский ун-т) 3

Ивонин Ю. Е. Англия и мир в Като-Камбрези (Белорусский ун-т) 17

Исаенко А. В. Теория «королевской супрематии» в английской религиозно-политической литературе конца 50—70-х гг. XVI в. (Северо-Осетинский ун-т) 33

Лукоянов В. В. К вопросу о взглядах Бэкона на историю как науку (Горьковский пед. ин-т) 43

Осокин М. Г. Торговля Англии с Левантом и развитие английской промышленности в первой половине XVII в. (Московский ун-т) 51

СООБЩЕНИЯ

Кузнецов Е. В. «Купцы-авантюристы» Лондона (страницы ранней истории) (Горьковский ун-т) 70

Маркова С. П. Йоркская компания купцов-авантюристов и купцы-авантюристы Лондона в XV—начале XVI вв. (Мордовский ун-т) 79

Евсеев В. А. Компания купцов-авантюристов Ньюкасла-на-Тайне в XVI — начале XVII вв. (Ивановский ун-т) . . . 92

Бейдина Т. Е. О некоторых особенностях торговой деятельности Ост-Индской компании в начале XVII в. (Ленинградский ун-т) 97

Воронкова Г. В. «Путешествие в Сурат в 1689 г.» Джона Овингтона — источник по истории английской колониальной политики в Индии (Горьковский ун-т) 101

Фионова Н. А. Заметка о новой книге. — Л. П. Репина. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979. (Горьковский ун-т) 112

Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии

Межвузовский сборник

Редактор *Е. В. Кузнецов*
Техн. редактор *Е. В. Тамберг*
Корректор *И. И. Шерстнева*

Сдано в набор 28.08.80. Подписано в печать 31.12.80. МЦ 10865.
Формат 60×90 1/16. Бумага оберточная. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл.-печ. л. 7,25. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 750 экз.
Заказ 7647. Цена 1 руб.
Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
г. Горький, пр. Ю. Гагарина, д. 23.

Дзержинская типография Горьковского областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Дзержинск, пр. Циолковского, д. 15

1 руб.